

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Н. А. НЕКРАСОВ

(1821 — 1877)

ТОМ II

Под общей редакцией
В. Я. КИРПОТИНА

АКАДЕМІА
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Н. А. НЕКРАСОВ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ ТЕКСТА
И ПРИМЕЧАНИЯ
КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ В. Я. КИРПОТНИА

ТОМ II

КНИГА I

ACADEMIA
1937

*Переплет и суперобложка
по рисункам Б. В. Шварца*

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

По техническим причинам второй том собрания стихотворений Н. А. Некрасова разделен на две книги. Комментарий помещен в конце второй книги.

П. А. Некрасов

С фотографии 70-х годов

Институт литературы Академии Наук СССР

П. А. НЕКРАСОВ

I

Некрасову принадлежат известные стихи:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

В приведенном двустишии видели и видят до сих пор образец гражданской утилитарной поэзии. И справедливо. Однако в общераспространенном этом мнении кроется многократно повторяющееся упрощение. Некрасову приписывают пренебрежение чисто поэтической стороной художественного творчества во имя содержания, во имя гражданской проповеди. Политической, общественной тенденции искусства Некрасов будто бы придавал такое значение, при котором для строгого отношения к форме у него уже не оставалось места. Очень часто поэтому и считалось, что стихотворения Некрасова отличаются недостаточным формальным совершенством, что «муза мести и печали» находила отклик в сердцах за ее политический призыв — и только. Без великого, общезначимого содержания в самом деле не может быть великого поэта, но чтобы поэтическое произведение взволновало и увлекло читателя, оно должно быть обязательно облечено в совершенную художественную форму. Н. Ф. Бельчиков открыл недавно стихотворные опыты Н. А. Серно-Соловьевича. Их политическая тенденция во всяком случае не менее последовательна, чем поэтическая тенденция творчества Некрасова. Но в стихах Серно-Соловьевича поэзия и не почевала. Они интересны только как общественный документ. А стихотворения Некрасова и по сегодняшний день обладают произительно трогательной силой. От них еще и сегодня больно. Народное горе, глашатаям которого выступал Некрасов, сегодня уже излечено.

Если все же произведения Некрасова производят на нас большее впечатление, чем простой исторический рассказ, то это объясняется их выдающимися поэтическими достоинствами. Некрасов вовсе не пренебрегал поэтической формой. В стихотворении «Поэт и гражданин», откуда заимствовано цитированное выше двустишие, Некрасов пропагандирует не отказ от поэзии во имя политики, а доказывает только, что поэтическая сила искусства находится в прямой пропорциональной зависимости от его политической тенденции. Чем выше политический накал поэзии, тем выше (при наличии конечно таланта у поэта) и ее поэтическая сила. В заключительной реплике своей стихотворной беседы с гражданином поэт с грустью констатирует, что когда он, сложив смиренно руки, отказался от политической борьбы, дабы не поплатиться головой, муза вовсе покинула его.

Склонила муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цепи,
И мигом скроется она.

Не желая расстаться со своим призванием, беседующий с гражданином поэт попытался перейти на политически-безобидные темы. Я не вовсе чуждался своей музы, — рассказывает он, —

Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких ворюшек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.

Поэзия обнаруживает во весь рост свою сокровенную силу не тогда, когда она воспекает красу долин, небес и моря и ласки

милой, а именно тогда, когда она всем естеством своим проникается большой политической страстью. Это имел в виду Некрасов, а не пренебрежение к поэтической формальной стороне художественного творчества. Ту же мысль повидимому хотел выразить Некрасов в стихотворении, озаглавленном «Демону».

«Демону» — слишком отвлеченное произведение, и поэтому идея его недостаточно ясна. Все же смысл названного стихотворения хоть отчасти раскрывается при сопоставлении его с «Поэтом и гражданином». Как поэт жалуется во втором стихотворении, что его покидает муза, когда он гасит в себе пламень гражданского негодования, так и в первом сказано, что демон-мучитель оставляет его, когда он соединяется с «болтливой братьей»:

Где ты, мой старый мучитель,
Демон бессонных ночей?
Сбился я с толку, учитель,
С братьей болтливой моей.

Всепонимающие и всепрощающие болтуны на демократическом языке того времени обозначали либералов, рыцарей слов, не подкрепленных делами. Мучительная муза Некрасова, лишавшая его покоя и сна, вполне заслуживала обращения «демон бессонных ночей». Если наше толкование правильно (а оно имеет все признаки правдоподобия), то стихотворение «Демону» также подчеркивает, как остро Некрасов чувствовал связь между политическим, революционным протестом и поэзией. Да и как это могло быть иначе, если вся история Некрасова как поэта целиком объясняется историей его общественно-политического развития.

Пока Некрасов не стал сторонником передовых политических идей своего времени, он, обнаруживая недюжинные способности версификатора, был однако посредственным и даже слабым поэтом. Его «Мечты и звуки», впоследствии тщательно уничтожавшиеся им, являют собой пример рядового трудолюбивого эпигонства, пример превращения идей и форм великого когда-то литературного движения (романтизма) в успокоенные и скучные трафареты. И в общендеологическом плане и в политическом отношении «Мечты и звуки» были явлением реакционным. Идеология их идеалистична и религиозна, в политическом отношении они, в лучшем случае, индифферентны, но зато и их поэти-

ческие достоинства, вопреки всем канонам чистого искусства, ничтожны. Когда мы в первом же стихотворении юношеской книги Некрасова читаем, как угрюмое зданье Колизей вешает от своего собственного имени:

Великим умом я задумано было,
И думу глубокую множеством рук
В существенность тяжким трудом обратило,
В красе величавой восстало я вдруг,

то мы едва верим, что эти строки написал такой оригинальный, простой и сильный поэт, как Некрасов. К счастью, в «Мечтах и звуках» было больше слепой подражательности, чем даже юношеской незрелости. Бросив ложно-романтический подражательный род, Некрасов стал писать, чтобы потрафить рынку, чтобы как-нибудь пробиться и просуществовать; он стал создавать юмористические стихи, в качестве примера которых можно привести хотя бы его куплеты «Провинциального подьячего в Петербурге»:

Грамматику, эстетику
Из мысли я прогнал.
Люблю лишь арифметику,
От ней богат я стал.
Сперва я от деления
Не мало получил:
Начальник отделения
Делить меня учил.
По мере повышения
Мой капитал толстел
И рос — от умножения
Просителей и дел.
Дало плод вычитание,
Как подчиненным я
Не брать дал приказание,
За вычетом себя.
Сложив все в заключение,
Сложенье я узнал,
И вышел от сложения
Изрядный капитал.
Хоть шиворот на выворот
Я правила прошел,
Не выведут за шиворот,
Куда б я ни вошел!

Взятка в царской России была грандиозным явлением, она неоднократно была темой сатирического негодования и осмеяния.

Но та обработка, которую ей придал Некрасов, в вышеприведенном отрывке носит не сатирический, а юмористический характер. Юмористические стихи Некрасова — результат его подневной литературной работы и имеют значение только однодневных газетных фельетонов. Они не завоевали себе прочного места в литературе. Следует отметить, что в своих юмористических, шуточных, пародийных стихотворениях Некрасов стал разрабатывать тематику, обнаружившую изнанку российской действительности. Но им недоставало еще желчи и крови, негодования и боли, взгляда в иную, лучшую действительность, противопоставляемую несправедливому и скверному окружающему. Все это дала поэзии Некрасова политическая и социальная мысль. Она придала его осуждению обобщающую силу осмысленного протеста, она сплвила социальное и политическое обличение с неиссякающей лирической струей задыхающегося негодования, пронзительной жалости, клокочущей, не прощающей ненависти. Она сделала Некрасова великим поэтом.

Мы знаем также, под чьим влиянием политически рос и созревал Некрасов, кто помог ему довести его богатый житейский опыт, давший ему обильный запас наблюдений социальных антагонизмов и правительственного произвола, до политического сознания. Учителями Некрасова были основоположники и руководители общественно-политической мысли демократического лагеря в России — Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Ко всем им Некрасов сохранил до конца своих дней благодарную память. Каждый раз, когда ему приходилось решительным образом выбирать между своими друзьями (в житейски тривиальном смысле) и политическими друзьями, он делал этот выбор в пользу последних.

Белинский сыграл огромную роль в идейном развитии Некрасова, и поэт сохранил к нему трогательное благоговейное отношение на всю жизнь.

Перу Некрасова принадлежит широко известная и необыкновенно верная характеристика великого критика:

Наивная и страстная душа,
В ком помыслы прекрасные кипели,
Упорствуя, волнуясь и слеша.

Сочувствие Некрасова к привлекательной личности Белинского было сочувствием ученика к учителю. Учителем Некрас-

сов называл Белинского неоднократно. Он благоговел перед ним именно как перед учителем.

Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

Белинский осветил идеей отрицания мир неправды и насилия, в котором начинающий поэт первоначально чаял найти спасение только для себя лично на путях славы и материального благополучия.

И он пришел, плебей безвестной!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идютов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвенье истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг...
.....
И между тем, как перед ним
Его соратники смирялись
И в подлецов преображались,
Он шел один непоколебим!..

Некрасов пришел к политическому сознанию под влиянием пламенной проповеди Белинского. На своем примере он мог судить, что значил Белинский для поколения сороковых годов. Некрасов справедливо считал его учителем не своим только, но и учителем всей демократической и свободолюбивой части этого поколения.

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы, —
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Белинский был пионер. Круг истинных друзей и сторонников вокруг него был так узок, что после его смерти самая могила его было затерялась. В одном из стихотворений «О погоде» Некрасов рассказывает, как он, бродя по кладбищу, тщетно разыскивал безвестную могилу великого критика и первого вождя русской демократии. Но Некрасов жил и действовал тогда, когда, по выражению Ленина, немногочисленный круг дворянских революционеров стал сменяться более широким, притом все расширявшимся кругом революционеров-разночинцев, революционеров-демократов. Белинского в качестве вождя демократии в России сменили Чернышевский и Добролюбов. С обоими Некрасов был тесно связан, под преобладающим воздействием обоих шло его дальнейшее развитие. Исполнительная фигура Чернышевского вставала перед умственным взором Некрасова, как образ пророка, пришедшего гибелью своей добиться торжества добра над дарствующим злом. Смерть Добролюбова он оплакал в горьких стихах.

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!
.....
Плачь, русская земля! Но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно.

И опять-таки для Некрасова Чернышевский и Добролюбов были не только жертвы, павшие на пороге революционного преобразования России, но и учителя, просветившие его самого, учившие жить и умирать за свободу, за народ, т. е. политические его руководители и воспитатели.

В письмах Чернышевского из Сибири сохранился рассказ о терпеливом просветительном воздействии вождя движения шестидесятых годов на поэта.

— «Я постоянно пробовал рассказывать ему, — пишет Чернышевский, — просто, в чем состоит сущность наших знаний о том, что было бы полезно ему знать. Он, разумеется, не тяготился, не чувствовал досадным, что я хочу учить его» («Чернышевский в Сибири», вып. III, стр. 57).

Ширь и размах, боль, скорбь, гнев, революционную перспективу — все, что делает его поэзию бессмертной и для будущих поколений, — Некрасов, ни дома ни в цензурной школе не по-

лучивший даже просто сколько-нибудь законченного образования, приобрел в политическом лагере революционной демократии. Политическая осмысленность сделала Некрасова из версификатора и литературного поденщика истинным поэтом. Отсюда становится ясным, насколько не прав К. И. Чуковский в своей книге о Некрасове (изд. Кубуч, 1926), утверждая, что унылый ритм Некрасова, особая заупокойная пульсация его стиха сделали его великим поэтом. «Отнимите у него этот ритм, и у него ничего не останется. . . Пока он не нашел в себе этого ритма, он был литературный ремесленник, но едва этот ритм открылся ему, он сделался могучий поэт» (стр. 113).

И в другом месте той же книги, в более общей форме: «Ритм всякого великого лирика есть проявление его основного душевного склада, его темперамента, и не следует ли из всего вышесказанного, что ритм в поэзии Некрасова, как и во всякой поэзии, есть явление первичное, а образы — явление производное, если не всегда и не всецело, то часто и в значительной степени обусловленное и даже порожденное ритмом?» Нет, не так, конечно. Сначала у Некрасова развились и утвердились особые политические мысли, сначала Некрасов занял свое вполне определенное место в политическом лагере революционной демократии в России, и только после этого и вследствие этого Некрасов сумел открыть и усовершенствовать семантические формальные особенности своей поэзии. Осознание страданий народа и стремление к их излечению создали поэзию Некрасова:

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая — «страдания народа»,
И что поэзия забыть ее должна, —
Не верьте, юноши! Не стареет она.
О, если бы ее смогли состарить годы!
Процвел бы божий мир! . . . Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по выжженным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза! . . .

(Элегия. А. Н. Е — ву.)

И если Корней Чуковский сообщает в доказательство своей мысли, что поэт «сам обмолвился однажды, что в процессе творчества *звучи* у него предшествуют мыслям или, по крайней мере, являются отдельно от них:

В груди кипят рыдающие звуки...
Пора, пора им верить мысль мою,

то в доказательстве известного знатока творчества Некрасова все же звучит нота сомнения. Сомнительному же этому доказательству можно противопоставить ряд других совершенно определенных и недвусмысленных заявлений поэта, из которых видно, что поэзия является для него воплощением его заветных дум, его мыслей. В этой же цитированной уже выше элегии читаем:

... Волнуемый мечтами
.....
Задумчиво брожу в прохладной полу-тьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье.

Неправ был Некрасов не тогда, когда он устанавливал связь между своей музой и политическими задачами времени, а тогда, когда в черные дни предсмертной болезни у него написано:

Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Мысль, выраженная в приведенных стихах, была продиктована не трезвой оценкой значения своей поэзии, а угрызениями совести Некрасова в том, что он не как поэт, но просто как человек, как гражданин, не ушел в революционное подполье, не запечатлел каторгой и смертью своей преданности народу:

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет...

Про Некрасова нельзя сказать, что он всецело жизнь свою отдал на борьбу за брата-человека. Но его мучительная, трудная, «бледная, в крови, кнутом иссеченная муза» сложила все свои многочисленные лучшие песни во имя освобождения человека. Некрасов умер, — его слава не померкла, как ему иногда казалось; наоборот, она сияет прочным неугасающим светом. Теперь спокойным взором окидывая итог жизни и труда Некрасова, мы можем сказать: да, Некрасов не был участником революционного подполья, но его поэзия есть прямой результат политической революционной мысли и политической революционной борьбы в России.

Поэтическая биография Некрасова представляет огромный интерес не только для истории литературы, но и для теории литературы. У нас много пишут о взаимоотношении мировоззрения писателя и его творчества. При рассмотрении этого вопроса почти исключительное внимание уделяется случаям расхождения мировоззрения писателя и объективного смысла его творчества. Гоголь по своим убеждениям был мракобес и реакционер, а его произведения помогали левому лагерю вскрывать язвы пережившего себя самодержавно-крепостнического государства. Но расхождение между мировоззрением и творчеством не всегда проходит безнаказанно для художника. В творчестве почти всякого художника наступает момент, когда неверное, отсталое, реакционное мировоззрение кладет предел художественной мощи писателя. Так гений Гоголя не мог преодолеть трудностей, возникших для него при написании второй части «Мертвых душ». История же политического развития Некрасова являет нам поучительный пример того, как передовое политическое мировоззрение оказывается необычно благотворным для развертывания всех поэтических возможностей дарования писателя. Политическая мысль обнаружила, что Некрасов не заурядный версификатор, а очень большой поэт, без которого мы сегодня не можем себе и представить истории русской поэзии.

II

Некрасов и при жизни и после смерти преследовали обвинениями в колебаниях, неверности, изменах, предательстве по отношению к народу, чьим печальником и глашатаем он выступал в литературе. Во всех этих обвинениях критерием оценки поведения Некрасова служила, очевидно, последовательность революционного служения народу. Самое удивительное во всех этих обвинениях заключается в том, что они исходили, главным образом, из лагеря врагов и отступников революции, из кругов праздного либерального общества, громко болтавшего в дни общественного подъема и откровенно шарахавшегося в объятия правительства, как только последнее начинало активной проводить политику реакции. Такие люди, казалось, должны были радоваться, что Некрасов был неверен революции, но в том-то и дело, что Некрасов был крупнейшим революционным русским

поэтом и обвинения в неверности революции были средством борьбы с его огромным влиянием. Даже наиболее революционные его стихи либеральный лагерь стремился очернить, объявляя их источником не революционный протест, а приспособление к вкусам молодого поколения во имя популярности и гонорара.

Левый лагерь русской публицистики понимал истинную цену нападкам на Некрасова. «В то время, как вся русская молодежь читала, читает и знает наизусть стихи г. Некрасова, — писал Варфоломей Зайцев, — литературная критика последних лет большинством голосов отказывала ему не только в тех достоинствах, какие признавались за ним публикою, но и в десятой доле тех, которые та же критика находила у гг. Фета, Тютчева и Майкова. Нечего и говорить, что главной причиной такой критической оценки было то, что г. Некрасов не только поэт, но и издатель «Современника». Конечно, подобные мотивы не делают чести беспристрастию эстетической и всякой другой критики. Но о беспристрастии в этом случае не может быть и речи. Достаточно, например, вспомнить, что г. Некрасова упрекали в том, что одна из героинь его потчует своего возлюбленного водкой. Впрочем, пристрастие и придирки можно было бы до известной степени оправдать, потому что не мытьем, так катаньем, говорит пословица: «чем бы ни доехать врага, лишь бы доехать».

Поэтому тем более удивительно, что обвинения, исходящие из враждебного классового лагеря, тяготеют над многими исследованиями о Некрасове до сих пор. Центром рассуждений о Некрасове оказывается вопрос о колебаниях и изменах, которые нужно как-то загладить, замазать, с виноватым видом обойти. Мы вовсе не хотим сказать, что в общественно-политическом поведении Некрасова не было колебаний и ошибок. Но самое главное, что следует сказать о Некрасове, — это то, что, став революционным поэтом, он проявил необыкновенное для литературной среды его времени постоянство и стойкость в своих революционных убеждениях. Как общественно-политически мыслящий человек, Некрасов был более последователен в своей революционности, чем Щедрин. Щедрин никогда непосредственно не призывал к революционному насилию. Некрасов постоянно звал к революционной борьбе, не боящейся крови и жертв. Герцен после неудачного исхода революции 1848 г., Писарев после разгрома

сил революции в России в 62—63 годах стали проповедывать тактику, рассчитанную на отказ от революционных средств борьбы. Сопратник Чернышевского, Антонович, после ареста своего руководителя уходит в мирную культуртрегерскую работу, а потом становится просто старательным чиновником по ведомству сберегательных касс. В. Гольдинер указывает, что в творчестве таких довольно популярных в свое время поэтов, как Вейнберг и Минаев, отчетливо выступает после поражения движения шестидесятых годов процесс поправления. На убеждения же Некрасова не действовали никакие приливы реакции не только правительственной, но и общественной. Он мог при сильном припадке репрессивных конвульсий со стороны правительства «праздновать трусу» и праздновать основательно, но он не менял характера своих убеждений и не прекращал революционных призывов ни в своей поэзии ни в ведущихся им журналах. Некрасов не был политическим руководителем, он был поэт и журналист, кругом него сменялись вожди левого лагеря, одни гибли, других время оттесняло в сторону, изменялся самый характер революционной борьбы в России, влияние Белинского сменялось влиянием Чернышевского и Добролюбова, влияние последних — влиянием народников, но Некрасов с удивительным постоянством был верен революционному характеру своей поэзии. Вот факты.

В 1851 г. Некрасов рассказывает о своей музе, которая, в противоположность пушкинской музе,

Кричала: мщение! и буйным языком
В сообщники свои звала господень гром.

В 1855 г. он зовет:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь. . .
Иди и гибли безуспешно.
Умрешь не даром. . . Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

В поэме «Несчастные» (1856 г.) Крот, прототипом которого был Белинский, умирает с радостным предвиденьем победы грядущей народной революции:

Мечтаньем чудным окрыля
Его господь перед кончиной. . .
.....

Кричал он радостно: «вперед!»
И горд, и ясен, и доволен:
Ему мерещился народ
И звон московских колоколен;
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил. . .

В 1858 г. Некрасов в «Песне Еремушке» поет

Необузданную, дикую
К угнетателям вражду

и предвидит в младенце будущего революционера, который

Над неправдою лукавою
Грянет божьёю грозой. . .

В 1860 г. в стихотворении поразительной силы и искренности он взывает к тени своей матери, олицетворявшей для него все доброе и светлое на земле:

От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

В 1861 г., году либеральных восторгов и славословий по случаю манифеста 19 февраля, он энергично, твердо провозглашает в стихотворении, озаглавленном «Тургеневу»:

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!

В 1863 г., после ареста Чернышевского и многих его сторонников, после ареста Писарева, приостановки «Современника» и «Русского слова», в разгар реакционной свистопляски по случаю петербургских пожаров и польского восстания, он прощается со ссылаемым революционером с вопросом, в котором звучит и опасение и в то же время надежда:

Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

В 1863 г., в обстановке нового сгущения реакции, вызванного началом деятельности террористов и Каракозовским покушением на Александра II, Некрасов обращается к жене сослан-

ного или, может быть, даже казненного, провидящей в своих играющих детях будущих революционеров:

Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка!..

И когда уже вовсе невтерпеж становится ему в обстановке пореформенного гнета и мракобесия, из уст его срывается страстный крик тоски по освобождающей грозе революции:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя
Всю расплещи!

В 1874 г. в душе его возникает облик одного из величайших вождей и мучеников русской революции — Николая Гавриловича Чернышевского, напоминающего, что невозможно

служить добру, не жертвуя собой.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо», над которой Некрасов работал много лет, вплоть до самой смерти, выведен образ Григория Добросклонова, которому

судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чаятку и Сибирь.

Устами Григория Добросклонова он воспевал путь революционной борьбы, по которому идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд,

и вновь, как и раньше, зовет:

Иди к униженным,
Иди к обиженным. —
По их стопам,
Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первым там!

И уже на смертном одре, в муках последней болезни, он скорбит о том, что народ забудет его («я умру — моя померкнет слава»), ибо он был только поэтом, а не революционером.

Приведенное выше вовсе не исчерпывает всех доказательств, что Некрасов был поэтом последовательных революционных убеждений. Но и сказанного, думается, достаточно.

Чернышевский, обладавший хорошим вкусом и ценивший содержание в искусстве, идею, положенную в основе произведения, неизмеримо выше формы, именно за последовательность его демократизма и революционности считал Некрасова выше всех русских поэтов. «Если, когда ты получишь мое письмо, — писал он Пыпину незадолго до смерти поэта, — Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю его за его доброе расположение ко мне, что целую его, что я убежден: его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из всех русских поэтов.

Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума. И, как поэт, он конечно выше всех русских поэтов».

Чернышевский ошибался, считая Некрасова самым гениальным из русских поэтов. И все же отзыв Чернышевского, этого необыкновенно правдивого и принципиального человека, чрезвычайно показателен. И он вовсе не является редким исключением. В революционной среде довольно долго Некрасова считали поэтом выше даже Пушкина. Об этом рассказывает и Плеханов в своей статье о Некрасове. В революционной среде, в противоположность среде либералов или же людей, ушедших из лагеря революции в либеральный лагерь, как Антонович и Жуковский, не сомневались в последовательности революционных убеждений и революционного значения творчества Некрасова.

Значит ли это, что у Некрасова вовсе не было колебаний? Нет, конечно. У Некрасова были колебания. Путь отрыва от старой привычной действительности в начальный период формирования революционных сил, еще разрозненных, окруженных нередко стеной не только враждебности, это бы с полбеды, но непонимания и равнодушия — трудный и мучительный путь. И Некрасова подчас тянуло назад, от музы мести и печали

к музе незлобивой, прощающей врагам, мирно уживающейся со злом, провозвестнице «чистого искусства», обеспечивающей поэту покой и сочувствие образованной толпы сытых и господствующих. Но Некрасов гнал эту покорную, овечью музу, в нем всегда побеждала муза злобы, ненависти, гнева и восстания. Его не пугали хвалы: он ловил звуки одобренья не в сладком ропоте хвалы, а в диких криках озлобленья. Он проповедывал любовь враждебным словом отрицанья. Некрасов был одним из зачинателей демократической литературы в России. Он знал и помнил, что его поэзия есть, по сути дела, новообразование в русской литературе. Вращаясь в литературной общественной среде своего времени, он вращался в среде писателей-дворян, живших без особых невзгод и в особенности без мук отрыва от привычной действительности, без ее отрицания. Обращение Некрасова к любвеобильной и всепрощающей музе было как бы оглядкой назад, на оставленный берег, без тени сомнения, однако, что нужно твердо продолжать избранный новый путь.

Примером, рисующим характер колебаний Некрасова, может послужить стихотворение «Тишина», написанное им в 1857 г. по возвращении из заграничной поездки. Целый ряд обстоятельств объясняет происхождение «Тишины». Некрасов, человек очень умный, с развитым демократическим чутьем, был человеком сравнительно мало образованным. Поэтому уже самые формы западноевропейской жизни утрудняли ему ее понимание, а самое главное, понимание западноевропейской общественной жизни давалось ему и по существу с трудом. В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним, что даже Чернышевский не мог ее уразуметь сполна так, как ее объяснил уже в конце сороковых годов Карл Маркс. Отсутствие понимания связи революционной борьбы в России с революционным движением на Западе влекло за собой иногда у Некрасова ноты национально-ограниченных настроений:

Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Как раз наоборот, мы поправили «наше горе» в тесной связи с международным движением. Это касается не только пролетар-

ского революционного движения, интернационального с первых же своих шагов. Без связи с революционным движением Запада нам не понять деятельности Белинского, Петрашевского, Чернышевского, Добролюбова, Бакунина, даже декабристов.

Такие несколько руссопятские настроения были прорывом в общеидеологической концепции поэзии Некрасова, национальной по форме, но связанной с тем направлением общественной мысли в России, которое охотно заимствовало свои положения у передовых людей Запада. Недаром он заставляет Крота (в поэме «Несчастные») сто вечеров рассказывать про дело «Великого Петра».

«Тишина» была написана в 1857 г., году всеобщих иллюзорных надежд на реформаторскую деятельность Александра II. Известно, что дань этим надеждам, правда, на самый короткий срок, заплатил и Чернышевский. Герцен питал их и в неумеренной степени и длительное время, несмотря на все доказательства, что Александр II поступает только так, как мог поступать в тех условиях помещичий и самодержавный царь.

Некрасов не был политическим мыслителем, он был поэтом крестьянской демократии. Крестьянство шестидесятых годов уже явственно обнаруживало признаки грозного революционного протеста, но в большинстве своем оно было еще забито вековым рабством и христианской религией. Забитость эта таила весьма заметно. Однако Некрасов, как поэт, очень чутко воспринимавший народную душу, т. е. характер крестьянства, не мог не поддаваться время от времени этой стороне того класса, чьим выразителем он выступал в литературе. В «Тихине» мы и видим наплыв искренних, но рабски-христианских чувств отсталых масс русского крестьянства.

Некрасов, повторяю, не был политическим мыслителем, естественно поэтому, что у него вера в обновление России через реформаторскую деятельность правительства Александра II выразилась, во-первых, острее, чем у политических руководителей демократического лагеря шестидесятых годов, а во-вторых, еще и тогда, когда иллюзии либерального типа по поводу реформ наиболее дальновидными людьми были уже хоронены.

Смирненное умиление — это была только кратковременная минута в настроениях Некрасова. Когда он писал «Тишину», он не отверг ее. Когда перед ним мелькнула сельская церковь, на него *внезапно* пахнуло «детски-чистым чувством веры» — и

Нет отрицавья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,*
Войди с открытой головой!

Войди — и проникнись чувствами не крестьянина-бунтаря,
а крестьянина-раба.

Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись.
.....
И богу уступай — не споря.

В «Тишине» нет, таким образом, ничего ренегатского. Это легко объяснимый эпизод в поэтической биографии Некрасова, и эпизод короткий. Меж тем Некрасов и по поводу «Тишины» не избег вероломных обвинений в предательстве. К. И. Чуковский в своих комментариях к «Тишине» приводит ряд высказываний, подтверждающих письмо М. Ф. Штакеншнейдер к поэту Полонскому: «Тишина» Некрасова подняла бурю. *Ее упрекают в отступничестве*. Но такова уж была участь Некрасова. Он справедливо имел репутацию красного поэта. Поэтому то самое большинство, которое считало отступничество и ренегатство нормой своего поведения, подымало дикий вой и улюлюканье, когда им казалось, что Некрасов пошел по их стопам. Это был способ дискредитации поэта, способ политической борьбы с ним и с «Современником», к лагерю которого принадлежал поэт. Меж тем, повторяю, «Тишина» была только эпизодом, не нарушающим общего положения, выдвинутого нами в начале главы: Некрасов был и остался поэтом демократической крестьянской революции, проявляя в этом своем качестве поразительную для литературной среды его времени верность и последовательность. Через несколько месяцев он уже сам отзывался о «Тишине» весьма иронически. «Кстати, расскажу

* Курсив мой. — В. К.

тебе быть, — писал он Тургеневу, — из коей ты усмотришь, что благонамеренность всегда пожинает плоды свои. По возвращении из-за границы тиснул я «Тишину», а спустя месяц мне объявлено было, чтоб я представлял свою книгу (стихов. — В. К.) на второе издание». Таким образом, объективно «Тишина» сыграла роль идеологической взятки, заплаченной Некрасовым за разрешение второго издания своих стихотворений, долгозапрещавшегося цензурой. Здесь мы сталкиваемся с весьма любопытной чертой в биографии Некрасова, причинивший ему много горя и страданий. Некрасов был сын своего времени, а в его время взятка была обычным, бытовым явлением. Мало того, она была своеобразной «конституцией» в обстановке абсолютистского режима, позволявшей откупаться от произвола или даже от применения закона самодержавного монархического государства. Эта «конституция» была целиком основана на случае, но русский человек того времени был рад и случайной отдушиной. Некрасов считал для себя возможным давать *идеологические взятки*. «Тишина» оказалась взяткой неумышленно для поэта, в других случаях он давал их по сознательному, ничем не прикрытому расчету. Так, когда цензура чинила препятствия к опубликованию «Пира на весь мир», он в песню о доле народа вставил две строки, обращенные к Александру II:

Славься, народ,
Давший свободу

Эти две строки колом торчали в революционной поэме, они никак не увязывались с ее содержанием. Некрасов написал их со скрежетом зубным, но эти строки печатались в тексте поэмы целые десятилетия.

Эта взятка принесла Некрасову внутренние неприятности, неприятности, испытываемые человеком, вынужденным собственной рукой влить в свою бочку меду ложку вонючего дегтю. Но была в биографии Некрасова взятка, вызвавшая страшный шум, послужившая сигналом к самой озлобленной кампании против него, когда-либо испытанной им, стоившей ему много мучительных часов покаяний и угрызений совести. Мы говорим о льстивом стихотворении Некрасова Муравьеву-Вешателю, прочитанном им в Английском клубе 16 апреля 1866 г. Поступок этот был безобразен. Оправдать его невозможно. Но он не

является проявлением измены Некрасова. По убеждениям своим он остался тем, чем был, в то время как подавляющее большинство либеральничавшего и радикальничавшего общества перешло на сторону реакции по доброй воле, — не за страх, а за совесть. Стихи же Некрасова Муравьеву-Вешателю были продиктованы страхом за свою собственную участь: этим застольным стихотворным словом Некрасов думал отвести угрожавшую ему репрессию — и страхом за судьбу редактировавшегося им журнала. Даже Антонович, в минуту самого острого столкновения с Некрасовым, не отрицал, что Некрасов читал свои постыдные стихи для того, чтобы спасти свой журнал, трибуну демократической мысли.

Трусость не есть оправдание. Если бы у Некрасова было больше политического опыта, если бы рядом с ним были его политические друзья — Чернышевский, Добролюбов, с которыми он мог бы посоветоваться, он бы понял, что поступок, подобный стихам Муравьеву, проявление слабости, далеко не безобидной в политическом отношении. Все это Некрасов понял потом, по резонансу, который получила его застольная ода. Это была плохо задуманная и плохо выполненная попытка обойти врага, выйти из пределов его досягаемости. Целью маневра было не только личное самосохранение. Некрасов спасал свой журнал, возможность для себя и в дальнейшем вести легальный орган *левого революционного лагеря*. В руках либералов и консерваторов были все органы общественного мнения. Поэтому они замалчивали, оправдывали и даже возвеличивали свое предательство, свою трусость, постыдную измену своим убеждениям при малейшем окрике сверху. Вокруг же неопрятного, политически вредного маневра, но все же только маневра Некрасова, была поднята неслыханная кампания травли и клеветы. По существу же поражают в Некрасове не неумелость его политических маневров и припадки трусости, а последовательность его демократически-революционных убеждений и упорство в их проведении. Стишки в Английском клубе Муравьеву Некрасов-то прочел, но, несмотря на все нараставшую реакцию, характера своей поэзии он не изменил и своей организационной и редакторской работы в области журналистики также не прекратил.

Либеральное стадо бесцеремонно гоготало, славословия реакцию и науськивая кого полагается на революционный лагерь, а Некрасова мучали угрызения совести. Как только он хоть

немного высвобождаясь от мути каждодневной суеты, как только он начинал окидывать взором пройденный жизненный путь у него

Совість песню свою запеваєт.

Многие так и определяли Некрасова по угрызениям совести как кающегося дворянина. В этом определении есть доля истины, но эта истина, как и во всех психологических определениях больших социальных явлений, поверхностна и затушевывает самое существенное. Во-первых, это определение подчеркивает дворянство Некрасова, а между тем Некрасов был поэтом революционной крестьянской демократии; во-вторых, из него вытекает представление о каких-то больших грехах и проступках Некрасова. Грехи и проступки у Некрасова были. Он был сложный и нелегкий человек. Чего стоят одни только его застольные стихи Муравьеву, о которых было говорено выше. И все же покаяние Некрасова было много посложнее, чем позднее раскаяние в совершенном неблагоприятном поступке. Да если даже и собрать все неблагоприятные поступки Некрасова в один букет, что много раз делали его враги, все же окажется, что личное и общественное поведение Некрасова вовсе не опускалось ниже обычной нормы поведения кругов образованного общества того времени, как справедливо отмечают знавшие его хорошо Михайловский и Елисеев. Только о своих консерваторы и либералы молчали, а о Некрасове поднимали истошный вой, только грешившие либералы считали, что они, как жена Цезаря, стоят вне подозрений, — Некрасов же мучился и терзался, и притом всенародно, в стихах. Покаянные стихи Некрасова нельзя понять без учета последовательности и постоянства его политических убеждений. Некрасов не бил себя в перси за то, что вчера сделал плохой житейский поступок, чтобы завтра его повторить. Его мучило другое — что он принадлежал к такому поколению, которое не имело сил реально, на практике от революционных убеждений перейти к революционной практике. Не житейское чистоплюйство, а политическое поведение было предметом угрызений совести Некрасова.

Насмешливый внутренний голос постоянно тянул в его душу злую песню:

Покорись, о, ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время

Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничто не дано... *

При этом Некрасов не прятался под безличное прикрытие вины бездельного, болтающего поколения. Он вину за отсутствие революционного дела возлагал и на себя лично, понимая, что для того, чтобы все перешли к революционному делу, *каждый* должен это сделать. У Некрасова есть замечательное стихотворение «Возвращение». Поэт вернулся в Россию, нерадостно встретила его родина:

Сентябрь шумел, земля моя родная
Вся под дождем рыдала без конца,
И черных птиц за мной летела стая,
Как будто бы почувв мертвеца!

В душе поэта происходит борьба между страхом и мечтой о грозной революционной расправе с притеснителями народа:

Волнуемый тоскою и боязнию,
Напрасно гвал я грозные * мечты.

Но как бы ни велика была личная слабость Некрасова, как бы поэт ни пытался отогнать от себя мысль о необходимости принять участие в народной расправе, — поэт уже не в силах этого сделать. Он сознает неизбежность революции, ее необходимость, он всецело ей сочувствует, он казнит себя за то, что сам не участвует в опасной нелегальной деятельности:

И проклял я то сердце, что смутилось
Перед борьбой — и отступило вспять!..

Если бы Некрасов не играл в карты, если б он не писал стихов Муравьеву, если б не была так трудна и извиста его личная жизнь, все равно его бы мучила совесть, все равно его муза громко бы рыдала во всенародных покаяниях:

... во мне нет сил героя, —
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя.

Мысль, что он не делает практических выводов из своих революционных убеждений, что он не выполнил клятвы мести, грозно

* Курсив мой.— В. К.

повторенной вслед за своими великими учителями, не давала ему покоя, она его постоянно грызла:

Но жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой.

Не следует только смешивать душевную боль Некрасова с расхождением между словом и делом у либералов, у лишних людей. Последние в самом деле ничего не делали, краснобайствуя на готовые доходы. Некрасов делал огромной важности общественное дело, он был труженником в полном смысле этого слова. Некрасов свое воздержание от участия в нелегальной революционной работе не хотел ничем извинять, — это делает ему честь, но мы-то знаем, что он был не политиком, а поэтом. Как поэт он сослужил огромную службу революции. Его поэзия разбудила много чутких сердец, его журналы помогали формироваться целым поколениям революционеров и людей, сочувствовавших революции.

Либеральные краснобаи, лишние люди обнаруживали свою истинную суть при усилении реакции. Они трусливо отказывались от своего свободомыслящего краснобайства и хорошо, если еще сами не принимали участия в разнузданной облове на длинных революционеров, не старались заработать себе прощенье от правительства добровольными доносами. У Некрасова же реакция не ослабляла голоса его революционной музыки. Наоборот, в такие периоды еще горше лились его рыдания об отсутствии революционной практики, которая могла бы обуздать реакцию и окончательно освободить угнетенный и обездоленный народ.

Либеральные краснобаи пуще огня боялись массового народного движения. Некрасов взывал к народу: «чем был бы хуже твой удел, когда б ты менее терпел». Некрасов потому и не преодолел своей личной слабости, своего страха перед судьбой революционного деятеля, что вокруг него не было слитного, массового, все нарастающего революционного движения, которое могло бы его увлечь в свой поток.

Главным свойством, характеризующим поэзию Некрасова, являются не колебания, не ошибки и не раскаяние в сделанных ошибках, а прочность ее революционности.

III

Некрасова много обвиняли в двуличии. Он пел об обездоленных и голодных, а сам, мол, жил в сытости и радости. Мало того, о голодных-то он пел потому, что песни о голодных были ходким товаром. Михайловский в своих воспоминаниях о Некрасове приводит следующую весьма характерную заметку из реакционных «Московских ведомостей».

«Известно, что роль «мученика» была одною из благороднейших ролей в либеральной комедии, вошедшей в моду с начала шестидесятых годов. Провинциальные энтузиасты, молодые, восторженные, наивные, увлекающиеся, с сердечным трепетом слушали столичных «апостолов», в предположении, что они за меньшую братию полагают душу свою. Провинциальные молодые энтузиасты рисковали всем из-за этой проповеди, предполагая, что все это святая истина и что сами проповедники суть апостолы, люди идеи, а не наживы. И, как стадо овец, молодежь шла на этот призыв, не щадя ничего.

Но время раскрывает все. Любимым апостолом либерализма и до сих пор считается «наш гениальный поэт» Н. Некрасов. Для поддержания его престижа печать упорно поддерживала мнение, будто Некрасов был «мученик идеи», будто он начал свою карьеру в трущобах, и потому именно радел о меньшей братии, что лично испытал все стадии нужды и нищеты. Никто не смел и подумать о том, что «петь» о нуждах меньшей братии было... просто *выгодно*.

В этой заметке все примечательно — и взятые в кавычки «наш гениальный поэт» и обвинение Некрасова в спекуляции на народном горе. А ведь такие, с позволения сказать, статьи были не редкость. Вокруг Некрасова его враги с умыслом создавали отравленную атмосферу.

После Октябрьской революции такое обращение с памятью Некрасова стало просто невозможно. Пролетариат Советского Союза гордится поэзией Некрасова, как одним из ценнейших даров унаследованного им культурного богатства.

В наше время ряд исследователей отмечает в сложной и извилистой натуре Некрасова социальную двойственность. Собственно об этом же говорит и разобранное выше определение Некрасова как кающегося дворянина.

В советском литературоведении наиболее ярко выражен взгляд на Некрасова, как на промежуточную фигуру между двумя классами, в книге К. И. Чуковского, человека, посвятившего изучению творчества Некрасова много лет настойчивого труда, имеющего в некрасоведении бесспорные и общепризнанные заслуги. К. Чуковский очень много сделал для того, чтобы очистить подлинный облик поэта от всех искажений, наложенных на него цензурой. Тов. Чуковский, в подготовляемом им 2-м издании своей книги о Некрасове, предполагает исправить ряд положений устаревших или ошибочных с точки зрения современного нашего понимания творчества Некрасова. В 1-м же издании этой книги т. Чуковский задается вопросом, был ли Некрасов двуличным человеком. И отвечает: «Двойной, но не двуличный. Двуликий, но не двуличный. И не потому он был двойной человек, что он был лицемер, иезуит, тартюф, а потому, что с самой его юности его общественное положение было двойное. Таким сформировала его жизнь. Он был, так сказать, парадоксом истории, ибо одновременно принадлежал к двум противоположным формациям общества — помещичьей и разночинной.

В этом вся разгадка его двойственности».

И немного дальше: «Именно от этих чисто социальных причин и произошла его пресловутая двойственность. Не от лицемерия он был двойной человек, а от того, что в одно и то же время принадлежал к двум противоположным общественным слоям, был порождением двух борющихся общественных групп. Это-то и раскололо его личность.

Если бы он родился поколением раньше, он был бы дельной фигурой помещика: страстный борзятник, игрок, женолюб.

Если бы он родился поколением позже, он был бы дельной фигурой революционного фанатика-бойца — сродни Каракозову или Нечаеву».

Если присмотреться к доказательствам Чуковского, то они оказываются не социологическими, классовыми, а чисто психологическими.

С точки же зрения социологической, классовой, нас в поэте должно поразить как раз нечто совершенно обратное: не двуличность, конечно, и даже не социальная двойственность, а прочность его перехода на сторону крестьянской демократии. Некрасов покинул класс дворян, в среде которого он родился, невоз-

вратно он стал поэтом социальных низов, крестьянской демократии, — именно это бросается в глаза, как главное в классовой характеристике Некрасова. При доказательстве этого положения испытываешь затруднение только от обилия аргументов, которые выступают перед исследователями поэзии Некрасова.

У Некрасова было необыкновенно сильно развито чувство социального антагонизма. Достаточно напомнить знаменитые «Размышления у парадного подъезда», чтобы показать это. Некрасов умел выражать социальный антагонизм не только тогда, когда он был специальной темой его произведения. Он выпирает наружу из любой разрабатываемой им темы, о чем бы он ни писал. Уж, кажется, на что «нейтральная» тема — пейзаж, где отношение автора к классовым противоречиям может быть вскрыто только путем анализа побочных признаков. Однако Некрасов и в пейзаже совершенно недвусмысленно сумеет выразить характер общественных взаимоотношений, развертывающихся на фоне рисуемой картины природы:

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес.
Ель надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

.....
Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И «пошел!» — привстав с нагайкой,
Ямщику девчица кричит...

Чувство социального антагонизма было результатом ненависти Некрасова к верхам помещичье-буржуазного общества, такой ненависти, которая могла быть позаимствована только у порабощенных низов. В стихотворении «Родина», задолго до «Пошехонской старины», Некрасов дал правдивую картину крепостной усадьбы так, как она могла быть рассмотрена только глазом живущих под ее игом подневольных людей. Ни один привычный аксессуар крепостной усадьбы не трогает Некрасова. Мы все помним добрую пушкинскую няню, но Некрасова и образ няни не удивляет:

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...

И если Некрасову не суждено было дожить до того, как пала дворянская усадьба под ударами крестьянского восстания, то он радуется хоть ее обнищанию и разорению:

И с отращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томлящий летний зной защита и прохлада, —
И вина выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понутив голову над высохшим ручьем,
И на бок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий.

Так радовался мужик всякой неудаче и разорению помещика-барина.

Прогнившее, разоренное, истощившее даже экономически резоны своего существования рабовладельческое общество не могло не быть лицемерным обществом. Оно само от себя скрывало подлинное свое лицо. Господствующие верхи принимали свою условную лицемерную мораль как нечто само собой разумеющееся, на ее фоне создавая все свои житейские отношения. Некрасов был поэт-плебей. Если по отношению к низам он выступал как поэт-рыдалец и как провозвестник зарождавшейся еще только *грозной мечты* о революции, то по отношению к верхам он выступал как бичующий сатирик, с беспощадностью человека иного, враждебного, класса срывающий с них, употребляя выражение Ленина, все и всяческие маски.

Нравственный человек этого общества заявлял:

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

Некрасов взял эти две строчки рефреном четырех куплетов, в которых раскрывается беспримерная подлость рабовладельца и собственника, принесшего в жертву наживе семью, дружбу, своих крестьян, погубившего жену, друга, дочь, доведшего до самоубийства крепостного повара; и в то же время «нравственный человек» не только в своих собственных глазах был безупречен, он и в глазах общества был столпом, ибо действительным моральным императивом этого общества был чистоган. Вскрыть и изобразить это Некрасов мог только потому, что он сам оборвал нити, связывавшие его с моралью господствующих, что он рассмотрел и оценил ее с точки зрения низов, с точки

зрения крестьянской демократии, на сторону которой он прочно перешел.

Сатира Некрасова родственна сатире Щедрина. Очень часто ее объектом становятся те же самые явления, те же самые типы, что и у великого русского сатирика-прозаика, и, что важнее всего, выставляемые на всеобщее позорище отрицательные явления у обоих писателей и расцениваются одинаково.

Происходит это потому, что оба — и Некрасов и Щедрин — относились к верхам русского дореволюционного общества, как выразители интересов пробуждающегося русского крестьянства.

Как поэтический выразитель взглядов иного класса, Некрасов бросил в лицо пустой и лживой морали господствующих демонстративный вызов, обращаясь к презреннейшему существу, с точки зрения собственнической нравственности, с призывом:

И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

С плебейской зоркостью Некрасов умел указывать на типические черты барина, человека, чуждого и враждебного крестьянству, массам даже тогда, когда он выступал в облици друга народа, со словами справедливости и добра на устах. Агарин из поэмы «Саша» дает более верный облик лишнего человека, чем все романы Тургенева, вместе взятые. Тургенев критиковал лишних людей за недостаток смирения, за слишком резкую оппозицию дореформенному дворянству слева. Рудин осужден Тургеневым не за то, что он не подтверждает своей краспоречивой проповеди революционным делом, а за то, что он слишком резко нарушает покой дворянской усадьбы, вместо того, чтобы тихо перестроить ее в соответствии с новыми временами и к выгоде ее владельцев.

Некрасов же еще до Щедрина показал, что коренной грех лишних людей — отсутствие реального дела для воплощения в жизнь проповедусмого идеала. В полном согласии с Чернышевским, Добролюбовым и Щедриным Некрасов совершенно верно указал и на причину коренного порока лишних людей:

Наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов.

Помещик, не перестав быть помещиком, не порвав нитей, связывавших его с господствующим классом, не мог стать прак-

тическим деятелем крестьянской революции. Это простая истина, но известно, что простые истины даются труднее всего. Не перейдя прочно на сторону крестьянской демократии, Некрасов не мог бы ее ни понять ни выразить. В «Медвежьей охоте» Некрасов отбрасывает в сторону ноты снисхождения по отношению к лишним людям, которые все же еще звучали в «Саше». Теперь он их просто называет начитанными глупцами, лакеями мыслей благородных. Здесь же находится известная характеристика идеалистов-либералов, начинающаяся словами:

Диалектик обаятельный . . .

. . . . .
Наполня ум свой знаниями,
Обходи ты жизни грязь;
Гровный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал.

Естественно, что в преобразовании России либералы никакой роли не сыграли. «Дело двинулось . . . волею власти! . . .» — рассказывает Некрасов историю реформ. А Некрасов хотел, как Чернышевский и Добролюбов, чтобы дело двинулось революционной инициативой и волей народа, ибо то, что двинулось волею власти, то и решалось в пользу власть имущих.

Классовая подоснова поэтического творчества Некрасова была достаточно цельна. Никакого двуличия в ней нет. Он всегда помнит о низах — днем и ночью, один и на людях. Среди стихотворений Некрасова есть очень характерный в этом отношении отрывок: ночь, душа поэта полна, он не один, может быть, с возлюбленной или с друзьями, спать не хочется, он готов молиться, но не знает, чего пожелать, — и в душе, готовой излиться, само собой родится доброе пожелание терпеливому страдальцу, еще не вставшему на путь революционного протеста русскому крестьянину:

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не рошцут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям;

Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятия о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи . . .

Некрасов в поэзии своей всегда выступает как поэт крестьянской демократии. Он любит писать стихотворения с мелодраматическим сюжетом, в необыкновенных случаях раскрывающих равенство крепостного с помещиком, но где власть барина ставит равного ему или даже более ценного, чем он, человека под обесчеловечивающее ярмо. Образованная, хорошо воспитанная, может быть, даже незаконная дочь помещика выдается насильно замуж за мужика, т. е. ввергается во все ужасы нищеты, бескультурной, лишенной человеческого достоинства полуживотной жизни. Огородник любит дворянскую дочь и пользуется ее взаимностью. Они равны в своем чувстве, но любовь эта не может не кончиться трагедией. Огородника ловят, когда он крадется на свидание к своей милой, его обвиняют в покушении на ночной грабеж, чувство собственного достоинства и бережного отношения к возлюбленной заставляют его молчать — и его осуждают на каторгу.

Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь.

Некрасов знал все ужасы крестьянского существования. Он пел протестующие рыдающие песни о тяжелой участи крестьянина в помещичьей неволе и о его тяжелой участи, как объекта бесчеловечного подавления с стороны помещичьего государства. Одной из самых тяжелых повинностей крестьянина по отношению к государству было рекрутство, долгая и беспросветная солдатская служба, муштрой и палкой выколачивавшая из солдата всякий проблеск человеческой самостоятельности. Попасть в солдаты значило быть вычеркнутым из списка живых, и если к Орине, матери солдатской, возвращается сын после восьмилетней службы в бессрочный отпуск, это значит, что сын, жестоко наказанный палками, но не добитый до конца на месте, возвращается к матери, чтобы умереть дома. Когда Некрасов видит в балете сусально-живое, квасное патриотическое изображение народа, мужика, его муза в ответ рисует подлинный народ, мужицкий обоз, возвращающийся по родным деревням после сдачи рекрутов:

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никак не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «ну, чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Как подлинный выразитель страданий и требований крестьянства, Некрасов не мог обойти молчанием судьбу вдвойне угнетенной крестьянской женщины. Сколько красноречивых строк он ей посвятил, как он печаловался над ее горькою долей, на вечные времена создал он траурную симфонию женской участи, по которой свободная и равноправная колхозница, в радости пожинающая плоды своих трудов, в покое рождающая своих детей, может сравнить свое сегодняшнее положение с тем, как крестьянка жила до пролетарской революции:

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.
Не мудрено, что ты выпешь до времени,
Все-выносящего русского племени
Многострадальная мать!
Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.
Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!
Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала поженьку голую —
Некогда кровь унимать!
Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалась косынька, —
Надо ребенка качать!
Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..
Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпичею,
Канут они — всё равно!
Вот она губы свои опаленные
Жадно подиосит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском дополам?..

Поразительно, как лзык, образы, ассоциации, ритмы, т. е. вся поэтическая оболочка внутренней жизни Некрасова, бытовая жизнь которого все же протекала преимущественно в литературских и дворянско-буржуазных кругах, заимствована у низов, у народных масс, в первую очередь, у крестьянства. Фольклорная основа его поэзии бросается в глаза, хотя до сих пор нет еще исследования, детально выясняющего весь путь заимствования и переработки Некрасовым народной поэзии и самостоятельного творчества в ее духе. Идеал красоты у Некрасова совершенно не барский и не интеллигентский, это деликом крестьянский идеал: красавица-девица у него черноброва, статна, словно сахар бела, а красавец-парень круглолиц-белолиц, кудри—чесаный леп. Это тот же идеал, который Чернышевский в «Эстетических отношениях искусства к действительности» противопоставлял извожсно аристократическому идеалу красоты.

Даже на Петербург, детище любимого царя западников, блистательную, стройную, классическую северную столицу, воспетую Пушкиным, Некрасов смотрел плебейско-мужицкими глазами. На торжественных парадах петербургской военщины он видел не воинственную красоту, а несчастных крестьянских парней, замуштрованных и замордованных царской казармой.

На солдатах едва ли что сухо.
С лиц бегут дождевые струи...
В второй раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит.

С чисто крестьянским вниманием к рабочей скотине он заметит на пышных улицах Северной Пальмиры замученную лошадь, которую погонщик бьет по лопаткам, по плачущим кротким глазам, — и сердце его обольется чисто крестьянской жалостью к ней, главному «двигателю» индивидуального крестьянского хозяйства. А у гордого Медного Всадника на набережной царственной Невы, у строгих зданий, украшенных колоннами, он замочает то, чего не замечал ни до ни после него ни один поэт, — сотни сотен крестьянских дровней.

И на самом торжественном месте самого прекрасного города царской империи он станет причитывать скорбным деревенским речитативом:

Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Переделется — дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадак сорвут,
Колп денежки есть — раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет,
И без меры возьмет, что останется.

Люди, обвинявшие Некрасова в двуличии и неискренности, в лучшем случае сами барственно, лицемерно-филантропически относились к мужику. Некрасов же не только выступал как идеолог крестьянской демократии, как поэтический провозвестник ее политических и социальных идеалов; этот бывший барин, игравший крупную игру с сановитыми господами в Английском клубе, настолько перестроил даже интимнейшие уголки своей психики, что все образы, ритмы, ассоциации стали у него подлинно крестьянские, что на все, что ни было перед ним, он стал смотреть крестьянскими глазами.

Псовая охота была одной из страстей Некрасова. Сама по себе она — страсть нейтральная, ничего специально крепостнического в ней нет. В дворянском обществе охота была весьма распространенным увлечением. В русской дворянской литературе она неоднократно являлась объектом поэтического изображения. В описаниях Тургенева и Толстого она входила во все детские хрестоматии. Но эта обычная и даже поэтическая страсть ставилась в строку Некрасову его врагами и лицемерными доброжелателями как порок. Почему? Потому, что в крепостническом и полукрепостническом обществе Некрасов не мог предаваться этой страсти спокойно. Злоба и ненависть к барину, горе и боль мужика отравляли ему его любимейшую забаву. Некрасова упрекали в двуличии, в двойственности. Двуличие сказывалось в том, что обычные помещики охотились себе как ни в чем не бывало, а Некрасова крестьянская боль не покидала даже в азарте. Она ему окрашивала пейзаж. Сравните картину осени у Пушкина, когда страждут озими от бешеной забавы, с красками Некрасова: мрак, печаль, угрюмость, жалобный стон, мучительный стон, унылая песня ржавых петель и т. д. Также недружелюбны, исполнены классовой злобы и розни и чувства

людей, обслуживающих охоту; ночной сторож злобно зевает, от крика просыпающегося барина вздрагивают сонные Ваньки и Гришки, псари одеты в сюртуки с желтыми прошивами, но с толокна у них животы подвело. Барин жрет после охоты, а псари угрюмо смотрят на него и молчат.

Бешеная страсть не мешает Некрасову видеть, что охота топчет крестьянские поля, что охотничьи псы рвут подчас и крестьянского барашка. Мужик и бонтся, и в то же время не может сдержать клокочущей ненависти. Мужик вопит от понесенного ущерба —

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся и злобно грозитя

Мы-ста тебя взбутетеним дубьем
Вместе с горластым твоим холуем.

То, что именуется двойственностью Некрасова, то было результатом последовательности его социальной позиции как крестьянского демократа.

И по своему положению в классовой расстановке сил, и по содержанию, и по интонации своей поэзии Некрасов, с тех пор как он стал великим поэтом, был и оставался крестьянским демократом.

IV

Итак, Некрасов — поэт пробуждающегося к революционному протесту крестьянства. Этот протест во времена Некрасова был направлен прежде всего против помещиков и крепостнического государства. Помещикам, крепостничеству, явному до 19 февраля и слегка прикрытому после 19 февраля 1861 г., крестьянство противостояло как единое классовое целое. Но уже во время Некрасова, пусть еще только в зародышевой форме, стоял вопрос: с кем же пойдет крестьянство в своем протесте, кто возглавит крестьянскую демократию, — либеральная ли российская буржуазия, или же в городе найдутся другие классовые силы, которые поведут крестьян, — силы, чья борьба окажется связанной с осуществлением социалистического идеала? Уже и во время Некрасова в крестьянине легко можно было обнаружить две души, о которых писал Ленин, — душу собственника и душу труженника. Уже во времена Некрасова внимательный глаз мог заметить

процессы капиталистической дифференциации в среде крестьянства. С кем же был Некрасов, — с крестьянином-тружеником или крестьянином — капиталистическим накопителем? поэтическим выразителем каких процессов в стране он выступал, — процессов, характеризующих прусский или американский путь развития?

На эти вопросы в литературе о Некрасове есть попытка совершенно определенного ответа. Один из последышей гнилого и контрреволюционного троцкизма Горбачев писал в своей книжке «Капитализм и русская литература»: «Его (Некрасова) вражда к дворянству, бюрократии, революционные призывы, симпатии к крестьянству, мечты о благосостоянии крестьян, о развитии их хозяйств, культурности и достатке абсолютно не выходили за пределы буржуазного строя. *Некрасов был либералом по программе-минимум*, крестьянским демократом по идеалам, радикалом по тактике и настроению... Псевдосоциалистический радикализм народников был не более, как выражение борьбы мелкобуржуазной интеллигенции за *нормальное* буржуазное развитие России... Народническую художественную литературу (к которой Горбачев без всяких оговорок относит и Некрасова. — В. К.) следует считать *вполне* совпадающей с основным потоком русской литературы, выполнявшим в идейной области до 1890—1900 гг. неизменно прогрессивную роль, *обслуживая развитие капитализма, сперва торгового, а затем промышленного*». Горбачев — верный выученик Троцкого. Для него крестьянство есть лишь разновидность обыкновенной *нормальной* буржуазии. Он не принимает ленинского различия между американским и прусским путем развития капитализма. Крестьянское движение, по мысли Горбачева, в случае своей победы приведет к установлению нормального капитализма прусско-германского образца. Вместе с тем Горбачев, как это свойственно троцкистам, рассматривает крестьянство как силу, деликом враждебную социализму. Он не может себе даже и представить таких исторических условий, когда неэксплуататорские массы крестьянства смогут пойти под руководством пролетариата к социализму.

Указать на прогрессивность поэта для него значило сделать его провозвестником *нормального* буржуазного строя, т. е., употребляя терминологию Ленина, прусского пути развития. С Горбачева и спрашивать нечего. Но и Корней Чуковский

в своей книге о Некрасове подчеркнуто доказывает, что основное в поэте было капиталистическое стяжание. «Всю жизнь Некрасов спорил с деньгами,— пишет он,— противопоставляя им то любовь, то религию. Но даже, обличая их, он против воли обнаруживал инстинктивное влечение к ним.

Мы видели, что всякое накопление богатств, превращение бедняка в богача для него неотразимо любопытное зрелище, и следить за всеми подробностями этого обогащения людей, рассказывать о нем в повестях, водевилях, романах, стихах было истинной потребностью его души, потому что, *несмотря ни на какие идеи, он по своей натуре, по инстинктам был приобретатель и собственник*» (стр. 230). Некрасов был поэтом народного горя, но счастье, о котором Некрасов мечтал для мужика, было узко буржуазным, грубо материальным. Ибо «то, что называется материальными благами жизни, занимает в его душе и в его поэзии огромное место; стремление к этим материальным благам, к домам, каретам, деньгам и вообще всевозможным вещам доведено в его произведениях до пафоса» (стр. 234).

Для доказательства равенства Некрасова на *обыкновенную* крупную буржуазию, для обоснования мнения о кулацком характере его поэзии приводят обычно сказание о Тарбагатае из поэмы «Дедушка», характеристику Дарьи из поэмы «Мороз, Красный нос» и написанный совместно с А. Пацаевой роман «Три страны света». Собственно, это почти и исчерпывает главнейшие доказательства сторонников разбираемой трактовки Некрасова.

Разберем эти доказательства. Начнем с романа «Три страны света».

В названном романе, сознательно написанном по определенным трафаретам, приемлемым для цензуры, ряд исследователей (тов. Чуковский и некоторые другие) видит невиданную в русской литературе апологию капиталистического стяжания, капиталистического накопления.

Мнение это является, однако, несомненным преувеличением. Каютин, главный герой романа, не может быть признан типичным героем первоначального накопления уж по одному тому, что деньги ему нужны были, чтобы жениться на своей Полинке — и только. С того желанного мгновенья, когда Каютин достиг своей цели, он бросает всякое предпринимательство, не утруждая себя

больше никакими трудами и подвигами, тратя приобретенные капиталы, а не приумножая их. Основное же в романе, выступающее и сквозь намеренное прославление добродетелей, — изображение жизни городских низов, ремесленников, мещан, бедных разночинцев, нищих и дна, противопоставление бедности и богатства, — всего того, что характерно для «социальных романов» типа Сю. Богатство здесь — не столько апология грядущего и накопления, сколько счастливый случай, о котором всегда мечтают обездоленные слои мелкой буржуазии. «Три страны света» ни в каком случае не могут явиться доказательством буржуазно-кулацкого характера творчества Некрасова.

В поэме «Дедушка», где рассказывается о вольной крестьянской деревне Тарбагатай, в грезах замерзающей Дарьи идеал крестьянского довольства рисуется в рамках обычного индивидуального хозяйства; Некрасов не мог, подобно Чернышевскому, представить себе будущие социалистические формы общежития. Его фантазия не переходила за рамки крестьянского довольства и крестьянской зажиточности.

Но можно ли на основе этого зачислить Некрасова в *обыкновенные* буржуазные поэты? Такое зачисление возможно лишь при забвении ряда бесспорных марксистско-ленинских истин. Предпосылкой такого отношения к Некрасову является неправильное, не марксистское, не ленинское отождествление крестьянства с буржуазией. Зачислить Некрасова в поэты *нормального* капитализма можно только в том случае, если произвольно из всего богатства его поэтического мира вырвать одну черту, раздуть ее, не обратив внимания на ряд других, не менее важных, а то и более важных сторон его творчества.

Рисуя идеал крестьянской зажиточной жизни, Некрасов вовсе не выступает апологетом «нормального» капитализма. Его критика, его желчь, негодование и протест обращаются не только против крепостничества, но и против отрицательных сторон капиталистического строя. Одна из излюбленных тем некрасовской поэзии — это судьба маленького человека, разночинца, мещанина, ремесленника, бедняка в борьбе за существование в капиталистической обстановке большого города. Задавленность, обездоленность маленького человека были главной темой творчества и такого огромного писателя, как Достоевский. Достоевский, покорившийся господствующему положению вещей, сле-

дал своим идеалом покорность, смирение, уничижительность, христианство. У Некрасова маленький человек не смирен, не покорен, он исполнен зависти, злобы, кипения, негодования. Нельзя не видеть в этих чувствах еще не вызревшее до конца сознание социального антагонизма и классовой вражды. Классовый антагонизм, кричащее противоречие между бедностью и богатством, социальные контрасты большого города Некрасов изображал с исключительной силой. Такие стихотворения, как «Еду ли ночью по улице темной», до сих пор произывают душу ледяным холодом отчаяния, ужаса — и злобы, святой злобы, без которой не может разгореться никакая борьба не на жизнь, а на смерть. Изнанка города, подпавшего уже во власть денег, напавшего уже на след капиталистического развития, была известна Некрасову очень хорошо, — он и делал ее темой своего вдохновения, напоенного сатирическим негодованием, слезами и желчью:

Спеша на званный пир по улице прегрязной
Вчера был поражен я сценой безобразной:
Торгаш, у коего украден был калач,
Вздрыгнув и поблудив, вдруг поднял вой и плач
И, бросясь от лотка, кричал: держите вора!
И вор был окружен и остановлен скоро.
Закушенный калач дрожал в его руке;
Он был без сапогов, в дырявом сюртуке;
Лицо являло след недавнего недуга,
Стыда, отчаянья, моленья и испуга...
Пришел городской, подчаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: «пошел своей дорогой!»
И богу поспешил молебствие принести
За то, что у меня наследственное есть...

Какой зоркий глаз, какое скупое и в то же время исчерпывающее изображение трагедии бедности. Заметьте — у вора в руке дрожал *закушенный* калач, он был настолько голоден, что не мог дожидаться, пока унесет его в более безопасное место. А спасает от ужасов нищеты, голода собственность, «наследственное», нарушение которой вызывает дикий вой и улюлюканье, на защиту которой сейчас же выступают недремлющие представители власти.

Таковы у Некрасова типы жизни Санкт-Петербурга, блестящая сторона которого была воспета в еще более блестя-

тельных стихах Пушкина. Голод, нищета, болезни, скорби, подвалы, проституция — все это было тем неприглядным фундаментом, на котором возвышалась парадная сторона петербургской жизни. Во времена Некрасова в парадных комнатах Петербурга, — и Москвы и других городов Российской империи, — оттесняя приметно родовую знать и столбовое дворянство, стала располагаться отечественная буржуазия.

В счастливой Москве на Неглинной
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом . . .
А выше в нем несколько боев
И с юфтью просторный лабаз.

В «парадных» капиталистических комнатах крепостнической буржуазной России клубились клубом пороки, неправда, моральное разложение, не меньше чем в феодально-дворянских апартаментах. О неприглядной нравственности капиталистических кругов Некрасов писал с той же силой негодования, что и о помещичьих нравах.

Хозяин нового лабазного состояния добыл его по всем правилам первоначального накопления — воровством, преступлением, спаиванием народа. Стяжание, накопление сильнее семейных и всяких иных уз. Когда умирает старый коршун, первоначальник капиталистического состояния, в дележе наследства «брат поднимает на брата преступную руку свою». Вспомним, что и в «Трех странах света» злодей-капиталист Горбун разоряет семью собственного сына и доводит последнего до самоубийства. Так писать человек, равнявшийся на обыкновенный, «нормальный» прусский капитализм, конечно, не мог.

Мало того, Некрасов обращал негодование своей музы не только против городского буржуа. Бич его поэзии не щадил и деревенского кулака, на существование которого правоверные народники склонны были закрывать глаза. Коробейники, «лыком шитые купцы», которые в глазах Некрасова являются просто ушедшими на заработки крестьянами, не считают грехом надуть кулака, ибо последний снимает крест с убогого.

Известное стихотворение Некрасова «Влас» является балладой о раскаявшемся кулаке. На эту сторону стихотворения обращали обычно мало внимания. В обычном русском литера-

туроведении, приспособленном для преподавания в гимназиях и дарских ушверситетах, «Влас» охотно избирался в качестве образца творчества Некрасова за религиозный его оттенок. Меж тем религиозно-православный оттенок во «Власе» является моментом второстепенным и подчиненным. Некрасов не был человеком, пропагандировавшим мракобесие церкви. Его терпимое отношение к религиозным чувствам народа шло из того же источника, который привел Щедрина к созданию образа верующей страдальцы Аринушки (в «Губернских очерках»). Их подкупала свежесть и чистосердечность народной веры в противовес лицемерной обрядности господствующих. Терпимое отношение к религиозному суеверию народа мешало, конечно, борьбе с одним из важнейших рычагов оглушения и подавления народа — с религией, но эта терпимость ни в коем случае не является общей с религиозной ортодоксией. Главное в образе Власа — *признание неправедным кулачества*. Влас был прежде кулаком.

У всего соседства бедного
Скудит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!
Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кашею-мужиком.

В сознании народа кулачество — великий грех, замолишь его можно только великим подвигом, раздачей имущества, нищенской жизнью во имя Христа, — вот что явно выступает во «Власе» сквозь несомненно имеющуюся в нем идеализацию религиозных чувств крестьянства.

Пример морального осуждения кулачества, не прикрытого уже никакой религиозной пеленой, можно найти в стихотворении «Горе старого Наума». Старый Наум — кулак, оплетший своей паутиной всю округу:

Округа вся в горсти моей,
Казна — над жией цепи:
Ужь нет помещичьих крепей,
Моя осталась репи

хвастает он. И так и есть. Но раз Наум нескромно подглядел радость двух влюбленных, радость естественных человеческих чувств, не подавленных стяжанием, накоплением, заботой об ограблении ближнего. И под пером Некрасова кулачество потеряло

для него свой смысл, — оно выступило осужденным в своей бесчеловечности.

Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бесшумно!
«Я сладко пил, я сладко ел»,
Он думает уныло:
«А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...

С другой стороны, Некрасов не раз выступал поэтическим выразителем горькой доли, дум и чувств крестьянина-бедняка.

Бедняк возвращается с работы (стихотворение так и называется «С работы») и, здороваясь с женой и детками, просит поочередно вина, щей и хлеба и на все получает поочередно отказ. Нет ни вина, ни щей, ни хлеба.

«Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили чем свет!»

Много теплоты и сочувствия вложил Некрасов в изображение бедняка. Некрасовский бедняк не теряет присутствия духа, бодрости, в результате чего получается, что ничем не прикрашенное изображение его положения пронизано у Некрасова ласковой, ободрительной прозой:

— Ну, и без хлеба улягусь я, грешный,
Кинь под Савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна...

Так же звучит стихотворение «Калистрат».

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидая
С непосеянной полосыньки!

Нет никаких оснований настаивать на том, что Некрасов равнялся на мужика-богатей, на мужика-кулака. Он мечтал о зажиточной жизни для трудящегося крестьянина, бедняка типа Калистрата, середняка типа Прокла и Дарьи. Зная, как непрочно крестьянское благополучие, он не представлял себе иного крестьянского благополучия, кроме индивидуально-собственнического, но кулака он не делал идеалом и образцом народного благосостояния, наоборот, кулака он не терпел так же, как не терпел его попадавший в его лапы крестьянин-труженик.

Некрасов не был доктринером, он не закрывал глаз ни на процесс капиталистического развития, ни на процесс образования рабочего класса в России, подобно позднейшим народникам, родившимся еще при Некрасове. Он видел фабрики, кольцом окружившие столицу.

Свечерело. В предместьях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом —
Начинаются мрачные сцены.

Он знал, что делается на фабриках, вплоть до чудовищной эксплуатации детей, характерной для фабрично-заводского труда до того, как пролетариат в классовой борьбе завоеует свои первые права. Он понимал всю горечь и безвыходность безработицы («Дума»). Он пел обо всех этих новых и необычных в его время явлениях, не мудрствуя над вопросом, как повести Россию прямо из-под помещичьей кабалы в утопический рай, как научить Россию, познавшую горький опыт западных стран, миновать «язву пролетариата». Музу Некрасова привлекал не столько оформившийся фабрично-заводский рабочий, сколько тот пролетариат, который теснейшим образом был связан с деревней и еще не отпочковался окончательно от крестьянства: бурлаки, плотники, слесаря, маляры, водовозы, кузнецы, портные, шерстобиты, копатели канав, строители, землекопы — весь люд, возвращавшийся еще в какой-то надежде в деревню на землю, чтобы снова податься в город, где все же, по сравнению с безнадежным положением крестьянского хозяйства, был какой-то просвет. О рабочих он всегда пишет с величайшим сочувствием, он всегда находил и рисовал в них положительные черты — кроме одной: рабочие его времен были еще слишком долготерпеливы; именно по адресу бурлаков Некрасов сказал замечательные слова о том, что чем хуже был бы их удел, если бы они были менее терпеливы. Некрасов сам не всегда проводит грань между рабочим и крестьянином, но он часто и охотно писал именно о зарождающемся русском пролетариате. Некрасову принадлежит стихотворение «Железная дорога», о котором М. Н. Покровский писал, как о величайшем

пролетарском достижении русской поэзии. «Железная дорога» дает уже не только картину моральной несостоятельности капитализма, но и вскрывает самую тайну капиталистической эксплуатации, сущность, основу основ капитализма. «Это — теория трудовой стоимости в стихах, — указывает М. Н. Покровский, — написанная человеком, наверно, в глаза не выдавшим ни одной работы Маркса... «Железную дорогу» знают все наизусть, но все ли замечают, что в ней дано, опять-таки в каких-нибудь двух сотнях изумительно сильных строк, все капиталистическое общество — от его базы, пролетариев, согнанных «с Волхова, с матушки-Волги, с разных кондов государства великого», до его верхушки в образе толстого, присадистого, красного, как медь, подрядчика, не минуя промежуточного слоя — «грамотея-десятника». Если бы Некрасов ничего не написал, кроме «Железной дороги», он стоил бы, чтобы пролетарская революция поставила ему памятник. И нас не должно, конечно, смущать то, что Некрасов называет своих пролетариев «мужиками».

В этом освещении Некрасовым процессов капиталистической дифференциации и зарождения русского пролетариата нельзя не видеть отражения зачатков ориентации революционизирующегося крестьянства на городской рабочий класс. Некрасов не относился к городу наголо отрицательно, он делал город не только предметом сатирического изображения. Он видел город и город: город дворянско-буржуазных верхов, город эксплуататоров и морального разложения, и город подавленных, униженных, оскорбленных, но не покорившихся низов, страдающих, злобящихся, ненавидящих, негодующих, просыпающихся к протесту, город не только мещан, ремесленников, разночинцев, но и формирующегося пролетариата. К городу, к которому Некрасов относился с доверием и надеждой, принадлежали Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Михайлов, Писарев. К этому городу нес Некрасов крестьянский вопль, боль, жалобу и протест. Здесь Некрасов находил понимание, поддержку, руководящие идеи.

Некрасов был поэтом просыпающейся к революционному протесту крестьянской демократии во всей сложности ее социального содержания, притом той крестьянской демократии, которая ощупью, колеблясь, падая и поднимаясь, искала помощи, поддержки и руководства не в буржуазно-либеральном городе,

а в революционных силах города, искала, пока и не нашла их, уже после смерти Некрасова, в революционном пролетариате. Ленин в статье «Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция», посвященной пятидесятилетию 19 февраля 1861 года, возводит две линии в революции России XX века к двум тенденциям, намечившимся уже в шестидесятые годы.

«Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы, так же как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти.

«Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И, если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», но освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество «пресловутой крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. *Во главе этих крайне немногочисленных тогда революционеров стоял Н. Г. Чернышевский.*

«В революции 1905 года те две тенденции, которые в 1861 году только намечались в жизни, только-только обрисовывались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении масс, в борьбе партий на самых различных поприщах в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах».

Некрасов был поэтом той тенденции, намечившейся уже в шестидесятые годы, лучшим выразителем которой был Николай Гаврилович Чернышевский. Некрасов был поэтом поднимающегося революционного крестьянства, он был поэтическим соратником немногочисленного лагеря революционеров шестидесятых и последующих годов. Поэзия Некрасова — выразитель-

пища чувств, дум и надежд истоков той революции, во главе которой в дальнейшем историческом движении встал пролетариат — и победил. Некрасов — наш поэт, он принадлежит нам не только по праву наследства, но и по праву социального сродства, того сродства, которое существует между «пролетарско-крестьянской революцией» в России XX века и демократическим и революционным движением деревни и города XIX века.

V

Только поняв все вышеизложенное, поняв главное в Некрасове, можно понять и психологические переживания Некрасова. Основное в жизненном и творческом пути Некрасова — поэтическое служение революции, революционной крестьянской демократии. Но Некрасов вступил на путь служения крестьянской демократии рано и в одиночку, в том рассыпанном авангарде движения, который выдвинул много блестящих имен, которому принадлежит бессмертная заслуга почина, но который не был спаян в объединенную товарищеской поддержкой партию и который не имел еще непосредственного контакта с массовым революционным движением. Некрасов сам это понимал:

Я рано встал, не долги были сборы,
Я вышел в путь, чуть завялась варя;
Переходил я пропасти и горы,
Переплывал я реки и моря;
Боролся я один и безоружен
С толпой врагов; не унывал в беде
И не роптал. Но стал мне отдых нужен —
И не нашел приюта я нигде!
Не раз, упав лицом в сырую землю,
С отчаяньем, голодный, я твердил:
«По силам ли, о боже! труд подымяю?..»

Горек путь первых и одиноких. Они осудили старый мир, поняли его несправедливость и неустроенность, переход на сторону угнетенных не даст им примириться и успокоиться. В сознании их живет более или менее ясно абрис нового, справедливого жизнеустройства, но они не видят сил и средств, при помощи которых можно было бы осуществить идеал. Семена будущего уже брошены в землю, но сеятель грызет вопрос о том, кто соберет жатву и будет ли она вообще собрана.

А пока — бушует непогода поздней осени, и сеятель стоит один перед необозримым полем.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Чувство это было знакомо Герцену, знакомо Щедрину. Это чувство продиктовало Салтыкову-Щедрину слова, исполненные тоски и горечи: «Когда окрест царит глубокая ночь, — та ночь, которую никакой свет не в силах объять, — тогда не может быть места для торжества живого слова. Сердца горят, но огонь их не пронизывает сквозь густоту мрака; сердца бьются, но биенье их не слышно сквозь толщу желез. До тех пор, пока не установилось прямого общения между читателем и писателем, последний не может считать себя исполнившим свое призвание. Могучий — он бессилен, властитель дум — он раб безумных бормотаний случайных добровольцев, успевших захватить в свои руки ярмо».

Все это были люди, родившиеся и выросшие в рядах господствующего класса и уже в относительно зрелом возрасте перешедшие на сторону народа, на сторону крестьянства. Переход этот в обстановке, когда еще не было массового революционного движения, им стоил огромных усилий, психологически он не прошел безнаказанно ни для одного из названных писателей, — у всех у них он вызывал временами чувство раздвоенности, надорванности, отчаяния. Некрасов хотел бы бороться, но вокруг него не было слитного массового, все нарастающего революционного движения. Он был поэт, а не политический мыслитель и организатор, провидящий поздние зрелые плоды, и он не стал активным участником революционной практики.

Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно.

Некрасов не был совсем одинок, он был одинок, как бывают обычно одиноки участники первоначально еще немногочисленного и разрозненного движения. Некрасов встречал на своем жизненном пути друзей — и еще каких друзей — друзей — учителей, друзей — вождей народа. Но стена врагов была куда многочисленней друзей, и уж таковы были условия царской России, что друзья быстро сгорали и падали жертвой в борьбе: сгорел Белинский, сгорел Добролюбов, во цвете сил загнан на край света Чернышевский. А враги были долговечны, — и поэт

спова оставался один, без совета и руководства, падал, ошибался и мучился угрызениями совести:

... Мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.
Песни вэщие их не допеты,
Пали жертвою злобы, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоривленно смотрят со стен.

Враги были беспощадны, они следили за каждым шагом поэта. Всецело преданные корысти и раболепству, трусливые и подлые, они понимали, что они исторически и неправы и осуждены, и ненавидели поэта как непрошенный гложущий голос совести, нарушающий их сытый, облюбованный покой. С ехидной, чисто иезуитской враждебностью они создали абстрактную мерку совершенного правдолюбца и страстотерпца за народ и с диким улюлюканьем возвещали миру, что Некрасов не подходит под их схоластический критерий, что у Некрасова, по отношению к прикидываемому к нему аршинцу, уйма изъянов. Цель сопоставления личности Некрасова с идеалом народного служения была не в том, чтобы помочь Некрасову, не в том, чтобы воззвать к его мужеству в минуту слабости, а в том, чтобы подкузьмить, унижить, дискредитировать.

Некрасов, и в личной жизни никогда не бывший более грешным, чем его партнеры и сотрапезники по Английскому клубу, отвергал суд своих врагов. Он понимал истинный источник воплей негодования своих ненавистников. «Когда являлся сумасшедший, навстречу смерти гордо шедший, — что было в помыслах твоих, о, родина?» — вопрошал он и отвечал: «Одну идею твоя вмещала голова. Посмотрим, как он сломит шею!» «Не оправданий я ищу, — твердил Некрасов. — Я только суд твой отвергаю».

Но так относился Некрасов к созданной вокруг него атмосфере только в холодных рассуждениях разума. На деле Некрасов очень страдал и от того, что у него не было мужества в служении народу дойти до жертвенного конца, и от того, что в мучительных сомнениях о смысле и цели своего поэтического и гражданского пути он считал все упреки, обращенные по его адресу, справедливыми, полагая только, что авторами их должны

были быть не те люди, которые с ними выступали. И тогда он обращался к народу с покорным признанием своих действительных и придуманных вин и с трогательной мольбой о прощении и признании:

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука...
Но жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствевя с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови, общую с народом,
Мои вины, о родина, прости!

Тогда в его душе закипала жажда дела, запеваля свою песню совесть, которой мы обязаны поразительными по поэтической силе и эмоциональной насыщенности стихами:

Что враги? Пусть клеветцут извительней,
Я пощады у них не прошу.
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!..
Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет, —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!
Выводи на дорогу тернистую!..
.....
Тот, чья жизнь бесполезно разбилась,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце не робкое билось,
Что умел он любить...
.....

Душа Некрасова была тревожна и беспокойна. Его мысли, чувства и настроения — это мысли, чувства и настроения поэта

еще не победившей революции, а революции, только зреющей, только собирающей свои силы. Беда Некрасова заключалась в том, что он подчас не видел сил, которые могли бы привести революцию к победе. Тогда в обстановке ненависти и травли со стороны врагов настроения его становились совершенно смутными.

Я жить в позоре не хочу,
Но умереть за что — не знаю!

Здесь Некрасов в душевной депрессии просто клеветал на себя. Неверно, что он не знал, за что надо умирать. Такие слова вырывались из-под его пера в минуту уныния, слабости, омерзения от травли чуждых, враждебных его идеалу людей. Но жить в позоре, в безответной покорности перед смердящими условиями тогдашней русской жизни он не хотел и не мог. Оттого привычный быт, окружавший его, быт образованного и достаточного общества, не мог представить для него ровной колеи, по которой гладко бы катились его дни. «Нормальное» для других, не только для бар, дворян, чиновников, купцов, но и для идеологов, интеллигентов, журналистов, писателей и т. д. жгло ему совесть, было ему неудобно, будило беспокойство, требующее коренной ломки несправедливых общественных отношений. Некрасов знал, что тот, кого постигло это беспокойство, не будет знать счастья.

Счастлива, кому мила дорога
Стажанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил,
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!
.....
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины вьют негодный,
Быть может, брошен будешь ты!

От этого беспокойства Некрасов уже никогда не мог отказаться. Он называл его «святым беспокойством». Уж он не верил утехам отвергнутого, осужденного мира: ничем не купленный покой был противен его сердцу. Со скорбной гордостью Некрасов шел о том, что пути, утоптаные гладко, он пренебрег, что он шел своим путем, что жгучее святое беспокойство он донес

до седни. Это не было беспредметным беспокойством романтика, грезящего о неземном. Он знал его причину — стон бурлаков на Волге, насадный и ничего не дающий труд нищего русского крестьянина. Но именно потому, что это беспокойство было вполне земное, реальное беспокойство, классово осознанное, оно открывало и перспективы выхода из него. Мелодии рыдального плача по страданиям народа, звуки гложущей сердце ненависти вдруг пронизывают у Некрасова строки земной человеческой радости, оптимистической уверенности в возможности довольства, счастья и справедливости здесь, на земле, без которых нельзя понять творчества этого замечательного поэта.

Жена изменила мужу, муж копит думу лютую, муж точит
вострый нож — но вот

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

Мост к новой действительности в поэзии Некрасова лежит в этом, посястороннем, мире. Некрасов — поэт-реалист. Отвергаемому миру он противопоставляет не ирреальный потусторонний, религиозно-мистический, невозможный мир, а иной порядок общественных отношений. Он видел, что дряхлый старый мир стоит на роковом пути, и страстно, с рыданиями, волнуясь и снеса, порывался в новую, лучшую реальную действительность.

Вошь Некрасова был не упорядоченной, размеренной, а потому часто только формально изысканной, молитвой мистика-символиста, искавшего горних миров в защищенной обстановке своего кабинета и спальни, а земным воплем существа, которому больно, неудобно, который необузданно и не считаясь ни с какими формальными правилами, рыдает и бьется от претерпеваемых страданий и ищет их утоленья в переустройстве здешней, земной жизни. Сравните два стихотворения — «Орина, мать солдатская» и «Сын и мать» Блока. С известной точки зрения оба произведения написаны на одну и ту же тему — на тему

о сыне, покинувшем свою мать и возвратившемся к ней умереть. У Блока стихотворение носит отвлеченный, символистический характер. Все события, происходящие в нем, носят не реальный, а идеальный характер. Сын уходит от матери за славой, за радостью, во имя каких-то светлых идеалов, на борьбу с какими-то темными силами.

Сын, покинувший отчий дом, добился своей цели. светлое начало торжествует, темное побеждено, хотя сам он и ранен смертельно:

Точят грудь его провевная
Кровь и черные хвалы,
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы.

Сын-победитель возвращается к своей матери, чтобы умереть около нее:

Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.

Мы пересказали сюжет блоковского стихотворения — и поступили неправильно. В нем, собственно говоря, не происходит никаких событий, в нем все иносказательно, все имеет в виду передать музыку идеалистически настроенной души, переживающей свою биографию ирреально, мистически, с точки зрения подлинно реальных событий, совершающей бег на месте. Оттого в этом стихотворении все неопределенно, неясно, субъективно, — какая даль освобождена, какая мгла побеждена, этого нельзя передать в определительных, социально значимых терминах. Речь идет о духовной борьбе, о победе некоего светлого начала, отблеска иного, неземного мира над неким темным началом в душе поэта или человека вообще, оттого и смерть в стихотворении носит только условный характер. Она — символ тяжких мук и страданий сына в его внутренней, духовной борьбе за светлый, но неопределенный идеал. Но ведь это значит, что все в мире осталось как было, что богатый попрежнему зол и рад, что попрежнему унижен бедный, что искомый трансцензус, переход в иной мир, не был найден, что поэт попрежнему томится среди пошлых и сытых, которые не жили, а томилась и мяли белые цветы.

Сын солдатской матери Орны также покинул отчий дом, покинул не фигурально, а в действительности, и притом насильно.

взятый на военную службу. Восемь лет был сын в безвестном отсутствии, мать уже и не чаяла с ним свидеться, но сын вернулся, — вернулся больной, харкающий кровью. Военное начальство наказало за какую-то вину сына палками и полуживого, ненужного, отправило домой, где возле родимой матери

•И погас он, словно свеченька
Восковая, предъ-иконная...•

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

Все в этом сюжете определено, строго реально. В нем нет никаких иносказаний, хотя и есть недомолвка. Некрасов по цензурным условиям не мог прямо написать, что сын-солдат был избит до смерти. Мы узнаем лишь из рассказа матери, что в бреду сын

•Артикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на поженьке
На одной — носок вытягивал.

•Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «ваше благородие!»
«Ваше!»... вижу — задыхается:

В стихотворении нет никаких устремлений в иной, потусторонний мир. Все его действие происходит в самых обычных условиях земного крестьянского быта, со всеми его будничными подробностями. Сын «избу ветхую облаживал, огород обнес забориком, перекрыть сарай задумывал». Перед смертью сын прощается со скотинкою, прощается с ригой, банею, — и в то же время именно у Некрасова мы видим подлинное отрицание окружающей злой действительности, именно у Некрасова мы видим реальное указание на переход, на действительный трансцендентус в иной, лучший мир, имеющий осуществиться здесь на земле. Если после того, что рассказано в стихотворении «Орина, мать солдатская», мир остался тем, что он был раньше, то в сознании узнавших печальную повесть о сыне-солдате и его матери выросло сознание, что мир не может и не должен остаться таким, каким он был раньше, что его необходимо опроки-

путь революционным путем и на его месте создать новый мир — счастья, света, благоденствия.

Формальные особенности дворянской поэзии служили средством для выражения мыслей и чувств людей, согласных с окружающей действительностью. Некрасов же выработал своеобразный стих, формальные особенности которого прекрасно передают протест, несогласие, жалобу и гнев против существующего порядка вещей, нетерпеливое стремление освободиться от боли и несправедливости, порывание в иную земную действительность. Может быть, отчасти этим объясняется влияние формальных сторон некрасовского стиха на поэта-символиста Андрея Белого. Белый не понимал поэзии Некрасова. Он считал его представителем оторванной от народа либеральной интеллигенции («Символизм», стр. 243), к идейной основе его творчества он был глубоко равнодушен, но он признавал «высокое мастерство» стиха Некрасова и учился у него поэтической технике: ведь Белый также искал стихотворных средств для выражения устремления в мир иной.

Но устремления Белого были бесплодны и реакционны, устремления Некрасова были плодотворны и революционны. Поэтом влияния Белого простирались только на определенные круги буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. Влияние же Некрасова и на читателя и на литературу всегда было огромно, влияние это никогда не иссякало, революция еще больше усилила его.

Некрасов молил народ простить ему его грехи и падения. Пролетариат давно простил ему его вины вольные и невольные, он знает, что падения и спотыканья Некрасова происходили на великом, тогда еще не изученном пути революции и народного освобождения. «Некрасов, — говорил о нем Ленин, — колебался будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского» (т. XVI, стр. 138). Революция устранила толпу либерально-консервативных холопов, своим «мычаньем, хрюканьем, бляньем и жереблячьим гоготаньем» пытавшихся заглушить слышную на века славу Некрасова. В пантеоне великих людей, которых чтит и будет чтить рабочий класс и социалистическое человечество, Некрасов занимает прочное место. Он принадлежит к тем людям, чьи беспокойство, страдание и гнев подготовили торжество справедливости на

земле, пусть пока еще только на одной шестой части земного шара. Он жил в мире, где

... каждый день убийцей был
какой-нибудь мечты.

Мы живем в мире, где каждый день осуществляется какая-нибудь мечта. Наш мир возник не по чудьему велению, — он вырос из борьбы, из великой ненависти и великой любви народных масс, руководимых пролетариатом. Вместе с угнетенным и обездоленным народом боролся, ненавидел и любил Некрасов и тем выстрадал себе свою поэзию и свое бессмертие.

В. Кирпотин.

ТОМ ВТОРОЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1861

100

Что ни год — уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведреный день впереди:

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

101

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.

Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз:
Чу! шопот какой-то... а вот веренища
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Сменялись, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я увижу всегда.
Я замер: коснулось дунни умиленья...
Чу! шопот опять!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

«Борода!

ВТОРОЙ

А барщи, сказали!..

ТРЕТИЙ

Потише вы, черти!

ВТОРОЙ

У бар бороды не бывает — усы.

ПЕРВЫЙ

А ноги-то длинные, словно как жерди.

ЧЕТВЕРТЫЙ

А вона на шапке, глядитко — часы!

ПЯТЫЙ

Ай, важная штука!

ш е с т о й

И ц е с ь з о л о т а я . . .

с е д ь м о й

Ч а й , д о р о г о с т о и т ?

в о с ь м о й

К а к с о л н ц е г о р и т !

д е в я т ы й

А в о н а с о б а к а — б о л ь ш а я , б о л ь ш а я !

В о д а с я з ы к а - т о б е ж и т .

п я т ы й

Р у ж ь е ! п о г л я д и т ь к о : с т в о л и н а д в о й н а я ,
З а м о ч к и р е з н ы е . . .

т р е т ь и й (с и с п у г о м)

Г л я д и т !

ч е т в е р т ы й

М о л ч и , н и ч е г о ! п о с т о и м е щ е , Г р и ш а !

т р е т ь и й

П р и б ь е т . . . »

И с п у г а л и с ь ш п и о н ы м о и

И к и н у л и с ь п р о ч ь : ч е л о в е к а з а с л ы ш а ,

Т а к с т а с ь с м я к и н ы л е т я т в о р о б ь и .

З а т и х я , п р и щ у р и л с я — с н о в а я в и л и с ь ,

Г л а з е н к и м е л ь к а ю т в щ е л и .

Ч т о б ы л о с о м н о ю — в с е м у п о д и в и л и с ь

И м о й п р и г о в о р и з р е к л и :

— Т а к о м у - т о г у с ю у ж ь ч т о з а о х о т а !

Л е ж а л б ы с е б е н а п е ч и !

И в и д н о н е б а р ы н : к а к с х а л с б о л о т а ,

Т а к р я д о м с Г а в р и л о й . . . « У с л ы ш и т , м о л ч и ! »

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я, всё-таки, должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:

В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливым народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.

Я дельвал с ними грибные пабеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «попался спроста!»
За то мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего званья люди сповали

По ней без числа.

Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На господа бога во всем потрафлять:
У нас был Вавило, жил всех побогаче,

Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,
Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертешка!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не паточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,
Что новый прохожий, то новый рассказ...
Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: прыгнули гурьбой
И русских головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились...

Кто ловит пиявок
На лаве, где matka колотит белье,
Кто пиянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кvasку,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обнcвой:

Спела себе славный веноч,
Все беленькой, желтенькой, бледно-лиловой
Да изредка красный цветоч.
Те спят на припеке, те пляшут в присядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И сй ли, под солнечным зноем рожденной,
И в фартуке с поля домой принесенной,
Болтятся смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Глади — уж черпехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Реблеческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с обильным крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...
— Довольно, Ванюша! гулял ты не мало,

Пора за работу, родной! —

Но даже и труд обернется сначала
К Ванюше парядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зелспеть начинает,
Как колос растет, наливают зерно:
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смеют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлеба ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем...

Однако же, зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
И так, обернуть мы обязаны кстаги
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно
Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гардует верхом, не боится воды,
За то беспощадно едят его мошки,
За то ему рано знакомы труды...

Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под-узды мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с поготов!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе мимо!»
— Ужь больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».
(В лесу раздавался топор дровосека).
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»
— Так вот оно что! А как звать тебя? — «Власом».
— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...
Ну, мертвая!» крикнул малюточка басом,
Рвану под-узды и быстрее зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картошное было,
Как будто бы в детский театр я пошал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,

И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдной, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое всковокое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей, —
— Эй! воры идут! — закричал я Фингалу:
— Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей! —
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал личину,
У ног моих лег — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Ужь тут не до страха!
Командуют сами! — «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало tempo

В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
    А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, закричала,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
    Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
    Босые к деревне своей...
Мы с верным Фигалом грозу переждали
    И вышли искать дупелей.

102

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялся
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилась страшная!
Мы такой не знавали во век:
Как у нас — голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал... допросы... — тошнѣхонько!
Догадались десьжонок собрать:
Осмотрел его лекарь скорѣхонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежлаппо-негадано
Хоронить молодого стрелка,
Без дерковниого пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка...

Без попов!.. Только солнышко знойное,
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой...
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, —

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по ком ребятишки захныкали,
Тот наверно был доброй души!

Межь двумя хлебродными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Что тебя доканало сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешного,
Но ты нашу сторонку любил:

Только мигнут морозы упорные
И весенних гостей налетит, —
«Чу!» кричат наши детки проворные:
«Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не сучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты не скупо давал.

Почивай же, дружок! Память печная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и придет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовью!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповишные наши поля!

Кто дознает, какую кручиною
Надрывалось сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долѡк,
Под большими плакучими нивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долстать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать...

СЛЕЗЫ И НЕРВЫ

(из «записной книжки»)

О, слезы женские с придачей
Нервических, тяжелых драм!

Вы долго были мне задачей,
Я долго слепо верил вам
И много вынес мук мятежных.
Теперь я знаю наконец:
Не слабости созданий нежных, —
Вы их могущества вепед.
Вернее закаленной стали
Вы поражаете сердца.
Не знаю, сколько в вас печали,
Но деспотизму нет конца!
Когда бывало предо мною
Залется милая моя,
Наружно ласковость удвою,
Но внутреню озлоблен я.
Пока она дрожит и стонет,
Лукавлю праздною душой:
Язык лисит, а глаз шпионит —
И открывает... Боже мой!
Зачем не мог я прежде видеть?
Ее не стоило любить,
Ее не стоит ненавидеть...
О пей не стоит говорить...
Скажи «спасибо» близорукой,
Всеукрашающей любви
И с головы с ревливой мукой
Волос седеющих не рви!
Чем ты был пьян — вином поддельным
Иль настоящим — всё равно;
Жалей о том, что спом смертельным
Не усыпляет нас оно!

Кто ей теперь флакон подносит,
Застигнут сней роковой?
Кто у нее прощенья просит,
Вины не зная за собой?
Кто сам трясется в лихорадке,
Когда она к окну бежит
В преувеличенном припадке

И «ты свободен!» говорит?
Кто боязливо наблюдает,
Сосредоточен и сердит,
Как буйство первное стихает
И переходит в аппетит?
Кто ночи трудные проводит,
Один, ревнивый и больной,
А утром с ней по лавкам бродит,
Наряд торгуя дорогой?
Кто говорит: «прекрасны оба» —
На нежный спрос: «который взять?»
Межь тем, как закипает злоба,
И к чорту хочется послать
Француженку с нахальным носом,
С ее коварным: «с'est jolil»
И даже милую с вопросом...
Кто молча достает рубли,
Спеша скорей покончить муку,
И, увидав себя в трюмо,
В лице своем читает скуку
И рабства темное клеймо?

[Грешнево. Июнь]

104

ТУРГЕНЕВУ

Мы вышли вместе... Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум
И зорки были очи.

Ты знал, что ночь, глухая ночь
Всю нашу жизнь продлится,
И не ушел ты с поля прочь,
И стал ты честно биться.

Врагу дремать ты не давал,
Клеймя и проклиная,
И маску дерзостно срывал
С глупца и негодая.

И что же? луч едва блеснул
Сомнительного света,
Молва гремит, что ты задул
Свой факел... ждешь рассвета.

Наивно стал ты охранять
Спокойствие невежды —
И начал сам в душе питать
Какие-то надежды.

На пылких юношей ворча,
Ты глохнешь год от года
И к свисту буйного бича
И к ропоту народа.

Щадишь ты важного глупца,
Безвредного ласкаешь
И на идущих до конца
Поход ты замышляешь.

Кому назначено орлом
Парить над русским миром,
Быть русских юношей вождем
И русских дев кумиром,

Кто на смерть был готов идти
За страждущего брата,
Тому с тернистого пути
Покамест нет возврата.

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа,
До дна святую чашу пей,
На дне ее — свобода!

[14 июля. Грешнево]

КОРОБЕЙНИКИ

Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня по-часту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли поправится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23-го августа.
Грешнево.

Н. Некрасов.

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.

Песня.

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до почки погожу,
А завиджу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет!—пришла желанная,
Продаст товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей цалуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенок.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос—
Всё поклала пенаглядная
В короб, кроме перстенька:
«Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!»
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой-же! Нерушимое
Обещаньице даю:
У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-ззнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоных ругается:
«Я ужь думал, ты пропал!»
Вапья только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-пóчали
Поповы дочери.

Припев деревенских торговщиц.

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки важеватые,
Глядь, туда же припелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна не липючие —
Молодись за пяточок!
Видишь, камни самоцветные
В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики¹ заветные —
Хоть кого приворожат!»

Начались толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,

Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
«Чтоб тотчас же очи лопнули,
«Чтобы с места мне не встать,
«Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Всё достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапались в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот ужь подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

III

Ужь ты пей до дна, коли хошь добра.
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина.

За селом остановились,
Поделили барыши

И на дерковь покрестилися,
Повздыхали от души.
— Славно, дядя, ты торгуешься!
Что не весел? ох да ох!
«В день теперь не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь!»
И опять на дерковь божию
Долго крестится торгош.
«Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю матупку
Провалились бы... эх-эх!»
— Попагрел ты Калистратушку.
«Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого».
— Рыжий, клином борода. —
«Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая
Да и больно ужь лиха,
Где бы свадебка богатая —
Щоп в солдаты жениха!
Царь дурит — народу горяшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно Морюшко,
Корабли валят ко дуу.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову,
Стоп стоит по деревням.
Ой! бабье неугомошное,
Полно взапуски реветь!
Причитанье похорошное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетога

Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни цаловальника,
Чтò сказал — подлец седой!
— «Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кòго
Православные стараются?
Им не пужно ничего!
Всё бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Чтò родит земля им, матушка,
Всё песут в мою казну!» —

«Пропилися, подокопники,
Где ужь баб им парляжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

«Ой! ты зелие кабацкое
Да китайские чай
Да курение табакное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением
Знать война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...»
— Полно, дядя! Страшно мне!
Ужь не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..

IV

Ай барыня! барыня!

Песня.

— «Эй вы, купчики-голубчики,
 К нам ступайте почевать!»
 Ночевали наши купчики,
 Утром тронулись опять.
 Полегоньку подвигаются,
 Накопляют барыши,
 Чем понало развлекаются
 По дороге торгаши.
 По реке идут — с бурлаками
 Разговоры заведут:
 «Кто вас спутал?»² и собаками
 Их бурлаки назовут.
 Поделом вам, пересемешники,
 Лыком шитые кушцы!..

Потянулись огурешники:
 «Эй! просыпал огурцы!»
 Ваьшка вдруг как захихикает
 И на стадо показал:
 Старичонко в стаде прыгает
 За савраской, — длинец, вял,
 И на цыпочки становится,
 И лукошечком манит —
 Нет! проклятый конь не ловится!
 Вот подходит, вот стоит.
 Сунул голову в лукошечко, —
 Старичок за холку хватить!
 — Эй! еще, еще немножечко! —
 Нет! урвался конь опять,
 И, подбросив ноги задние,
 Брызнул грязью в старика.
 — «Знамо, в стаде-то поваднесс,
 Чем в косуле мужика:
 Эх ты, пареной да вялепой!
 Где тебе его поймать?
 Потерял сапог-то валяной,
 Надо повой покупать!»

Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
— «Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собапники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звские трубил,
Чтобы серый зайка прыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
— Чьн такие господа?
«Кашпирята с Зюзеятами...³
«Заяц! воп гляди туда!»
Всполошились борзители:
«Ай! а-ту его! а-ту!»
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься чорствой корочки)
И опять пустились в путь.
— Счастье, Тихосныч, перовное,
Ньшьче выручка плоха.
«Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост».
— Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?.. «Ты, Валя, прост!
Ньшьче बारे деревенские

Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подкlesно, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него не даром сказано:
Как заседь — угоршишь.
По всему по свету славится,
Мастер по-миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Ныньче баре не берут.
Чорт побрал бы моду новую!
А бывало встарину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящею косою,
Важеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, пляюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям

Всё сама, руками белыми
Отбирает, не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!
«Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?»
Я тряхну кудрями русыми,
Заломню — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

«А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
«Подходи сюда, дружок!»
Подбегаю к ним скорехонько.
«Что возьмешь за короб весь?»
Усмехнулся я легахонько:
— Дорог будет, ваша честь. —
Слово за слово, приятели
Посмеялись межь собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Ужь тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Среди двора и кинули:
«Подбирай, честной народ!»
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда!»

V

- Много ли верст до Гоголина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.
Крестьянская шутка.

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,

Да труденько Катерипушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в почку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокою,
Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилось
Молодиде певтершеж,
Под косою трава валялася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по уграм,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет леп, а неотвязная
Дума на-сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и правом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашеньку пахать.
Ты живи себе гуляючи,

За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненькой —
Накормлю и уложу!
«Спи, пригожий, спи, румяненькой!»
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня,
Да к тебе и подвадилась бы:
— Подалуй, дружок, меша!..»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Ужь овечка опускается,
Чую близость холодов,
Катя пуше разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой! пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-заснобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Вссел Ванька. Припеваючи,
Прямяком домой идет.
Старый Тихонич, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту почку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мощна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прошеляги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:

«Проходите с богом, братики!»
И ударится рысдой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
«Эх! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
— Вы подите, коробейники,
В Кострому-то на прямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь. — Вот оне!
Чорт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал?»
— Бабы их клюкою меряли,
Ванька с важностью сказал:
— Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей. —
«Дьявол, что-ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...»
Стой-ка, дядя, чу, идут!

VI

Только молодец и жив бывал.
Старинная былина.

Не тростник высок колышется,
 Не дубровушки шумят,
 Молодецкий посвист слышится,
 Под погой сучки трещат.
 Показался пёс в ошейничке,
 Вот и добрый молодец:
 — Путь-дорога, коробейнички!
 «Путь-дороженька, стрелец!»
 — Что ты смотришь? — «Не прохаживал
 Ты, как давеча в Трубе
 Про дорогу я спрашивал?»
 — Нет, почудилось тебе.
 Трой сутки не был дома я,
 Жить ли дома леснику?
 — «А кажись, лицо знакомое»,
 Шепчет Васька старику.
 — Что вы шепчетесь? — «Да каемся,
 Лучше б нам горой итти.
 Так ли, малый, пробираемся
 В Кострому?» — Нам по пути,
 Я из Шупыи. — «А далеко ли
 До деревни до твоей?»
 — Верст двенадцать. А по многу ли
 Поделили барышей?
 «Коли знать всю правду хочется,
 Весь товар несем назад».
 Лесничок как расхохочется!
 — Ты, я вижу, прокурат!
 Кабы весь, небось, не скоро бы
 Шел ты, старый воробей! —
 И лесник приподнял коробки
 На плечах у торгашей.
 — Ой! легохоньки коробушки,
 Всё повыпродали, знать?
 Наклевались воробушки,
 Полетели отдыхать!

«Что, дойдем в село до ноченьки?»
— Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу. —
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу.
— Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы ужь тяжелы. —
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
«Неужели, парень, бьет оно?»
— Бьет на семьдесят шагов.
Деревенский видно плотничек
Строил ложу — тят да ляп!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,
Борода густая склочена,
Лыко вместо пояска.
А туда же пес в ошейнике,
По прозванию: Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой. «Далеко ли?»
— Близко. — «Что ты?» — У реки
Куропаточки закокали. —
И детина взвел курки.
— Ай, курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу! —
Коробейникам не пелося:
Ужь темпели небеса,

Над болотом заспелася,
Понависнула роса.
«День деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты зашел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься?»
— Так, я пробую придел...

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по-небу бычки,⁴
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица⁵ ухает,
Чу! ребенком стопет сычь.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
«Аль спознался с лихорадкою?»
— Да ужь три недели бьет —
Полечи! — А сам прищурился,
Словно в Ваньку наровит.
Старый Тихоныч нахмурился:
«Что за шутки!» говорит.
«Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите пол-минуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца сле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про страшника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке копчил век,
А жилая богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседателя
Упекли его в острог:

Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждет сердечный: «завтра, ночью ли
Ворочусь на вольный свет?»
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
«Эй, хозяйка! песту мочепьки,
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами очепьки,
Как полотна буду ткать?»
Да не то у Степанидушки
Завелось на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали ужь в тюрьме.
Захворала ли, покинула,
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зеркалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
«А за что вы, черны воропы,
Очи выклевали мне?»
Тут и сам судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты за даром маялся,
Позабыли про тебя! —

Тит — домой. Поля пе ораны,
Дом растаскан на ключки,
Продала косули, бороны,
И одёжу, и станки,
С баринком слюбилась жепушка,
Убежала в Кострому.

Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
«Вся-то песня — два словца.
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоеет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет».
Сам ее Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом!

ПЕСНЯ УВОГОГО СТРАННИКА

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, страшичек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Ужь я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба, —
Я опять во стада, —

и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
«Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?... В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец!»
— Труссы, труссы вы великие! —
И лесник захохотал,
(А глаза такие дикие!).
«Стыдно!» Тиховыч сказал:

«Как не грех тебе захожего
Человска так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать!»
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
— «Эй! уймись! Чего дурачишься?»
Молвил Ванька: — «Я молчу,
А засду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты ужь с нами встретился,
Должен честью проводить». —
А лесник опять наметился.
— «Не шути!» — Чаво шутить! —
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай-что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С бриком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат;
Два бекаса ныньче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:

Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! вились!...»
И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои опученьки!»
— Их-то нам и покажи!
Поглядели: под опучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё довели
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

106

СВОБОДА

Родина мать! по равнинам твоим
Я не ездая еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства пишем не запугав, свободен,
Выберешь дело, в которому годен,

Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

107

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДРАМА

«За отъездом продаются: мебель, зеркала
и проч. Дом Воронина, № 159».

«Полиц. Вед.»

Надо поехать — статья подходящая!
Слышится в этом нужда настоящая,
Не попадется ли что-нибудь дешево?
Вот и поехал я. Много хорошего:
Бронза, картины, портьеры всё новые,
Мягкие кресла, диваны отменные.
Только у барыни очи суровые,
Речи короткие, губы надменные;
Видимо чем-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой гениальной обточено
Смуглое личико. Всё в ней пленительно:
Тянут назад ее голову милую
Черные волосы, сеткою сжатые,
Дышат какою-то сдержанной силою
Ноздри красивые, вверх приподнятые.
Видно, что жгучая мысль беспокойная
В сердце кипит, на простор порывается.
Вся соразмерная, гордая, стройная,
Мне эта женщина часто мечтается...

Я отобрал себе вещи прекрасные,
Но оказались цены ужасные!
День переждал, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, так даже обидится!..
— Барыня эта — создание упрямое:
С мужем, подумал я, надо увидеться.

Муж — господин красоты замечательной,
В гвардии год прослуживший отечеству,
Был человек разбитной, обязательной,
Склонный к разгулу, к игре, к молодечеству, —
С ним у нас дело как раз завязалось.
Страшная драма тогда разыгралась:
Мужа застаю — поладим скорехонько;
Барыня выйдет — ни в чем не сторгуешься,
(Только глазами ее полюбуеться).
Нечего делать! вставал я ранехонько
И пока барыня спом наслаждалась —
Многое сходно купить удавалось.
У дому ждут ломовые извозчики,
В доме толпятся вещей переносчики,
Окна ободраны, стены уж голые,
У покупателей лица веселые.
Только у няни глаза заслезились:
«Вот и с приданным своим мы простылись!»
Молвила няня... — Какое приданое?
«Всё это взял он за барышней нашей,
«Вместе весной покупали с мамашею;
«Как любовались!..»

Открытие неожиданное!

Сказано слово — и всё объяснилось!
Вот почему так она дорожилась.
Бедная женщина! В позднем участии,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Всё это куплено с мыслью о счастье,
С этим уходит — счастливое прошлое!
Здесь ты свила себе гнездышко скромное,
Каждый здесь гвоздик вколочен с надеждою...

Ну, а теперь ты создашь бездомное,
Порабощенное грубым невеждою!
Где не остыл еще след обаяния
Девственной мысли, мечты обольстительной,
Там совершается торг возмутительной.
Как еще можешь сдерживать ты рыдания!
В очи твои голубые, красивые
Нагло глядят торгоши неприветные.
Осквернены твои думы стыдливые,
Проданы с торгу надежды заветные!..

Няня межъ тем заунывные жалобы
Шепчет мне в ухо: «Распродали дешево —
«Лишь до деревни доехать достало бы.
«Что уж там будет? не жду я хорошего!
«Барин, поди, загуляет с соседями,
«Барыня будет одна-одинехонька,
«День-то не весел, а ночь-то чернехонька.
«Рядом лесище — с волками, с медведями».

— Смолкни ты, пяпя! создашь болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Нам ли в диковину сцены тяжелые?
Каждому трудно живется и дышится.
Чудо, что есть еще лица веселые,
Чудо, что смех еще временем слышится!..

Барин пришел — поздравляет с покупкою,
Барыня бродит такая унылая;
С тихо воркующей, нежной голубкою
Я ее сравнивал, деньги постылые
Ей отдавал... Копейка ты медная!
Горе ты, горе! пужда окаянная!..

Чуть над тобой не заплакал я, бедная!
Вот одолжил бы... Прощай, бесталанная!..

**ДВАДЦАТОЕ НОЯБРЯ
1861 ГОДА**

Я покинул кладбище упылое,
Но я мысль мою там позабыл, —
Под землею в гробу приютилася
И глядит на тебя, мертвый друг!

Ты схоропел в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь как сейчас похороненный,
Только словно лишней и белой
Пальцы рук, на груди твоей сложешных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,
Да следы наложили чуть видные
Поцалуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

1862

109

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ *

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако: всё зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...

* Так народ называет пробуждение природы весной.

Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит, — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
«Злодея изведи!
«Не то весь век промаешься,
«Ни днем, ни долгой ноченькой
«Покоя не найдешь.
«В глаза твои бесстыжие
«Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож...
Да вдруг весна подкралась...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рлдом, новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая
И белая березонька
С зеленою косой!

Шумит тростипка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по новому,
По новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабнет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

110

Литература, с трескучими фразами,
Полная духа анти-человечного,
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного, —
Дайте вздохнуть!..

Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их пищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя маловерное,
Где же твой идол стоит?..

111

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемя в мире царящие звуки
Барабашов, цепей, топора.

Но люблю я, веспа золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты лгуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны — напев соловьиной
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,
Крик лгушек, жужжание ос,
Треск кобылок, — в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось...

Я наслушался шума ипова...
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

112

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревней
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он. — Не спит,

Мечется под-печи, охает, мается,
Ждет — не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти-мне! часто владыку небесного
Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

«В рошу... Вот то-то! мы с молоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек... ох! ох!

«В страдную пору больной притворилась —
Мужа в побывку ждала...
С Федей солдатиком чуть не слюбилась...
С мужем под праздник спала.

«Охти-мне... ох! угожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сынка,
Я возроптала на благость господнюю,
В пост испила молока, —

«То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна...
Божия матери! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!..»

1863

113

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вяпешь до времени,
Все-выносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала поженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыпки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в оцепении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудроно.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпичею,
Канут они — всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям...
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

114

КУМУШКИ

Тёмен вернулся с кладбища Трофим;
Малые детки вернулись с ним,

Сын да девочка. Домой-то без матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Ревма-ревели; а тятка молчал.
Дома порылся, кубарь отыскал:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулись дети беспечные,

Жжжж-жи! запустили кубарь у ворот...
Кто ни проходит — жалует сирот:

«Нет у вас матушки!» молвила Марьюшка,
«Нет у родимой!» прибавила Дарюшка —

Дети широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Как теперь будете жить, сиротиночки!»
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то вас будет ласкать-баловать?»
Навзрыд заплакали дети опять.

«Полно, не плачьте!» сказала Протасьевна,
«Ужь не воротись», прибавила Власьевна:

«Грешную душеньку боженька взял,
«Кости в могилушку поп закопал,

«То-то чай холодно, страшно в могилушке?»
«Ну-же не плачьте! родные вы, мплушки!...»

Пуще расплакались дети. Трофим
Крики услышал и выбежал к ним,

Стал унимать как умел, а соседушки
Ну помогать ему: «полноте, детушки!

«Что уж тут плакать? пора привыкать
«К доле сиротской; забудьте вы мать:

«Спели церковники память ей вечную,
«Чай уж теперь ее гложет сердечную

«Червь подземельный!...» Трофим поскорей
На руки взял — да в избёнку детей!

Целую ночь проревели ребятушки:
«Нет у нас матушки! нет у нас матушки!

«Матушку на небо боженька взял!»
Целую ночь с ними тятка не спал,

У самого расходились думушки...
Ну, удружили досужие кумушки!

[Январь]

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
 Колыбель мою качаючи:
 «Будешь счастлив, Калистратушка!
 «Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
 Предсказанье моей матушки:
 Нет богаче, нет пригожее,
 Нет парадней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
 Пятерней чешу волосыньки,
 Урожаю дожидаяся
 С непосяншой полосыньки!

А хозяйка занимается
 На пагих детишек стиркою,
 Пуше мужа наряжается —
 Носит лапти с подковыркою!..

[5 июня]

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить вас, медведи почтенные,
 Только до вас добираться невесело,
 Кочи, ухабины, сляк бесшменные!
 Каждое дерево ветви повесило,
 Каркает ворон над белой равниною,
 Нищий в деревне за дровни цепляется.
 Этой сплошной безотрадной картиною
 Сердце подавлено, взор утомляется.
 Ой! надоела ты, глушь новгородская!
 Ой! истомила ты, бедность крестьянская!

То ли бы дело лошадка заводская,
С полостью санки, прогулка дворянская?..
Даже церквей здесь почти не имеется.
Вот, наконец, впереди развлечение:
Что-то на белой поляне чернеется,
Что-то дымится, — сгорело селенье!
Бедных, богатых не различающий,
Шутку огонь подшутил презабавную:
Только повсюду еще украшающий
Освобожденную Русь православную
Столб уцелел — и на нем сохраняются
Строки: «Деревня помещика Вечева».
С лаем собаки на нас не бросаются,
Думают видно: украсть вам тут нечего!
(Так. А давно ли служили вы с верою,
Лаяли, злились до самозабвения
И на хребте своем шерсть черно-серую
Ставили дыбом в защиту селения?..) —
Да на обломках стены штукатуренной
Крайнего дома — должно быть дворянского —
Видны портреты: Кутузов нахмуренной,
Блюхер бессменный и бок Забалканского.
Лошадь дрожит у плетня почернелого,
Куры бездомные с холоду ёжатся,
И на остатках жилья погорелого
Люди, как черви на трупе, копошатся...

117

I

«Благодарение господе богу,
Кончен проселок!.. Не спишь?»
— Думаю, братец, про эту дорогу.
«То-то давненько молчишь.

«Что же ты думаешь?» — Долго рассказывать.
Только тронулись по ней,
Стала мне эта дорога показывать
Тебя погибших людей,

Бледные тени! ужасные тени!
Злоба, безумье, любовь...
Едем мы, братец, в крови по колени!
«Полно — тут пыль, а не кровь...»

II

«Барин! не выпить ли нам понемногу?
Больно уж ты присмирел».
— Пел бы я песню про эту дорогу,
Пел бы да ревмя-ревел,

Песней над песнями стала бы эта
Песня... да петь не рука.
«Песня про эту дорогу ужь спета,
Да что в ней проку?... Тоска!»

— Знаю, народ *проторенной цепями*
Эту дорогу зовет.
«Верно! увидишь своими глазами,
Русская песня не врет!»

III

Скоро попались нам пешие ссыльные,
С гиком ямщик палетел,
В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел:

Подле лица — молодого, прекрасного
С саблей усач...
Брат, удаляемый с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

118

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Десь-деньской моя печальница,
В ночь — ночная богомолица,
Векова моя сухотница...

Из народной песни.

Чуть живые, в ночь осеннюю
Мы с охоты возвращаемся,

До почлега прошлогоднего,
Славу богу, добираемся.

— Вот и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посетила ли кручинушка?
Молви — может и размыкаю.
И поведала Оринушка
Мне печаль свою великую.

— Восемь лет сынка не видела,
Жив ли, нет — не откликается,
Уж и свидеться не чаяла,
Вдруг сыночек возвращается.

Вышло молодцу в бессрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блинов Оринушка,
Не посмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сын больнехонек,
Ночью кашель бьет солдатика,
Белый плат в крови мокрехонек!

Говорит: «поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворал Иванушка,
На десятый день преставился...

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, бесталанная.
— Да с чего же привязалась
К парню хворость окалнная?

— Хилой, что ли, был с рождения?..
Встрепенулася Оринушка:

«Богатырского сложения,
Здоровенный был детинушка!

«Подивился сам из Питера
Генерал на парня этого,
Как в рекрутское присутствие
Привели его раздетого...

«На избенку эту бревнышки
Он один таскал сосновые...
И вился у Иванушки
Русы кудри как шелковые...»

И опять молчит несчастная...
— Не молчи — развежь кручинушку!
Что сгубило сына милого —
Чай спросила ты детинушку? —

«Не любил, сударь, рассказывать
Он про жизнь свою военную,
Грех мирянам-то показывать
Душу — богу обреченную!

«Говорить — гневить всевышнего,
Окаянных бесов радовать...
Чтоб не молвить слова лишнего,
На врагов не подосадовать,

«Немота перед кончиною
Подобает христианину.
Знает бог, какие тягости
Сокрушили силу Ваину!

«Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Он одни слова утешные
Говорил мне, умираючи.

«Тихо по двору похаживал
Да постукивал топориком,

Избу ветхую облаживал,
Огород обнес забориком;

«Перекрыть сарай задумывал.
Не сбылись его желанья:
Слег — и встал на ноги резвые
Только за день до скончания!

«Поглядеть на солнце красное
Пожелал, — пошла я с Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался с ригой, с банею.

«Сенокосом шел — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косил тебя во младости! —
И заплакал мой Иванушка!

«Песня вдруг с дороги грянула,
Подхватил, что было голосу
— «Не белы снежки», закашлялся,
Задышался — пал на полосу!

«Не стояли поги резвые,
Не держалась головушка!
С час домой мы возвращались...
Было время — пел соловушка!

«Страшно в эту ночь последнюю
Было: память потерялася,
Всё ему перед кончиною
Служба эта представлялася.

«Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналики,
Песни пел — такие хватские!

«Артикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишка вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной — посок вытягивал.

«Вдруг метнулся... смотрит жалобно...
Повалился — плачет, кается,
Крикнул: «ваше благородие!»
«Ваше!»... вижу — задыхается:

«Я к нему. Утих, послушался —
Лег на лавку. Я молилася:
Не пошлет ли бог спасение?..
К утру память воротилася,

«Прошептал: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!..
Я над Вансей наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

«И погас он, словно свеченька
Восковая, предъ-иконная!..»

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

119

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне.

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;

Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалось сердце с печали
И на чью они грудь упали свищом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло, — я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмирившую музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря вост в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью страшно связала,
На которой поблекли листья
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...

.....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавидах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Вперед забсжать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит.

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Спивая проворпой иглой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Не громко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по нескольку раз изменилось,

Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измелчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла, —

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же, речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
«Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,

Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выпосит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова коша!

Платок у ней на ухо сбился,
Того-глядя косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей поженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
За то вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. — «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.

В игре ее копытный не словит,
В беде — не сробеет, — спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крушые перлы у ней,

Но строго румяные губы
Храпят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда ласы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогой —
Вольно жь без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознание,
Что всё их спасение в труде,
И труд ей несет воздаяние:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедни
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

V

И ты красотой дивила,
Была и ловка и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно рождает
Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже споровка пужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в ивее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мне б эту яму копать!»
(У старого вырвалось слово):
«Не Проклу бы в ней почивать,

«Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солища, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полу-мгла...

VI

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «ничего».
Потом они оба молчали
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.

Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ним
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «не беда!
«На вас он работал довольно!
«И ваша пришла череда!

«Мать сыну-то гроб покупала,
«Отец ему яму копал,
«Жена ему саван сшивала —
«Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели
И голые икры блестели
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели почевать
Заябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обрядать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровой,
С горящей свечей в головах,
В широкой рубахе холщевой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накопело,
Из уст полилось рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит, —
Родные по Прокле завьли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылой!
«Куда ты от нас улетел?
«Пригожеством, ростом и силой
«Ты ровни в селе не имел,

«Родителям был ты советник,
«Работничек в поле ты был,

«Гостям хлебосол и приветник,
«Жену и детей ты любил...

«Что жь мало гулял ты по свету?
«За что нас покинул, родной?
«Одумал ты думушку эту,
«Одумал с сырою землей —

«Одумал — а нам оставаться
«Велел во миру, сиротам,
«Не свежей водой умываться,
«Слезами горючими нам!

«Старуха помрет со кручины,
«Не жить и отцу твоему,
«Береза в лесу без вершины —
«Хозяйка без мужа в дому.

«Ее не жалеешь ты, бедной,
«Детей не жалеешь... Вставай!
«С полоски своей заповедной
«По лету сберешь урожай!

«Сплесни, ненаглядный, руками,
«Соколим глазком посмотри,
«Тряхни шелковыми кудрями,
«Сахарны уста раствори!

«На радости мы бы сварили
«И меду, и браги хмельной,
«За стол бы тебя посадили —
«Покушай, желанный, родной!

«А сами напротив бы стали —
«Кормилец, надёжа семьи!
«Очей бы с тебя не спускали,
«Ловили бы речи твои...»

Х

На эти рыдапья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхал,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю почешьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

ХІ

Сурово мятепча выла
И снегом кидала в окно,
Не весело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взростил он тебя на приволье
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались,
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Не мало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
За то на дворах постоянных
Покушал ты вволю овса.

Слышал ты в январские ночи
Мятели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да видно хозяин дал маху —
Зима доканала его!..

ХП

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клани насест...
Всему покорялся, как голубь, —
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя
— Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленной
(Верстах в десяти от села)
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенной.
Увидел жену, простонал

И умер...

XIII

... Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И правя савраской, у гроба
С возжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали
И был не белей ее щек
Надтый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась не густая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь не завидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,
Согласно решили они...

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;

Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «мир тебе, Прокл Севастьяныч!»
Сказал: «благодарен ты был,

«Жил честно, а главное: в сроки,
«Ужь как тебя бог выручал,
«Платил господину оброки
«И подать царю представлял!»

Истратив запас краспоречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вот она жизнь человечья!»
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
«Свалимся... не минуть и нам!..
Еще покрестились могиле,
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-исмой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатой
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землю лопатой,
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Глядитко!..» народ говорил.

XV

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени пету на ласки.
К соседке свела их вдова,
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный зашнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть пету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, по тише
В лесу и как будто светлей,

Чем дале — деревья всё выше
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе,
И голос рвался и дрожал,

И солнце кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
На-веки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

XVIII

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова, —
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку, — и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблестает,
Стрелой по щеке побежит
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит, — не чувствует стужи,
Не слышит, что поги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

XIX

.....
.....

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!

«Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!»*

* Известная народная игра, называемая: *сеять мак*. *Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конед подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще *маком* бывает простоватый детища, которому при подкидывании достается не мало колотушек.

«Вся раскраснется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

«Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на все любоваться
Будем, желанный ты мой!..

XX

«Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыл!

«Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

«Рапо я горькая встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

«Крепче вы, поженьки, стойте!
Белые руки, не пойте!
Надо одной поспевать!

«В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

«Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимой, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

«Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...

XXI

«Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку, —
Хочешь-нехочешь, одна поспевай!..

«Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо-ржи словно из печи
Тоже теплом обдаст,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...

«Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

XXII

«Сон мой был в руку, родная!
Сон перед спасовым днём.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу — меня оступаст
Сила — несметная рать, --
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.

Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помощи,
Стала я громко кричать.

«Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...

Стала я кликать его:
«Видишь, меня остушает
«Сила — несметная рать, —
«Грозно руками махает,
«Грозно очами сверкает:
«Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!

«Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

«Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою

Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

«Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

«Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

«Стану без милого жать,
Снопки крепко вязать,
В снопки слезы ронять!

«Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу пужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

«Долги вы, зимние почепьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

«Много патку я полотен,
Тонких добротных повин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

«Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

«Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

«Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую поченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стали на свадьбу копить по немногу...
Вот — дождались, слава богу!

«Чу, бубенцы говорят!
Поезд верпулся назад,
Выди на встречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..»

XXIV

«Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

«Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом споровит?

«Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

«Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка,
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

«Сгибнет ни за что, ни прѣ что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

* Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства.

«Нет! не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

XXV

«Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по иконе чудесную
Я не сробела — пошла,

«Ветер шумит, наметает сугробы,
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

«Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить болясь,
Как я любила его!

«Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

«Заяц прыгнул из-под кочи,
Зайишка, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

«В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней, —

«Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу,

«Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенья несу!

«Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной, —

«Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

«Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

«Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная
Долгую — нитку тяну.

«Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется,
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

«Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

«Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

«Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,

Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспомнила —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! пожестьки стали,
Сиюсь итти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

«Нет! не попустит царца небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

«Я осенилась крестом
И побежала бегом...

«Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень ужь моя головой достает
До монастырских ворот.

«Я поклонилась земным поклоном,
Стала на пожестьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

«Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

«Утренняя шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Подаловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!

В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, парадней, милей,
Ты межь сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются чотки,
Писанный венчик на лбу.
Чорный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

«Молви, косатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

«Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

XXVIII

«Двинулася с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложилися к пей.

«Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

«К пей выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

«Только ты милости к нам не явила!
.....
.....

«Господи! сколько я дров парубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни покмала дрова,

За возжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стога, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею.
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удаюю,
Хвастливую песню поет:

XXXI

«Вглядись, молодлица, смелес,
«Каков воевода Мороз!
«Навряд тебе парня сильнее
«И краше видать привелось?

«Мятели, снега и туманы
«Покорны морозу всегда,
«Пойду на моря-окияны —
«Построю дворцы изо льда.

«Задумаю — реки большие
«На долго упрячу под гнет,
«Построю мосты ледяные,
«Каких не построит народ.

«Где быстрые, шумные воды
«Недавно свободно текли, —
«Сегодня прошли пешеходы,
«Обозы с товаром прошли.

«Люблю я в глубоких могилах
«Покойников в ипей рядить,
«И кровь вымораживать в жилах,
«И мозг в голове леденить.

«На горе недоброму вору,
«На страх седоку и коню,
«Люблю я в вечернюю пору
«Затеять в лесу трескотню.

«Бабенки, пепя па леших,
«Домой удирают скорей.
«А пьльных, и конных, и пеших
«Дурачить еще веселей.

«Без мелу всю выбелю рожу,
«А нос запыхает огнем,
«И бороду так приморожу
«К возжам — хоть руби топором!

«Богат я, казны не считаю,
«А всё не скудеет добро;
«Я царство мое убираю
«В алмазы, жемчуг, серебро.

«Войди в мое царство со мною
«И будь ты царицею в нем!
«Подарствуем славно зимою,
«А летом глубоко уснем.

«Войди! приголублю, согрею,
«Дворец отведу голубой...»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебе, молодица?»
С высокой сосны ей кричит.
— Тепло! отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковой, тише:
«Тепло ли?..» — Тепло, золотой! —

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ес:
В лицо ей дыханием вест

И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?» промолвив опять,
И в Проклушку вдруг обратился
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей цаловал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам.

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

XXXIII

В сверкающий иней одета
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Тслега, скрыпя, подъезжает —
Савраска глядит на своих
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

— Бог помочь! А где же Гришуха?
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», сказала старуха.
— Гришуха! отец закричал,

На небо взглянул. — Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подаст.

Гришуха межъ тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

— Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава! —
Гришуха череп, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает в присядку
(На шею горох хомутом).
Попотчивал баушку, матку,
Сестренку — вертится выюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Межъ тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует,
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

XXXIV

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятка, с собой!
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

«Убилась — неважное дело!..
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такова пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

«Смотри же!..» Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного!
(А знала, под сердцем ужь билось
Дитя)... «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покати.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у цевца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольного счастья предел.

В ней кроткая ласка участия,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенью крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты сипий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот

Послышался шорох случайной —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем закодзованном сне...

[21 августа]

1864

120

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни повой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вешнее перо из рук упало.

Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись
И высоко вознесся ты над нами...
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

121

ПРИТЧА О ЕРМОЛАЕ ТРУДЯЩЕМСЯ

Раньше людей Ермолай подымается,
Позже людей с полосы возвращается,

Разбогатеть ему хочется пашнею.
Привит мужик свою пужду домашнюю

Да и семян запасает порядочно —
Тужит, землицы ему недостаточно!

Сила межь тем в мужике убавляется,
Старость подходит, частенько хворается, —

Стало хозяйство тогда поправлятися:
Стало земли от семян оставатися!

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

(посвящается детям)

Ваня *(в кучерском армячке)*.
 Папаша! кто строил эту дорогу?
 Папаша *(в пальто на красной
 подкладке)*
 Граф Петр Андреевич Клейнмихель,
 душенька!
Разговор в вагоне.

I

Славная осень! Здоровый, едрёный
 Воздух усталые силы бодрит;
 Лед неокрепший на речке студеной
 Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
 Выспаться можно — покой и простор! —
 Листья поблекнуть еще не успели,
 Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
 Ясные, тихие дни...
 Нет безобразья в природе! И кочи,
 И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
 Всюду родимую Русь узнаю...
 Быстро лечу я по рельсам чугунным,
 Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
 Умного Ваше держать?
 Вы мне позвольте при лунном сиянии
 Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
 Не по плечу одному!

В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцов, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дёбри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ваничка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугушную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?... «В ночь эту лунную
«Любо нам видеть свой труд!

«Мы надрывались под зноем, под холодом,
«С вечно согнутой спиной,
«Жили в землянках, боролись с голодом,
«Мерзли и мокли, болели цынгой.

«Грабили нас грамотей-десятники,
«Секло начальство, давила нужда...
«Всё претерпели мы, божию ратники,
«Мирные дети труда!

«Братья! Вы наши плоды пожинаете!
«Нам же в земле истлевать суждено...

«Всё ли нас, бедных, добром поминаете,
«Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!... Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, большой белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо-дня-в-день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видал, папаша, я сон удивительный»,
Ваня сказал: — «тысяч пять мужиков,

«Русских племен и пород представители
«Вдруг появились — и он мне сказал:
— «Вот они — нашей дороги строители!...»
Захохотал генерал!

— Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видал я в Вене святого Стефана,
Что же... всё это народ сотворил?

— Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

— Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он всё растаскал!
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англо-сакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

— Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены—немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; большие
Скрыты в землянках; рабочий парод

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё записали десятники в книжку—
Брал ли на башу, лежал ли больно:
«Может, и есть тут теперича лишку.
«Да вот, поди ты!..» Махнули рукою!..

В синем кафтане—почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои поемотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

«С богом, теперь по домам,—проздравляю!
«(Шапки долой—коли я говорю!)—
«Бочку рабочим вина выставлю
«И—недоимку дарю!..»

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей—и купчину
С криком ура! по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И здесь душа унынием объята.
 Не ласков был мне родины привет;
 Так смотрит друг, любивший нас когда-то,
 Но в ком давно уж прежней веры нет.

Сентябрь шумел, земля моя родная
 Вся под дождем рыдала без конца,
 И черных птиц за мной летела стая,
 Как будто бы почуяв мертвеца!

Волнуемый тоскою и болью,
 Напрасно гнал я грозные мечты,
 Межь тем как лес с какой-то неприязнью
 В меня бросал холодные листья,

И ветер мне гудел неумолимо:
 Зачем ты здесь, изнеженный поэт?
 Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо!
 Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!

И песню я услышал в отдаленье.
 Знакомая, она была горька,
 Звучало в ней бессильное томленье,
 Бессильная и вялая тоска.

С той песней вновь в душе зашевелилось,
 О чем давно я позабыл мечтать,
 И проклял я то сердце, что смутилось
 Перед борьбой—и отступило вспять!..

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Опять она, родная сторона
 С ее зеленым, благодатным летом

И вновь душа поэзией полна...
Да, только здесь могу я быть поэтом!

(На Западе—не вызвал я ничем
Красивых строф, пластических и сильных,
В Германии я был, как рыба, нем,
В Италии—писал о русских ссыльных,

Давно то было... Город наш родной
Санктпетербург,—как он ни поэтичен,
Но в нем я постоянно сам не свой—
Зол, озабочен или апатичен...)

Опять леса в уборе вековом,
Зверей и птиц угрюмые чертоги,
И меж деревьев, нависнувших шатром,
Травнистые, зеленые дороги!

На первый раз сказать позвольте вам,
Чем пахнут вообще дороги наши—
То запах дегтя с сеном пополам.
Не знаю, каково на нервы ваши

Он действует, но мне приятен он,
Он мысль мою свежит и направляет:
Куда б мечтой я ни был увлечен,
Он вмиг ее к народу возвращает...

Чу! воз скрипит! Плещутся два вола,
Сноп перед нами в зелени ныряют,
Подобие зеленого стола,
На коем груды золота мелькают.

(Друзья мои картежишки! для вас
Придуманно сравненье на досуге)...
Но мы догнали воз—и порвалась
Нить вольных мыслей. Вздрогнул я в испуге:

Почудились на этом мне возу,
Сидящие рядком, как на картине,
Столичный фронт со стеклышком в глазу
И барыня в широком кринолине!..

1865

125

О ПОГОДЕ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Крещенские морозы

— Государь мой! куда вы бежите?
«В канцелярию; что за вопрос?
«Я не знаю вас!»—Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел!—«А! весьма благодарен!»
— Ну, а мой-то? «Да ваш лучезарен!»
— То-то! принял я меры... «Чего-с?»
— Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня ссдок отыскался:
Двадцать градусов, ветер притом —
Бескаретные ходят пешком.

Разыгрались силы господни!
На пространстве пяти саженьей
Насчитаешь наверно до сотни
Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши
Не беда, — какнибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем—
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;
Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидал,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит, — прибавляется,
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкою,
Песни родины дальней поет,
Седока-благодетеля ждет...

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,

Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним — Бозно. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
Там попрежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горлячки,
Воспаленья — идут чередом,
Мрут, как мухи, извошники, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Кармыч фон-Штубе,

Десяти-пудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул пас! — и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье; обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Саповит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое
И на утро разносится слух,
Слух ужасный—о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы *
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи... Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!
Впрочем, если ужь смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,

* Писано в разгаре деятельности М. Н. Муравьева и М. Н. Каткова.

Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзания,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похорошная музыка чище
И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи, покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешной
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

II

Кому холодно, кому жарко!

Свечерело. В предместиях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом,—
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместия мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.
Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится — и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовал,
Не шадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починая,
Да наставят зловонных костров:
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
На вершине костров огоньки —
Берегись!.. В дополнение, с мая
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода...

(Наша муза парит не высоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет).

Уж давно в тебя летней порою
Не случалось нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы с молодую грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой — дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты

При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозничьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребрённый, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;
В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И как бабочек крылья красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги:
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди — шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?»
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.

И другую сманили, — летят!
Полумерзлые девы не смело
На своих кавалеров глядят.
— Ваше имя? «Матильда». — А ваше?
«Александр». К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.
— Вы модистка? «Да, шью в магазин».
— Эй! пошел хорошенько, Тараска! —
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
«Да куда же везете вы нас?
«Мы одеты легко... мудрено ли
«Простудиться?» — Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! живо, дружище! —
Снова скачут! Могилы вокруг,
Монументы... «Да это кладбище»,
Шепчет Саша Матильде — и вдруг
Сани на бок! Упали девицы...
Повернули назад господа
И умчали их кони, как птицы
Девы встали. «Куда жь вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,
Звезды с ясного неба глядят...
«Мы сегодня потешились лихо!»
Франты в клубе друзьям говорят...

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,

Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялись писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»
— Но озябли мы, друг наш угрюмой!
Пощади — нам погреться пора!
«Вот вам случай — взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц — и погреесть даром!»

Где жь пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой — не поспеешь считать!
Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Коня сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах,
Вверх ногами на миг отразилась...

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?
Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ в попыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас ли горит?» помышляя:
«Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая...

Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было не в мочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспредоступны — наднях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть...

126

ГАЗЕТНАЯ

...Через дым, разъедающий очи
Милых дам, убивающих ночи
За игрою в лото-домино,
Разглядеть чтонибудь мудроно.
Миновав этот омут крошечной,
Это тусклое царство теней,
Добрались мы походкой поспешной
До газетной...

Здесь воздух свежий;
Пол с ковром, с абажурами свечи,
Стол с газетами, с книгами шкап.
Неуместны здесь громкие речи,
А еще неприличнее храп,
Но сморит после наших обедов
Хоть какого чтеца, и притом
Прав до ныне старик Грибоедов —
С русской книгой мы вечно уснем.
Мы не любим словесности русской
И до ныне, предвидя досуг,
Запасаемся книгой французской.
Что же так?.. Даже избранный круг
Увлекали талантом недавно
Граф Толстой, Фет и просто Толстой.
«Русский слог исправляется явно!»
Замечают тузы меж собой.
Не без гордости русская пресса
Именуется иногда

Путеводной звездой прогресса,
И не даром она так горда:
Говорят — о Гомер и Овидий!—
До того расходилась печать,
Что явилась потребность субсидий.
Эк хватила куда! исполать!
Таксы нет на гражданские слезы,
Но и так они льются рекой.
Образцы изумительной прозы
Замечаются в прессе родной:
Тот добился успеха во многом
И удачно врагов сбубздал,
Кто идею свободы с годжогом,
С грабежом и убийством мешал;
Тот прославился другом народа
И мечтает, что пользу принес,
Кто на тему: *вино и свобода*
На народ напечатал донос.
Нам Катков предстоит великаном,
Мы Тургенева кушать зовем...
Почему же французским романам
Предпочтение мы отдаем?
Не избыток хорошего тона,
Не картин соблазнительных ряд,
Нас отсутствие «мрака и тона»
К ним влечет... Мудрецы говорят:
«Час досуга, за утренним чаем,
Для чего я тоской отравлю?
Наши немцы знаем мы, знаем,
Но я думать о них не люблю!..»

Эта песня давно уже слышится,
Но она не ведет ни к чему,
Если нам так писалось и пишется,
Значит — есть и причина тому!
Не заказано ветру свободному
Петь тоскливые песни в полях,
Не заказаны волку голодному
Заунывные стоны в лесах;

Спокон веку дождем разливаются
Над родной стороной небеса,
Гнутся, стонут, под бурей ломаются
Спокон веку родные леса,
Спокон веку работа пародная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

Как бы ни было, в компании этой
Праздно кипы журналов лежат,
Пусто! разве, прикрывшись газетой,
Два-три члена солидные спят.
(Как не скажешь: москвич идеальней,
Там газетная вечно полна,
Рядом с ней, нареченная «вральней»,
Есть там мрачная зала одна —
Если ты не московского мненья,
Не входи туда — будешь побит!)
В Петербурге любители чтенья
Пробегают один «Инвалид»;
В дни, когда высочайшим приказом
Назначается много наград,
Десять рук к нему тянется разом.
Да порой наш журнальный собрат
Дерзновенную штуку отколет,
Тронет личность, известную нам,
О! тогда целый клуб соизволит
Прикоснуться к презренным листам.
Шопот, говор. Приводится в ясность —
Кто затронут, метка ли статья?
И суровые толки про гласность
Начинаются. Слыхивал я,
Здесь такие сужденья и споры...
Поневоле поникнешь лицом
И потупишь смущенные взоры...
Не в суждениях дело, а в том,
Что судила такая особа...
Впрочем, я ей обдзан до гроба!

Раз послушав такого туза,
Не забыть до скончания века.
В мановении брови — гроза!
В полуслове — судьба человека!
Согласишься, почитителен, тих,
Постоишь, удалишься уградкой
И начнешь сатирический стих
В комплимент перелаживать сладкой...

Да! Но, всё-таки, грустен напев
Наших песен, нельзя не сознаться.
Переделать его не сумею,
Мы решились при нем оставаться.
Примирились же с Музой мой!
Я не знаю другого напева.
Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчизны своей..

С давних пор только два человека
Постоянно в газетной сидят:
Одному уж три четверти века,
Но он крепок и силен на взгляд.
Про него бесконечны рассказы:
Жаден, скуп, ненавидит детей.
Здесь он к старосте пишет приказы,
Чтобы дома не тратить свечей.
Говорят, одному человеку
Удалось из-за плеч старика
Прочитать, что он пишет: «в аптеку,
Чтоб спасти бедняка-мужика,
Посылал ты — пеленное барство!
Впредь расходов таких не иметь!
Деньги с миру взыскать... а лекарство
Для крестьянина лучшее — плеть...»
Анекдот этот в клубе я слышал
(Это было лет десять тому).
Из полка он за шулерство вышел,
Мать родную упрятал в тюрьму.
Про его воровские таланты

Тоже ходит таинственный слух;
У супруги его бриллианты
Родовые пропали — двух слуг
Присудили тогда и сослали.
А потом — раз старик оплюнул —
У него эти камни выдали:
Сам же он у жены их украл!
Ненавидят его, но для виста
Он всегда партнеров найдет:
«Что жь? ведь в клубе играет он чисто!»
Наша логика дальше пойдет...

А другой? Среди праздных местечек,
Под огромным газетным листом,
Видишь, тощий сидит человек
С озабоченным, бледным лицом,
Весь исполнен тревогою страстной,
По движениям похож на лису,
Стар и глух; и в руках его красной
Карандаш и очки на носу.
В оны годы служил он в цензуре
И до ныне привычку сберег
Всё, что прежде черкал в корректуре,
Отмечать: выправляет он слог,
С мысли автора краски стирает.
Вот он тихо промолвил: «шалишь!»
Глаз его под очками играет,
Как у кошки, заметившей мышь;
Карандаш за привычное дело
Принялся... «А позвольте узнать»
(Он болтун — говорите с ним смело)
«Что изволили вы отыскать?»

— Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? где? Цепенест мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..

Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!
Мало им, что они Маколея
И Гизота в печать провели,
Кровопийцу Прудона, злодея
Тьера выше небес вознесли,
К украшенью империи смеют
Прикасаться нечистой рукой!
Будет время — пожнут, что посеют! —
(Старец грозно качнул головой).
— А свобода, а земство, а гласность!
(Крикнул он и очки уронил):
— Вот где бедствие! вот где опасность
Государству... Не так я служил!

— О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
К сожаленью, при новых порядках,
Председатель отставку мне дал,
На начальство роптать не дерзаю
(*Не умею* — и этим горжусь),
Но убей меня, если я знаю,
Отчего я теперь не гожусь?
Служба всю мою жизнь поглощала,
Иногда до того я видал,
Что во сне благодать осенила,
И вскочив — я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его — подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу,
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной,
Повертится, как муха на свечке,
И уйдет тихомолком домой.
Рад радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, еслиб пустить по порядку...
Но всего говорить не хочу!

Запимался семь лет этим дельцем,
Не напрасно я брал свой оклад
(Тут сравнил он себя с земледельцем,
Рвущим сорные травы из гряд).
— Например, Вальтер Скотт или Купер —
Их на веру иной пропускал,
Но и в них открывал я *капупер!*
(Так он вредную мысль называл).

— Но за то, если дельны и строги
Мысли — кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,
Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасные дети,
Что их грамоте рано учить!
Кто, чтоб нам микроскопы купил,
С представленьем к министру вошел?
А то раз цензора пропустили,
Вместо северный, северный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!
Автор прав, чего цензор смотрел? —

Освежившись холодною клюквой,
Он прибавил: — А что я терпел!
Не один оскорбленный писатель
Письма бранные мне посылал
И грозился... (да шутишь, приятель!
Меры я надлежащие брал).
Мне мерещились авторов тепи,
Третьей ночью еще Фейербах
Мне приснился — был рот его в пене,
Он держал свою шляпу в зубах,
А в руке суковатую палку...
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-пахалку
Удержали... да, труден наш путь!

— Ни родства, ни знакомства, ни дружбы
Совесть цензора знать не должна,
Долг, во-первых — обязанность службы!
Во-вторых, сударь: дети, жена!
И притом я себя так прославил,
Что свихнись я — другой бы навряд
Место новое мне предоставил,
Зависть общий порок, говорят! —

Тут взглянул мне в лицо старичина:
Ужас, что ли, на нем он прочел,
Я не знаю, какая причина,
Только речь он помягче повел:
— Так храни целомудрие прессы,
Не всегда был, однако, я строг.
Еслиб знали вы, как интересы
Я писателей бедных берег!
Да! меня не коснутся упрёки,
Что я платы за труд их лишал.
Оставлял я страницы и строки,
Только вредную мысль исключал.
Если ты написал: «равнодушно
Губернатора встретил народ»,
Исключу я три буквы: «ра — душно»
Выйдет... что же? три буквы не счет!
Если скажешь: «в дворянских имениях
Нищета ежегодно растёт», —
«Речь идет о сардинских владениях»
Поясню, — и статья пройдет!
Точно так: если страстную Лизу
Соблазнит русокудрый Иван,
Переносится действие в Пизу —
И спасен многотомный роман!
Незаметные эти поправки
Так изменят и мысли, и слог,
Что потом не подточишь булавки!
Да, я авторов много берег!
Сам я в бедности тяжелой родился,
Сам имею детей, я не зверь!

Дети! дети! (старик омрачился).
Воздух, что ли, такой ужь теперь —
Утешения в собственном сыне
Не имею... Кто б мог ожидать?
Никакого почтения к святыне!
Спору, спору! не раз и ругать
Принимался, а втайне-то плачешь.
Я однажды ему пригрозил:
«Что ты бесишься? что ты чудачишь?
В нигилисты ты, что ли, вступи!»
— Нигилист — это глупое слово,
Говорит, но когда ты под шим
Разумел человека прямого,
Кто не любит житься чужим,
Кто работает, истины ищет,
Не без пользы старается жить,
Прямо в нос негодя освищет,
А при случае рад и побить —
Так пожалуй — зови нигилистом,
Отчего и не так! — Каково?
Что прикажете с этим артистом?
Я в студенты хотел бы его,
Чтобы чин получил... но едва ли...
— Что чины? — говорит, — ерунда!
Там таких дураков насажали,
Что их слушать не стоит труда,
Там я даром убью только время.
И прибавил еще сгоряча
(Каково современное племя?)
Там мне скажут: ты сын палача!
Тут невольно я голос возвысил,
«Стой, глупец! я ему закричал,
Я на службе себя не унижил,
Добросовестно долг исполнял!»
— Добросовестность милое слово,
Возразил он, но с нею подчас...
«Что, мой друг? говори — это пово!»
Сильный спор завязался у нас;
Всю нелепость свою понемногу

Обнаружил он ясно тогда;
Между прочим, сказал: «Слава богу,
Что чиновник у нас не всегда
Добросовестен»... Вот как!.. За что же
Возрождается в сыне моем,
Что всю жизнь истреблял я?.. о боже!..

Старец скорбно поникнул челом.

— Хорошо ли, служба, корректуры
Вы скрывали от ваших детей?
Я с участием сказал: без цензуры
Пачитался он, видно, статей?
— И! как можно!..

Тут нас перервал.
Старец снова газету берет...

.....

127

ПЕСНИ О СВОБОДНОМ СЛОВЕ

I

РАССЫЛЬНЫЙ

Люди бегут, суетятся,
Мертвых везут на погост...
Еду кой с кем повидаться
Через Николаевский мост.

Пот отирая обильной
С голого лба, стороной —
Вижу — плетется рассыльной,
Старец угрюмой, седой.

С дедушкой этим, Мышаем,
Я ужь лет тридцать знаком:
Оба мы хлеб добываем
Литературным трудом.

(Молод я прибыл в столицу,
Вирши в редакцию свез, —
Первую эту страницу
Он мне в наборе принес!)

Оба судьбой мы похожи,
Если пошире глядеть:
Век свой мы лезли из кожи,
Чтобы в цензуру поспеть;

Ценсор в спокойствии нашем
Равную ролю играл, —
Рапыше, бывало, мы лжем,
Если статью подписал;

Если жь сказал: «запрещаю!»
Вновь я садился писать,
Вновь приходилось Минаю
Бегать к нему, поджидать.

Эти волнения были
Сходны в итоге вполне:
Ноги ему подкосили,
Нервы расстроили мне.

Кто поплатился дороже,
Время ужь скоро решит,
Впрочем, я вдвое моложе.
Он ужь не прочен на вид,

Длинный и тощий, как остов,
Но стариковски пригож...
— Эй! на Васильевский остров
К цензору, что ли, идешь?

— «Баста ходить по цензуре!
Ослобонилась печать,
Авторы наши в натуре
Стали статейки пущать.

К ним да к редактору пыше
Только и носим статьи...

Словно повысились в чине,
Ожили детки мои!

Каждый теперича кроток,
Ну да и нам-то расчет:
На восемь гривен подметок
Меньше износится в год!..»

II

НАБОРЩИКИ

Чей это гимн суровой
Доносит к нам зефир?
То армии свинцовой
Смирешный командир —

Наборщик распевает
У пыльного станка,
Межь тем, как набирает
Проворная рука:

— Рабочему порядок
В труде всего важней,
И лишний рубль не сладок,
Когда не спишь почей!

Работы до отвала,
Хоть не ходи домой.
Тетрадь оригиналу
Еще несут... ой, ой!

Тетрадь толстенька в стапе,
В неделю не набрать.
Но не гордись заране,
Премудрая тетрадь!

Не похудей в ценсуре!
Ужо мы наберем,
Оттиснем в корректуре
И к ценсору пошлем.

Вот он тебя читает,
Надев свои очки;
Отечески марает —
Словечко, полстроки!

Но недостало силы,
Вдруг руки разошлись,
И красные чернила
Потоком полились.

Живого нет местечка!
И только на строке
Торчит кой-где словечко,
Как муха в молоке.

Угрюмой и сердитой
Редактор этот сброд,
Как армии разбитой
Остатки, подберет;

На ниточку панижет,
Кой-как сплотит опять
И нам приказ напишет:
«Исправив, вновь послать».

Набор мы рассыпаем
Зачеркнутых столбцов
И литеры бросаем,
Как в ямы мертвецов,

По кассам! Вновь в порядке
Лежат одна к одной.
Потерян ключ к загадке,
Что выражал их строй!

Так остается тайной,
Каков и где тот плод,
Который вихрь случайной
С деревьев в бурю рвет.

(Что, какова заметка?
Не дурен оборот?
Случается передко
У нас лихой народ.

Наборщики бывают
Философы порой:
Не всё же набирают
Они сумбур пустой.

Встречаются статейки,
Встречаются умы —
Полезные идейки
Усвоиваем мы ...)

Ужь в повои корректуре
Статья не велика,
Глядишь — опять в цензуре
Посмудят ей бока.

Вот, наконец, и сверстка!
Но что с тобой, тетрадь?
Ты менее наперстка
Являешься в печать!

А то еще бывает,
Сам автор прибежит,
Посмотрит, повздыхает,
Да всю и порешит!

Нам все равны статейки,
Печатай, разбирай, —
Три четверти копеечки
За строчку нам отдай!

Но не равны заботы.
Чтоб время навестать
Мы слезнем от работы...
Хотите ли писать?

Мы вам дадим сюжеты:
Войдите-ка в полночь
В наборную газеты —
Кромешный ад точь в точь!

Наборщик безответный
Красив, как трубочист...
Кто выдумал газетный
Бесчеловечный лист?

Хоть целый свет обрыщешь,
И в самых рудниках
Тонней труда не съищешь —
Мы вечно на погах;

От частой недосыпки,
От пыли, от свинца
Мы все здоровьем хлещем,
Все зелены с лица;

В работе беспорядок
Нам сокращает век.
И лишний рубль не сладок,
Как болен человек...

Но вот свобода слова
Негаданно пришла,
Не так ужь бестолково,
Авось, пойдут дела!

ХОР

Поклон тебе, свобода!
Тра-ла, ла-ла, ла-ла!
С рабочего народа
Ты тяготу сняла!..

III

ПОЭТ

Друзья, возрадуйтесь! — простор!
(Давай скорей бутылки!)

Теперь бы петь... Но стал я хвор!
А прежде был я пылок.
И был подвижен я, как челн
(Зачем на пробке плесень?..)
И как у моря звучных волн
У лиры было песнь.
Но жизнь была так коротка
Для песнь этой лиры, —
От типографского станка
До ценсорской квартиры!

IV

ЛИТЕРАТОРЫ

Три друга обнялись при встрече,
Входя в какой-то магазин.
«Теперь пойдут иные речи!»
Заметил весело один.
— Теперь нас ждут простор и слава!
Другой восторженно сказал,
А третий посмотрел лукаво
И головою побачал!*

V

ФЕЛЬЕТОННАЯ БУКАШКА

Я — фельетонная букашка,
Ищу посильного труда.
Я, как ходячая бумажка,
Поистрепался, господа,

Но лишь давайте мне сюжеты,
Увидите — хорош мой слог.
Сначала я писал куплеты,
Состряпал несколько эклог,

* Эти два последние стиха взяты у Лермонтова:

Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал...

Но скоро я стихи оставил,
Поняв, что лучший на земле
Тот род, который так прославил
Булгарин в «Северной Пчеле».

Я говорю о фельетоне...
Статейки я писать могу
В великосветском, модном тоне,
И будут хороши, не лгу.

Из жизни здешней и московской
Черты охотно я беру.
Знаком вам господин Паповский?
Мы с ним похожи по перу.

Известен я в литературе...
Угодно ль вам меня нанять?
Умел писать я при цензуре,
Так мудрено ль теперь писать?

Признаться, я попал невольно
В литературную семью.
Ох! было время — вспомнить больно!
Дрожь, бывало, за статью.

Мою любимую идею,
Что в Петербурге климат плох,
И ту не в каждую статейку
Вставлять я без боязни мог.

Однажды написал я с дуру,
Что видел на мосту дыру,
Переполднив всю цензуру,
Таскали даже ко двору!

Ну! дали мне головнойку,
С полгосда поджимал я хвост.
С тех пор не езжу через Мойку
И не гляжу на этот мост!

Я падоел вам? извините!
Но старых ран коснулся я...
И вдруг... кто думать мог?... скажите!..
Горька была вся жизнь моя,

Но претерпев судьбы удары,
Под старость счастье я узнал:
Курил на улицах сигары
И без ценсуры сочинял!

VI

ПУБЛИКА

1

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимой, лесной...

Боже! пошли нам терпенье!
Или ценсура воспрянь!
Всюду одно осужденье,
Всюду нахальная брань!
В цивилизованном классе
Будто растленье одно,
Бедность безмерная в массе
(Где же берут на вино?)
В каждом нажитья старанье,
В каждом продажная честь,
Только под шубой бараньей
Сердце хорошее есть!
Ох, этот автор злодейской!
Тоже хитрит иногда,
Думает лестью лакейской
Нас усыпить, господа!

Мы не хотим подалуев,
Но и ругни не хотим...
Что жь это смотрит Валуев,*
Как этот автор терпим?
Слышали? Всё лишь подобье,
Всё у нас маска и ложь,
Глупость, разврат, узколобье...
Кто же умен и хорош?
Кто же всегда одинаков?
Истине друг и родня?
Ясно — премудрый Аксаков,
Автор премудрого «Дня»!
Пусть он таков, но за что же
Надосдаёт он всем?..
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдиной, лесной...

2

Ньпиче, журналы читая,
Просто не веришь глазам,
Слышали — новость какая?
Мы же должны мужикам!
Экой герой-сочинитель!
Экой вещун-богатырь!
Верно ли только, учитель,
Вывел ты эту дыфирь?
Если ее ты докажешь,
Дай ужь нам кстати совет:

* Тогдашний министр внутренних дел.

Чем расплатиться прикажешь?
Суммы такой у нас нет!
Нет ничего, кроме модных,
Но пустоватых голов,
Кроме желудков голодных
И неоплатных долгов,
Кроме усов, бакенбардов
Да «как-нибудь» да «авось»...
Шутка ли! шесть миллиардов!
Смилуйся! что-нибудь сбрось!
Друг! ты стоишь на рогоже,
Но говоришь ты с ковра...
Чем это кончится, боже!..
Грешен, не жду я добра...

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нечелюдной, лесной...

3

Мало, что в сфере публичной
Трогают всякий предмет,
Жизни касаются личной!
Просто спасения нет!
Если за добрым обедом
Выпил ты лишний бокал
И, поругавшись с соседом,
Громкое слово сказал,
Не говорю уж — подрался
(Редко друг друга мы бьем),
Хоть бы ты тут же обнялся
С этим случайным врагом, —
Завтра жь в газетах напишут!
Господи! что за скоты!

Как они знают всё, слышат!..
Что потом сделаешь ты?
Ежели скажешь: «вы лжете!»
Он очевидцев найдет,
Если дуэлью пугнете,
Он вас судом припугнет.
Просто — не стало свободы,
Чести нельзя защитить...
Эх! эти новые моды!
Впрочем, есть средство: побить.
Но ведь, пожалуй, по роже
Съездит и он между тем.
Чем это кончится, боже!..
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимою, лесной...

4

Всё пошатнулось... О, где ты,
Время без бурь и тревог?..
В бога не верят газеты,
И отрицают поэты
Пользу железных дорог!
Дыбом становится волос,
Чем наводнилась печать, —
Даже умеренный «Голос»
Начал не в меру кричать;
Ни одного элемента
Не пропустил, не задев,
Он положеньем Ташкента
Разволновался, как лев;
Бдит он над западным красн,

Он о России болит,
С ожесточеньем и ласк
Он обо всем говорит!
Он изнывает в тревогах,
Точно ли вышел запрет:
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?
Что — на дорогах железных!
Остановить бы везде.
Меньше бы трат бесполезных!
И без того мы в нужде.
Жизнь ежедневно дороже,
Деньги трудней между тем.
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из стени
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимою, лесной...

5

Право, конец бы таковской
И не велика печаль!
Только газеты московской
Было б, признаться, нам жаль,
Впрочем... как пристально взвесить,
Так и се — что жалеть!
Уж начала куролесить,
Может совсем ошалеть.
Прежде лишь мелкий чиновник
Был твоей жертвой, печать,
Если жь военный полковник —
Стой! ни полслова! молчать!
Но от чиновников быстро

Дело дошло до тузов,
Даже коснулся министра
Неустрашимый Катков.
Тронута там у него же
Много забористых тем...
Чем это кончится, боже!
Чем это кончится, чем?..

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимой, лесной..

VII

ОСТОРОЖНОСТЬ

1

В Ледовитом океане
Лодка углая плывет,
Молодой, пригожей Тане
Парень песенку поет:
«Мы пришли на остров дикой,
Где ни деркви, ни попов,
Зимовать в пужде великой
Здесь привычен зверолов;
Так с тобой, моей голубкой,
Неужли нам розно спать?
Буду я песцовой шубкой,
Буду лаской согрывать!»
Хорошо поет, собака,
Убедительно поет!
Но ведь это против брака, —
Не нажить бы нам хлопот?
Оправдаться есть возможность,
Да не сироят — вот беда!

Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа! ..

2

У солидного панаша
Либералка вышла дочь
(Говорят, журналы наши
Всё читала день и ночь),
Жениху с хорошим чином
Отказала, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь.
В свете это сплошь бывает,
Это тиснуть мы могли б,
Но ведь это посягает
На родительский принцип!
За подобную оплошность
Не постигла б нас беда?
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

3

Наш помещик Пантелеев
Век играл, мотал и пил,
А крестьянин Федосеев
Век трудился и копил —
И по улицам столицы
Пантелеев ходит гол,
А дворянские земли
Федосеев приобрел.
В свете это всё бывает,
Много есть таких дворян,
Но ведь это означает
Оскорблять дворянский сан.
Тисни, тисни! есть возможность, —
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

4

Что́ народ ни добывает,
 Всё не впрок ему идет:
 И подрядчик нажимает,
 И торгаш с него дерет.
 Ужь таков теперь обычай —
 Стонут, воют, бедняки...
 Ну — а класс-то ростовщичий?
 Сгубят нас ростовщики!
 Я желал бы их проклятых
 Хорошенечко пробрать,
 Но ведь это на богатых
 Значит бедных натравлять?
 Ну, какая же возможность
 Так рискнуть? кругом беда!
 Осторожность, осторожность,
 Осторожность, господа!

5

Крестный ход в селе Остожье.
 Вдруг «пожар!» кричит народ.
 «Не бросать же дело божье —
 Кончим прежде крестный ход».
 И покудова с иконой
 Обходили всё село,
 Искрой, ветром занесенной,
 И другой посад зажгло.
 Погорели! В этом много
 Правды горькой и простой,
 Но ведь это против бога,
 Против веры... ой! ой! ой!
 Тут полнейшая возможность
 К обвиненью без суда...
 Ради бога, осторожность,
 Осторожность, господа!

[Ноябрь и декабрь]

VIII ПРОПАЛА КНИГА

1

Пропала книга! Ужь была
Совсем готова — вдруг пропала!
Бог с ней, когда идея зла
Она потворствовать желала!
Читать маранье праздных дур
И дураков мы не досужны.
Не нужно нам плохих брошюр,
Нам нужен хлеб, нам деньги нужны!

Но, может быть, она была
Честна... а так резка, смела?
Две, три страницы роковые...
О, если так, ее мне жаль!
И, может быть, мою печаль
Со мною разделит вся Россия!

2

Ужь напечатана — и нет!..
Не познакомимся мы с нею;
Девида в девятнадцать лет
Не замечается над нею;
О ней не будут рассуждать
Ни дилетант, ни критик мрачной,
Студент не будет посыпать
Ее листов золою табачной.

Пропала! с ней и труд пропал,
Затрачен даром капитал,
Пропали хлопоты большие...
Мне очень жаль, мне очень жаль,
И, может быть, мою печаль
Со мною разделит вся Россия!

3

Прощай! горька судьба твою,
Бедняжка! Как зима настанет,

За чайным столиком семья
Гурьбой читать тебя не станет.
Не занесешь ты новых дум
В глухие, темные селенья,
Где изпывает русский ум
Вдали от центров просвещения!

О, если ты честна была,
Что за беда, что ты смела?
Так редки книги не пустые...
Мне очень жаль, мне очень жаль
И, может быть, мою печаль
Со мной разделит вся Россия!..

[Конец декабря 1866]

1866

128

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *ножка Терпсихоры*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоденную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой...

Пушкин.

Свирепсет мороз ненавистной.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисной,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и пьеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка — сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То-есть: купчик — кутила и мот)
И мышинный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),
Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?)
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслаждении, в труде и в покое,

В блудном сыне, в почтенном отце, --
Есть одно — *угадайте, какое?* —
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам не досужно.
Муза! дай — если можешь — ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличьи,
Тот играет, тот любит поесть,
Но взглядишь: при наружном различьи
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравнило —
И великих, и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: *где бы занять поскорей?*
Что, не так ли?..

История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я надних прочитал се даже
На почтенном одном мертвце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможное долг получить.
Говорят, никаких договоров
Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их — говорят...
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё население,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголею дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не деневаля школа
Поощрение грации и муз...
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке, *
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!)
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра, **
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месец за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дурел с азарту,
К ряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом кабинете

* Хозяева английского магазина.

** Известные модистки.

Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают, и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить, — такие пришли времена!
Купишь чтонибудь — дерзкий прикащик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, оустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, —
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!

Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, —
«Будто нет благородней материй?»
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мнением вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бель-этаж — настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стобит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жоны —
Сотни тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах — мужичины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?) Одна

Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бель-этаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шею твоей ожерелье —
Погодила б ты им шеголять!
Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шопот скандальной,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу, —
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил — и снял
Эти перлы... Не так ли достала
Ты опять их?... Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушонный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных почей;
С этим золотом, бархатом, шолком,
С этим счастьем послов принимать.
Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, — чтоб снова блистать
Но свершились пути провиденья,
Всё погигло — и деньги и честь!
Нисходи же ты в область забвенья,
И супругу дай дух перевести!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снега» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глуно мычать...

Тешить жоп — богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда жь.

Марья Савишна! вы бы надели
Платье проще! — Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бель-этаже спяло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?
Доблесть, молодость, сила — пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их — телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота...

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть).
Все бинокли приходят в движенье —
Появляется кор-де-балет.
Здесь позволю себе отступление:
Соответственной живости пет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

И взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы — астроном!»
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о, профан!)
«Нет... я... но эта ножка...
Но эти плечи... стан...»

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«В стремлении к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

Не всё жь читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля...
Купите-ка бинокль!..»

Купил! — и пред балетом
Я преклонился ниц.
Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет,
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы... но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы паявны,
Мы глушы в этот час:
Почти-что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася пожка влево —
Мы влево подались;

Взвилася пожка вправо —
Мы вправо... — Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель!.. «Фора! bis!»

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Паптоминною сцепой большой
Утомились мы; вальс африканской
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа — и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,
Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё — до ластовиц белых в рубахе —
Было верно: на шипе цветы,

Удаль русская в каждом размахе...
Не артистка — волшебница ты!
Ничего не видали во веки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя муза! лукаво
Улыбаешься... Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя...
Но молчишь ты, скучна и угрюма...
Что ж ты думаешь, муза моя?..

На конек ты пошла обычной —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: Гурия рай!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевав, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он — даже песни поет!..

А то есть и такие обозы —
(Вот бы Роллер нам их показал!)
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных...

Пряником через реки, поля
Едут путники узкой тропой:
В белом саване смерти земля,
Небо хмурое, полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всё-губящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье мятели...
Снежно — холодно — мгла и туман...
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «пу! чего отстасшь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет — упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезда печальной
Через белый покров погребальной
Режет землю — и стонет она,
Стонет белое снежное море...
Тяжело ты — крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расплзается
На заре по росистым травам,
Это горе идет — подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон — направо — избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «господь с вами, милые!»
И пропала в сугробах она...

Чу! клячонку хлеснул старичина...
Эх! чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!

Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

129

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,
И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени

И клятвы мести грозно повторял,
За то кричат безличные: ликуем!
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным подалуем
Несчастливого к позорному столбу.

[16 апреля. Петербург]

130

ПЕСНИ

I

У людей-то в дому — чистота, лепота,
А у нас-то в дому — теснота, духота.

У людей-то для щей — с солонинкою чаи,
А у нас-то во щах — таракан, таракан!

У людей кумовья — ребятишек дарит,
А у нас кумовья наш же хлеб приедят!

У людей на уме — поговорить с кумэй,
А у нас на уме — не пойти бы с сумэй?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в маэшне, чтобы рожь на гумше;

Чтоб шел в бубенцах, росписная дуга,
Чтоб сукно на плечах, не посконь-дерюга;

Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей — грамотей;

Чтобы дети в дому, словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому — как малишка в саду!

II

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам, что ни попало, из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К братцу я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют — ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная», старики твердят:
«Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица!» отвечает брат:
«Милого побои не долго болят!»

«Потерпи!» соседи хором говорят:
«Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик — Федя, дальняя родня,
Он один жалост, любит он меня;

Подмигну я Феде, — с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде — всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» спросит муженек:
— Где была, там нету! так-то, мил дружок!

— Посмотреть ходила, высока ли рожь!
«Ах, ты дура баба! ты еще и врешь...»

Станет горячиться, станет попрекать...
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит — не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

III

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:

Это стойлиде коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе палати,
А в клетки, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и оводь в огороде —
Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

IV

СВАТ И ЖЕНИХ

(В КАБАКЕ ЗА ПОЛУШТОФОМ)

1

Нутко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина, —
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, мне с родни,
Будет с мужем — ни-ни-ни!
— Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порог
Не вставала поперег!
Ай да Марья, Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

Путько! Вера у Дапшылы,
 Палагея у Гаврилы,
 Секлетей у Фрола,
 Замуж всем пора пришла!
 У Никиты — Катерина,
 Чтò ни девка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, знаешь, щедровита,
 Да работать, ух! сердита!
 Марья костью широка,
 Высока, статна, гладка!
 — Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!
 Нам с лица не воду пить
 И с корявой можно жить,
 Да чтоб мясо на костях,
 Чтоб бы силушка в руках!
 Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!..

Путько! Аша у Егора,
 У Антипки Митродора,
 Александра у Петра —
 Все невесты, всем пора!
 У Евстратя — Акулина,
 Чтò ни девка, то малина!
 Думай, думай — выбирай!
 По любую засылай!
 Марья, точно, щедровита,
 Да хозяйка домовита:
 Всё примает, приберет,
 Всё до штыки сбережет!
 — Ай да Марья! Марья — клад!
 Сватай Марью, Марью, сват!
 Нам с лица не воду пить

И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья! Марья — клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

(спрашивают еще полуштоф и начинают снова).

V

ГИМН

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты ввернишь на Руси!..

1867

131

**НЕИЗВЕСТНОМУ ДРУГУ,
ПРИСЛАВШЕМУ МНЕ СТИХОТВОРЕНИЕ**

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Умру я скоро. Жалкое наследство,
О, родина! оставлю я тебе.
Под гнетом роковым провел я детство
И молодость — в мучительной борьбе.
Недолгая нас буря укрепляет,
Хоть ею мы мгновенно смущены,
Но долгая — на веки поселяет
В душе привычки робкой тишины.
На мне года гнетущих впечатлений
Оставили неизгладимый след.
Как мало знал свободных вдохновений,
О, родина! печальный твой поэт!
Каких преград не встретил мимоходом
С своей угрюмой музой на пути?..
За каплю крови общую с народом
И малый труд в заслугу мне сочти!

Не торговал я лирой, но, бывало,

Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одиночек;
В начале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути —
За каплю крови общую с народом
Прости меня, о родина! прости!..

Я призван был воспеть твои страдания,
Терпением изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознания
На путь, которым бог тебя ведет,
Но, жизнь любя, к ее минутным благам
Прикованный привычкой и средой,
Я к цели шел колеблющимся шагом,
Я для нее не жертвовал собой,
И песнь моя бесследно пролетела
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться в ней успела
К тебе, моя родная сторона!
За то, что я, черствее с каждым годом,
Ее умел в душе моей спасти,
За каплю крови общую с народом
Мои вины, о родина! прости!..

132

ВЫБОР

Почка сегодня морозная, ясная.
В горе стоит над рекой

Русская девица, девица красная,
Щупает прорубь ногой.
Тонкий ледок под ногою ломается,
Вот на него набежала вода;
Царь водяной из воды появляется,
Шепчет: «бросайся, бросайся сюда!
Любо здесь!» Девица, зову покорная,
Вся наклонилась к нему.
«Сердце покинет кручинушка черная,
Только разок обойму,
Прянь!»... И руками к ней длинными тянется...

Синие льды затрещали кругом,
Дрогнула девица! Ждет — не оглянется —
Кто-то шагает, идет напрямком.
«Прянь! Будь царицею царства подводного!...»

Тут подошел воевода Мороз:
— Я тебя, я тебя, вора негодного!
Чуть было девку мою не унес! —
Белый старик с бороною пушистою
На воду триждыдохнул,
Прорубь подернулась корочкой льдистою,
Царь водяной подо льдом потонул.

Молвил Мороз: — не топися, красавица!
Слез не осушишь водой,
Жадная рыба, речная пиявица,
Там твой нарушат покой;
Там защекотят тебя водяные,
Раки вопьются в высокую грудь,
Ноги опутают травы речные.
Лучше со мной эту ночку побудь!
К утру я горе твое успокою,
Сладкие грезы его усыпят,
Будешь ты так же пригожа собою,
Только красивее дам я наряд:
В белом венке голова засияет
Завтра, чуть красное солнце взойдет. —

Девница берег реки покидает,
К темному лесу идет.

Села на пень у дороги: ласкается
К ней воевода-старик.
Дрогнется — зубы колотят — зевается —
Вот и закрыла глаза... забывается...
Вдруг разбудил ее Лешего крик:

«Девонька! встань ты на резвые ноги,
Долго Морозко тебя протомит.
Спал я и слышал давно: у дороги
Кто-то зубами стучит,
Жалко мне стало. Иди-ка за мною,
Что за охота всю поченьку ждать!
Да и умрешь — тут не будет покою:
Станут оттаивать, станут качать!
Я заведу тебя в чашу лесную,
Где никому до тебя не дойти,
Выберем, девонька, сосну любую...»

Девница с Лешим решила идти.

Идут. На встречу медведь попадается,
Девница вскрикнула — страх обуял.
Хохотом Лешего лес наполняется:
«Смерть не страшна, а медведь испугал!
Экой лесок, что ни дерево — чудо!
Девонька! глянь-ка, какие стволы!
Глянь на вершины — с синицу оттуда
Кажутся спящие летом орлы!
Темень тут вечная, тайна великая,
Солнце сюда не досветит лучей,
Буря разыграет — ревушая, дикая —
Лес не подумает кланяться ей!
Только вершины поропшут тревожно...
Ну, полезай! подсажу осторожно...
Люб тебе, девница, лес вековой!
С каждого дерева броситься можно
Вниз головой!»

СЦЕНЫ ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

„МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА“

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Зимняя картина. Равнина, занесенная снегом, кое-где деревья, пни, кустарник; впереди сплошной лес. По направлению к лесу, без дороги, кто на лыжах, кто на четвереньках, кто барахтаясь по пояс в снегу, тянется вереница загонщиков, человек сто: мужики, отставные солдаты, бабы, девки, мальчики и девочки. Каждый и каждая с дубинкою; у некоторых мужиков ружья. За народом С а в е л и й, окладчик, продавший медведя и распоряжающийся охотой. По дороге, протоптываемой народом, пробираются, часто спотыкаясь, господа охотники. Впереди князь В о е х о т с к и й, старик лет 65-ти, сановник; за ним барон фон-дер-Гребен, нечто в роде посланника, важная надменная фигура, лет 50. Он изредка переговаривается с Воехотским, но оба они более заняты трудным процессом ходьбы. За ними М и ш а, плотный полновзрослый господин, лет 45, действительный статский советник, служит; здоров до избытка, шутник и хохотун; рядом с ним П а л ь ц о в, господин лет 50-ти, не служил и не служит. Они горячо разговаривают.

М и ш а и П а л ь ц о в продолжают прежде начатый разговор.

П А Л ь Ц О В

... Что ты ни говори, претит душе моей
Тот круг, где мы с тобою бродим:
Двух-трех поридочных людей
На сотню франтов в нем находим.

А что такое русский франт?
Всё совершается в свете,
А у него единственный талант,
Единственный прогресс — в жилете.
Вино, рысак, лоретка — тут он весь
И с внутренним, и с внешним миром.
Его тщеславие вращается до дысь
Между конюшней и трактиром.
Программа жалкая его —
Не делать ровно ничего,
Считая глушостью и ложью

Всё, кроме светской суеты;
Глушаться черпью, быть на «ты»
Со всею имепитой молодёжью;
За недостатком гордости в душе,
Являть ее в своей осанке;
Дрожать для дела на гроше
И тысячи бросать какой-нибудь дыганке;
Знать наизусть Елен и Клеопатр,
Наехавших из Франции в Россию,
Ходить в Михайловский театр
И презирать — *Александрю*.
Французским *jeunes premiers* в манерах подражать,
Искусно на коньках кататься,
На скачках призы получать
И каждый вечер напиваться
В трактирах и в других домах,
С отличной стороны известных,
Или в милютинных рядах,
За лавками, в конурах тесных,
Где царствует обычай вековой
Не мыть полов, салфеток, стклянок,
Куда влекут они с собой
И чопорных, брезгливых парижанок,
Чтобы в разгаре кутежа
В угоду пристающим с-пьяна
Есть устрицы с железного пожа
И пить вино из грязного стакана!

В одном прогрессе являет он —
Наш милый франт — что всё мельчает,
Лет в двадцать волосы теряет.
Тщедушен, ростом умален
И слабосилцем наказан.
Стаканом можно каждого спить
И каждого не трудно удушить
На узкой ленточке, которой он повязан!

м и ш а

Ты метко франтов очертил.

ПАЛЬЦОВ

Одно я только позабыл,
Коснувшись этой тли снаружи,
Что эти полумертвецы,
Развратом юности ославленные души,
Невежды, если не глупцы, —
Современем родному краю
Готовятся...

МИША

Я понимаю.
Но не одних же пустомель
Встречаем мы и в светском мире:
Есть люди — их понятия шире,
Доступна им живая цель.
Сбери-ка эти единицы,
Таланты, знания, умы,
С великорусской Костромы
До полурусской Нишцы,
Соедини-ка их в одно
Разумным, обще-русским делом..

ПАЛЬЦОВ

Соединить их — мудрено!
Запесья ты, в порыве смелом,
Бог весть куда, любезный друг!
Вернись-ка к фактам!

МИША

Факты трудны!
Не говорю, чтоб были скудны,
Но не припомнишь вдруг!
Я сам не слишком обольщаюсь,
Не ждал я и не жду чудес,
Но твердо за одно ручаюсь,
Что с мели сдвинул нас прогресс.
Вот например: давно не очень
Жизнь на Руси груба была

И, как под музыку, текла
Под град ругательств и пощечин:
Тот звук, как древней драме хор,
Необходим был жизни нашей.
Ну, а теперь — гуманный спор,
Игривый спич за полной чашей!

П А Л Ь Ц О В

Вот чудо!

М И Ш А

Чуда, друг мой, нет,
Но всё же выигрыш в итоге.
Засевши на большой дороге
С дворовой челядью, мой лед
Был, говорят, грозой краю,
А я — его любезный впуск —
Я друг народа, друг наук,
Я в комитетах заседаю!

П А Л Ь Ц О В

Ты шутишь?

М И Ш А

Нет, я не шучу!
Я этой резкостью сравненья
Одно сказать тебе хочу:
«Держись на русской точке зренья»
И ты утетишься, друг мой!
Не слишком длинное пространство
Нас разделяет с стариной,
Но ужь теперь не то дворянство,
В литературе дух иной,
Администраторы иные...

П А Л Ь Ц О В

Да! люди тонко развитые!
О них судить не нашему уму,
Довольно с нас благоговеть, гордиться.

Ты эпитафию читал ли одному?
По моему, десяткам пригодится!
«Систему полумер приняв за идеал,
«Ни прогрессист, ни консерватор,
«Добро ты портил, зла не улучшал,
«Но честный был администратор...»
В администрацию попасть большая честь;
Но будь талант — пути открыты,
И надобно признаться, всё в ней есть,
Есть даже, кажется, спириты!

М П Ш А

Давно ли чуждо было нам
Всё, кроме личного расчёта?
Теперь к общественным делам
Явилась рьяная забота!

П А Л Ь Ц О В (смеется)

С тех пор, как родину прогресс
Поставил в новые условия,
О, Русь! вселенся новый бес
Почти во все твои сословья.
То бес «общественных забот».
Кто им не одержим? Но — чудо! —
Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных!

М П Ш А

Ну! зол ты стал, как погляжу!
Прослыть стараясь Вельзевулом,
Ты и себя ругнул огулом. —
А я, опять-таки, скажу:
Часть общества по мере сил развита;
Не сплошь мы поплости рабы:
Есть признаки осмысленного быта,

Есть элементы для борьбы.
У нас есть крепостник-плантатор,
Но есть и честный либерал;
Есть заскорузлый консерватор,
А рядом — сам ты замечал —
Великосветский радикал!

ПАЛЬЦОВ

Двух слов без горечи не бросит,
Без грусти ни на чем не остановит глаз,
Он не идет, а, так сказать, пронесит
Себя, как контрабанду, среди нас.
Шалит землевладелец крупной,
Морочит модной маской свет,
Иль точно тайной недоступной
Он полон — не велик секрет!

МИША

И то уж хорошо, что времена пришли
Брать эти — не другие роли...
Давно ли мы безгласно шли,
Куда погонят нас, давно ли?...
Теперь, куда ни посмотри,
Зачатки критики, стремленья...

ПАЛЬЦОВ (с тевом)

Пожалуйста, не говори
Про русское общественное мнение!
Его нельзя не презирать
Сильней невежества, распутства, тупеядства
На нем предательства печать
И непонятного злорадства!
У русского особый взгляд,
Преданьям рабства страшно верен:
Всегда побитый виноват,
А битым — счет потерян!
Как будто с умыслом силки
Мы расставляем мысли смелой:
Сперва — сторопников полки,

Восторг почти России целой,
Потом — усталость; наконец,
Все на-стороже, все в тревоге,
И покидается боец
Почти один на полдороге...
Победа! мимо всех преград
Проняла и принялась идея:
Ура! кричим мы не робея,
И тот, кто рад, и кто не рад...
Зато с каким зловецким тактом
Мы неудачу сторожим!
Заметив облачко над фактом,
Как стусеваться мы спешим!
Как мы вертим хвостом лукаво,
Как мы уходим величаво
В скорлупку пошлости своей!
Как негодуем, как клевещем,
Как ретроградам рукоплещем,
Как выдаем своих друзей!
Какие слышатся аккорды
В постыдной оргии тогда!
Какие выдвинутся морды
На первый план! Гроза, беда!
Облава — в полном смысле слова!..
Свалились в кучу — и готово
Холопской дури торжество,
Мычанье, хрюканье, бляканье
И жеребячье гоготанье —
А-ту его! а-ту его!..

Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?
Нам все равно! Не дорожим
Мы шагом к прочному успеху.
Прогресс?.. его мы не хотим —
Нам дай новинку, дай потеху!
И вот новинке всякий рад

День, два; все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят.
Как «рановременные» меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!..

(Народ впереди остановился. Остановились и охотники. Савелий, объяснив что-то князю Воехотскому, причем таинственно указывал по направлению к лесу, подходит к Пальцову и Мише).

САВЕЛИЙ

На номера извольте становиться.
Теперь нельзя курить
И громко говорить здесь не годится.

МИША

Что жь можно? Можно водку пить!

(Хочет и, наливая из фляжки, потчует Пальцова и пьет сам. Савелий, расставив охотников по цепи, в расстоянии шагов пятидесяти друг от друга, разделяет народ на две половины: одна молча и с предосторожностями отправляется по линии круга направо, другая налево.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Барон фон-дер-Гребен и князь Воехотский

На № 5-м. Барон сидит на складном стуле; снег около него утопан, под ногами ковер. Близь него прислонены к дереву три штуцера со взведенными курками. В нескольких шагах от него, сзади, мужик-охотник с рогатиной.

кн. ВОЕХОТСКИЙ *(подходя к барону с своего, соседнего номера)*

Теперь, барон, вы видели природу,
Вы видели народ наш?

БАРОН

И не мог
Не заключить, что этому народу
Пути к развитию загородил сам бог.

К П. ВОЕХОТСКИЙ

Да! да! непобедимые условия!
Но, к счастью, народ не выше их:
Невежество, бесчувственность воловь
Полезны при условиях таких.

Б А Р О П

Когда природа отвечать не может
Потребностям, которые родит
Развитие — оно беды умножит
И только даром страсти распалит.

К П. ВОЕХОТСКИЙ

Вы угадали мысль мою: беспо
В таких условиях просвещать народ.
На почве, где с трудом родится репа,
С развитием банан не расцветет.
Нам не указ Европа: там избыток
Во всех дарах, по милости судеб;
А здесь один суровый черный хлеб
Да из него же гибельный напиток!
И средства нет прибавить что-нибудь.
Болото, мох, песок — куда ни взглянешь!
Не проведешь сюда железный путь,
К путям железным весь народ не стянешь!
А здесь — вот, например, зимой —
Какие тут возможны улучшенья?..
Хоть лошадям убавьте-ка мученья,
Устройте экипаж другой!
Здесь мужику, что вышел за ворота,
Кровавый труд, кровавая борьба:
За кропку хлеба капля пота —
Вот в двух словах его судьба!
Его сама природа осудила
На грубый труд, неблагодарный бой
И от отчаянья разумно оградила
Невежества спасительной броней.
Его удел — безграмотство, беспутство,
Убожество и чувством, и умом,

Его узда — палогн, труд, рекрутство,
Его утеха — водка с дурманом!

Б А Р О П

So, so...

СЦЕНА ПЯТАЯ

Пальцов и Миша

На № 1-м. К Пальцову подходит со своего номера Миша

МИША

Еще не скоро выйдет зверь...
Покаместь, приведем-ка в ясность
То время, как слова «свобода», «гласность»,
Которыми набили мы теперь
Оскому, как незрелыми плодами,
Не слышались и в шутку между нами.
Когда считался зверем либерал,
Когда слова: «общественное благо»
И произнести пужна была отвага,
Которою никто не обладал!
Когда одни житейские условия
Сближали нас, а по-просту расчот,
И лишь в одном сливались все сословья,
Что дружно налегали на народ...

ПАЛЬЦОВ

Великий век, когда блистал
Среди безгласных поколений
Администратор-генерал
И откупщик — кабачный гений!

МИША

Ты, думаю, охоту на двуногих
Застал еще в ребячестве своем.
Слышал ты вопли стариков убогих
И женщин, засекаемых кнутом?
Я думаю, ты был не полугода
И не забыл порядки тех времен,

Когда, в ответ стонам народа,
Мысль русская стонала в полу-тон?

ПАЛЬЦОВ

Великий век — великих мер!
«Не рассуждать — повиняться!»
Девиз был общий; сам Гомер
Не смел Омиром называться.

МИША

Припомни, как в то время золотое
Учили нас? Раздолье-то какое!
Сын барина, чиновника, князька
На столько поровил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь — а там дорога широка!
Три фазиса дворянское развитие
Прекрасные являло нам тогда:
В дни юности — кутеж и стеклобитье,
Наука жизни — в зрелые года
(Которую не в школах европейских —
Мы черпали в гостиных и лакейских),
И, наконец, заветная мечта —
Почетные, доходные места...

Припомнил ты то время золотое,
Которого исчадь мы прямое,
Припомнил? — Ну, так полюбуйся им!

Как яблоню качает проходящий,
Весь занятый минутой настоящей,
Желанием одним руководим —
Набрать плодов и далёк в путь пуститься,
Не думая, что много их свалится,
Которых он не сможет захватить,
Которые напрасно будут гнить:
Так русское общественное древо,
Кто только мог, направо и налево
Раскачивал, спеша набить карман,

Не думая о том, что будет далее...
Мы все тогда жирели, наживали,
Все... кроме, разумеется, крестьян...
Да в стороне стоял один, печален,
Тогдашний чистоплотный либерал;
Он рук в грязи житейской не марал,
Он для того был слишком идеалец,
Но он за то не делал ничего...

П А Л Ь Ц О В

О ком ты говоришь?

М И Ш А

В литературе

Описан он достаточно: его
Прозвали «лишним». Честный по натуре,
Он был аристократ, гуляка и лентяй;
Избыточно снабженный всем житейским,
Следил он за движеньем европейским...

П А Л Ь Ц О В

Да это — я!

М И Ш А

Как хочешь, понимай!
Тип был один, оттенков было много.
Судили их тогда довольно строго,
Но я недавно начал понимать,
Что мы добром должны их помнить...

Диалектик обаятельный,
Честен мыслью, сердцем чист!
Помню я твой взор мечтательный,
Либерал-идеалист!
Созерцающий, читающий,
С неотступною хандрой
По Европе разъезжающий,
Здесь и там — всему чужой.
Для действительности скованный,

Верхоглядом жил ты, зря,
Ты бродил разочарованный,
Красоту боготворя;
Всё с погибшими созданными
Да с брошюрами возясь,
Наполняя ум свой знапьями,
Обходил ты жизни грязь;
Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не геня
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья!
Хоть реального усилия
Ты не сделал никогда,
Чувству горького бессилия
Подчинившись навсегда —
Всё же, что тебя и ныне я,
Я люблю припоминать
На челе твоём уныния
Беспредельного печать:
Ты стоял перед отчизною,
Честен мыслью, сердцем чист,
Воплощенной укоризною,
Либерал-идеалист!

П А Л Ь Ц О В

Куда жь девались люди эти?

М И Ш А

Бог весть! Я не встречаю их.
Их песня спета — что нам в них?
Герои слова, а на деле — дети!

Да! одного я встретил: глуп, речист
И стар, как возвращенный декабрист.
В них вообще теперь немного толку.
Мудрейшие достали втихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость припевая;
За то теперь клеймит их иногда
Предателями племя молодое;
Но я ему сказал бы: не забудь,
Кто выдержал то время роковое,
Есть от чего тому и отдохнуть.
Бог на помощь! бросайся прямо в пламя,
И погибай...

Но, кто твоё держал когда-то знамя,
Тех не пятнай!

Не предали они — они устали
Свой крест нести,
Покинул их дух Гнева и Печали
На полпути...

Еще добром должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу,
У ней была задача: как-нибудь
Намском натолкнуть на честный путь
К развитию способную натуру...
Хорошая задача! Не забыл,
Я думаю, ты истинных светил,
Отметивших то время роковое:
Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил.
Еще найдется славных двое, трое —
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!»
Говаривал ты нам — и на пролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Не даром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя —

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщенья, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя —

То недовольство, что душе живой
Не даст восстать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «пора в могилы!»

Грановского я тоже близко знал —
Я слушал лекции его три года.
Великий ум! счастливая природа!

Но говорил он лучше, чем писал.
Оно и хорошо — писать не время было:
Почти-что ничего тогда не проходило!
    Бывали случаи: весь век
    Считался умным человек,
    А в книге глупым очутился:
    Пропал и ум, и слог, и жар,
Как будто с бедным приключился
    Апоплексический удар!

Когда же в книгах будем мы блистать
Всей русской мыслью, речью, даром,
А не заиками хромыми выступать
С апоплексическим ударом?..

Перед рядами многих поколений
Прошел твой светлый образ; чистых впечатлений
И добрых знаний много сеял ты,
Друг Истины, Добра и Красоты!
Пытлив ты был: искусство и природа,
Наука, жизнь — ты всё познать желал,
И в новом творчестве ты силы почерпал,
И в гении угасшего народа...
И всем делиться с нами ты хотел!
Не диво, что тебя мы горячо любили:
Терпимость и любовь тобой руководили.
Ты настоящее оплакивать умел
И брата узнавал в рабе иноплеменном,
От нас веками отдаленном!
Готовил родине ты честных сыновей,
Провидя луч зари за непроглядной далью.
Как ты любил ее! Как ты скорбел о ней!
Как рано умер ты, терзаемый печалью!
Когда над бедной русскою землей
Заря надежды медленно всходила,
Созрел недуг, посеянный тоской,
Которая всю жизнь тебя крушила...

Да! славной смертью, смертью роковой
Грановский умер... кто не издевался
Над «беспредметною» тоской?
Но глупый смех к чему ни придирался!
«Гражданской скорбью» наши мудрецы
Прозвали настроенные такое...
Над чем смеяться вздумали, глупцы!
Ощипать чувство силится какое!
Поверхностной иронии печать
Мы очень часто налагаем
На то, что должно уважать,
За то — достойное презренья уважаем!
Нам юноша, стремящийся к добру,
Смешон восторженностью страшной,
А зрелый муж, поверженный в хандру,
Смешон тоскою постоянной;
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно-ложный звук
И в праздности невольной изнывая;
Не понимаем мы — и где же нам понять? —
Что белый свет кончается не нами,
Что можно личным горем не страдать
И плакать честными слезами.
Что туча каждая, грозившая белой,
Нависшая над жизнью народной,
След оставляет роковой
В душе живой и благородной!

Да! были личности!.. Не пропадет народ,
Обретший их во времена крутые!
Мудренными путями бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!
Пспробуй, усомнись в твоих богатырях
Доисторического века,
Когда и в наши дни выносят на плечах
Всё поколенье два-три человека!

Как ты меня, однакожь, взволновал
Не шуточное вышло излишье,
Я лучший перл со дна души достал,
Чистейшее мое воспоминашь!
Мне стало грустно... Надо попадать,
По мере сил, опять на тои шутовой...

.....

(В лесу раздается сигнальный выстрел и вслед за тем крики, трещетки, хлопушки. Охотники постепенно расходятся на свои номера и становятся на стороже, со взведенными штуцерами).

Март.

Париж и Флоренция

134

ПЕСНЯ

(из «МЕДВЕЖЬЕЙ ОХОТЫ»)

Отпусти меня, родная,
Отпусти не споря!
Я не травка полевая,
Я выросла у моря.

Не рыбацкой парус малой,
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся.

Здесь, как в клетке, заперта я,
Соп кругом глубокой,
Отпусти меня, родная,
На простор широкой,

Где сама ты грудью белой
Волны расскала,
Где тебя я гордой, смелой,
Счастливой видала.

Ты не о песнею победной
К берегу пристала,
Но хоть час из жизни бедной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломясь от горя,
Не жалея ты дочку!
Если вырастет у моря —
Не спасись дветочку,

Все равно! сегодня счастье,
Завтра буря грянет,
Разыграется ненастье,
Ветер с моря встанет,

В день один песку нагонит
На прибрежный цветик
И на веки похоронит!..
Отпусти, мой светик!..

135

ПЕСНЯ О ТРУДЕ

(из «МЕДВЕЖЬЕЙ ОХОТЫ»)

Кто хочет сделаться глупцом,
Тому мы предлагаем:
Пускай пренебрежет трудом
И жить начнет лентяем.

Хоть Геркулесом будь рожден
И умственным атлетом,
Все жь будет слаб, как тряпка, он
И жалкий трус при этом.

Нет в жизни праздника тому,
Кто не трудится в будень.
Пока есть лишний мед в дому,
Терним пчелами трутень;

Когда жь общественной нужды
Придет крутое время,
Лентяй, негодный никуда!
Ты всем двойное бремя.

Когда придут зараза, мор,
Ты первый кайся богу,
Запрещь ворота на запор,
Но смерть найдет дорогу!..

Кому бросаются в глаза
В труде одни мозоли,
Тот глуп, не смыслит ни аза!
Страдает праздность боле.

Когда придет упадок сил,
Хандра подступит злая —
Верь, ни единый пес не выл
Тоскливее лентяя!

Итак — о славе не мечтай,
Не будь на деньги падох,
Трудись по силам и желай,
Чтоб труд был вечно сладок.

Чтоб испустить последний вздох
Не в праздности, — в работе,
Как старый пес мой, что издох
Над гаршнепом в болоте!..

136

ЧЕЛОВЕК СОРОКОВЫХ ГОДОВ

(из «записной книжки»)

... Пришел я к крайнему пределу...
Я добр, я честен; я служить
Не соглашусь дурному делу,

За добрым рад не есть, не пить,
Но ипогда пройти сторонкой
В вопросе грозном и живом,
Но понижать мой голос звонкой
Перед влиятельным лицом —
Увы! вошло в мою патуру!..
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цензуру
Незабываемых годов:
На всех, рожденных в двадцать-пятом
Году, и около того
Отяготел жестокий фатум:
Не выйти нам из-под него.
Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нужды не солгу...
Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...

137

СТИХОТВОРЕНИЯ,

посвященные русским детям

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седельный сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемпогу,
Рады ему, да и оп-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится — на! —

Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то-и-знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, смейся!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — лобы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— «Стой, старина!» Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все намсняли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь заглядешь, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренёк!
Жалко девчонку сиротку Феклушу:
Все-то жуют, а ты слюшки глотай...

«По грушу! по грушу!
Купи, смейся!»

«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешёво!»

Эй! молодницы!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорек торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
    «Цвет ты наш маков,
    Дядюшка Яков,
    Не дорожись!»
— Меньше пельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь — прощай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...

Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток — полтина,
Глянь — и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с пим будешь,
Денег добудешь...

По буквари!
По буквари!
Хватай — бери!
Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили —
«Будет вам пряников; нате-ка вам!»
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось ужь так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

На-т-ко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Ныпче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что паше селение
По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну — и летит, — ничего на легке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. — Беда!
Пчелами вся заестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы во век!
Да панесло человека хорошего,
Под благовещенье помнишь прохожего?
Он падоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вежи поставили»,
Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую вежу зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки споровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели-сидят. —

На бугре-то ни травочки,
Ну, а в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Купай на здравис, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осепился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал

И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

[15 марта]

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатной.
По дороге столбовой
Едет парень молодой
Ямщикок обратной;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем.
«Посади нас, парнек,
Веселей досдем!»
— Что ты? с мишпой? «Ничего!
Он у нас смиренпой,
Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенной!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!»
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен,
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цешями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!

Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Ивапыч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! — попелась
Тройка, как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено несась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!»
Вздригнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Просзжающий сидит,
Головой мотая;
Ладит вывернуть кольцо.

Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил в попыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал» смекает.
Поспешил фуражку спять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркой старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Иисусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут не гоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в саних ревет,

Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзали.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите-ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в сапях лежал
Генерал сердитой.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатой;
Вразумил народ честной
Трифон бородатой
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

[17 марта]

138

СУД

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ

I

«Однажды, зимним вечерком»
Я перепуган был звонком,
Внезапным, властным... Вот опять!
Зачем и кто — как угадать?
Как сладить с бедной головой,
Когда врывается толпой
В нее тревожных мыслей рой?

*Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!**

За много лет всю жизнь мою
Припомнил я в единый миг,
Припомнил каждую статью
И содержание двух-трех книг,
Мной сочиненных. Вспоминал
Я также то, где я бывал,
О чем и с кем вступал я в спор;
А звон неумолим и скор
Межь тем на миг не умолкал,
Пока я брюки надевал...

О, невидимая рука!
Не обрывай же мне звошка!
Тотчас я силы соберу,
Зажгу свечу — и отопру.

Гляжу — чуть теплится камин.
Невишный «Модный Магазин»
(Издательницы Софьи Мей)
И письма — память лучших дней —
Жены теперешней моей,
Когда наивна и мила
Она невестою была,
И пачатой недавно труд,
И мемуары — весом с пуд —
И приглашенья двух вельмож,
В дома которых был я вхож:
До прейскурапта крымских виш
Всё быстро бросил я в камин!
И если б истребленья дух
Насытить время я имел,
Камин бы долго не потух.
Но колокольчик мой звенел
Что миг — пастойчивей и злей.

* Козлов.

Иылай, камни! Горн скорей
Записок толстая тетрадь!
Пора мне гостя принимать...

Ну, догорела! Выхожу
В гостиную — и нахожу
Жену... О, верная жена!
Ни слез, ни жалоб, лишь бледна.
Блажен, кому дана судьбой
Жена с геройскою душой,
Но тот блаженней, у кого
Нет близких ровно никого...
«Не бойся ничего! поверь,
Все пустяки!» шепчу жене,
Но голос изменяет мне.
Иду — и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц^{*}
Со взором кротким без границ,
Полуопущенным к земле,
С печатью тайны на челе,^{**}
Тогда предстал предо мной
Администратор молодой.
Не только этот грустный взор,
Формально всё — до звука шпор
Так деликатно было в нем,
Что с этим тактом и умом
Он даже больше был бы мил,
Когда бы меньше был уныл.
Кивнув угрюмо головой,
Я указал ему на стул,
Не сел он; стоя предо мной,
Он лист бумаги развернул
И подал мне. Я прочитал
И ожил — духом просиял!

Вечерний звон! вечерний звон!
Как много дум наводит он!

* Лермонтов.

** Веневитинов.

Порой таких ужасных дум,
Что и действительность сама
Не помрачает так ума,
Напротив, возвращает ум!

«Судить назначено меня
При публике, при свете дня!»
Я крикнул весело жене:
«Прочти, мой друг! Поди ко мне!»
Жена поспешно подошла
И извещение прочла:
«Понеже в вашей книге есть
Такие дерзкие места,
Что оскорбилась чья-то честь
И помрачилась красота,
То вас за дерзость этих мест
Начальство отдало под суд,
А книгу взяло под арест».
И дальше чин и подпись тут.
Я сущность передал — но слог...
Я слога передать не мог!
Когда б я слог такой имел,
Когда б владел таким пером,
Я не дрожал бы, не бледнел
Перед нечаянным звонком...

Заметив радость, а не злость
В лице моем, почтенный гость
Любезно на меня взглянул.
Вновь указав ему на стул,
Я папиросу предложил,
Он сел и скромно закурил.
Тогда беседа началась
О том, как многое у нас
Несовершенно; как далек
Тот возжеланный идеал,
Какого всякий бы желал
Родному краю: нет дорог,
В торговле плутни и застои,

С финансами хоть волком вой,
Мужик не чувствует добра,
Et caetera, et caetera...
Ужь час в беседе пролетел,
А не коснулись между тем
Мы очень многих важных тем,
Но тут огарок догорел
Дымясь, — и вдруг рассталась мы
Среди зловония и тьмы.

II

Ну, суд, так суд! В судебный зал
Сберется грозный трибунал,
Придут враги, придут друзья,
Предстану — обвиненный — я,
И этот труд, горячий труд
Анатомировать начнут!

Когда я отроком блуждал
По тихим волжским берегам,
«Суд в Подземельи» я читал,
Жуковского поэму, — там,
Что стих, то ужас: темный свод,
Грозя обрушиться, гнетет;
Визжа, заржавленная дверь
Поет: «Не вырвешься теперь!»
И ряд угрюмых клобуков
При бледном свете почников,
Кивая, вторит ей в ответ:
«Преступнику спасенья нет!»
Потом, я помню, целый год
Во сне я видел этот свод,
Монахов, стражей, палачей:
И живо так в душе моей
То впечатленье детских дней,
Что я и в зрелые года
Боюсь подземного суда.
Вот почему я ликовал,
Когда известье прочитал,

Что гласно буду я судим,
Хоть утверждают — гласность дым.
Опо, конечно: гласный суд
Все жь суд. Притом же, говорят,
Там тоже спуску не дают:
Посмотрим, в чем я виноват.
(Сажусь читать, надев халат).

Каких задач, каких трудов
Для человеческих голов
Враждебный рок не задавал?
Но — литератор прежних дней!
Ты никогда своих статей
С подобным чувством не читал,
Как я в ту роковую ночь.
Скажу вам прямо — скрытность прочь —
Я с точки зрения судьи
Всю ночь читал мои статьи.
И нечто страшное со мной
Происходило... Боже мой!
То, оправданья подобрав,
Я говорил себе: я прав!
То сам себя воображал
Таким злодеем, что дрожал
И в зеркало гляделся я...
Защитьте скверное, друзья!

Примите добрый мой совет,
Писатели грядущих лет!
Когда постигнет вас беда,
Да будет чужд ваш бедный ум
Судебно-полицейских дум —
Оставьте дело до суда!
Нет пользы голову трудить
Над тем, что будут говорить
Те, коих дело обвинять,
Как наше — книги сочинять.
А если первые не уснут
На милом слове: гласный суд,

Подлей побольше рому в чай
И безмятежно засыпай!..

III

Заснул и я, но тяжек сон
Того, кто горем удручен.
Во сне я видел, что герой
Моей поэмы роковой
С полубритой головой.
В одежде арестантских рот
Вдоль по Владимирке идет.
А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым, на бегу
Ныряя по груди в снегу,
Бежит и плачет, и поет...

Дитя фантазии моей,
Не плачь! До снеговых степей,
Я знаю, дело не дойдет.
В твоей судьбе середины нет:
Или увидишь божий свет,
Или — преступной признана —
С позором будешь сожжена!
Итак, молись, моя краса,
Чтобы по милости твоей
Не стали наши небеса
Еще туманней и темней!

Потом другой я видел сон
И был безмерно горек он:
Вхожу я в суд — и на скамьях
Друзей, родных встречает взор,
Но не участие в их чертах —
Негодование и укор!
Они мне взглядом говорят:
«С тобой мы незнакомы, брат!»
— Что с вами, милые мои?
Тогда невольно я спросил;

Но только я заговорил,
Толпа покинула скамьи,
И вдруг остался я один,
Как голый пень среди долин. *
Тогда отчаяньем объят,
Я разревелся пред судом
И повинился даже в том,
В чем вовсе не был виноват!..

Проснувшись, долго помышляя
Я о моем жестоком сне,
Мужаться слово я давал,
Но страшно становилось мне:
Ну, как и точно разревусь,
От убеждений отрекусь?
Почем я знаю: хватит сил
Или не хватит — устоять?..
И начал я припоминать
Как развивался я, как жил:
Родился я в большом доме,
Напоминающем тюрьму,
В котором грозный властелин
Свободно действовал один,
Держа под страхом всю семью
И челядь жалкую свою;
Рассказы няни о чертях
Вносили в душу тот же страх;
Потом я в корпус поступил
И там под тем же страхом жил.
Случайно начал я писать,
Тут некий образ посещать
Меня в часы работы стал:
С пером, со стклянкою чернил
Он над душой моей стоял,
Воображенье леденил,
У мысли крылья обрывал.
Но не довольно был он строг

* Лермонтов.

И я терпел еще за то,
Что он подчас мой труд берет,
Или вычеркивал не то.
И так писал я двадцать лет
И вынес я — такой поэт,
Каким я выдти мог... Да, да!
Грозит последняя беда...
Понили вам бог побольше сил!
Меня же так он сотворил,
Что мимо будки городской
Иду с стесненной душой,
И, право, я не поручусь,
Что пред судом не разревусь...

IV

Не так счастливцев молодой
Идет в таинственный покой,
Где нетерпения полна
Младая ждет его жена,
С каким я трепетом вступал
В тот роковой, священный зал,
Где жизнь и смерть, и честь людей
В распоряжении судей.
Герой — а я теперь герой —
Быть должен весь перед тобой,
О публика! во всей красе...
И так, любуйся: я плешив,
Я бледен, нервен, я чуть жив,
И таковы почти мы все.
Но ты не думай, что тебя
Хочу разжалобить: любя
Свой труд — я вовсе не ропщу,
Я сожалений не ищу;
«Коварный рок», «жестокый рок»
Не больше был ко мне жесток,
Как и к любому бедняку.
То правда: рос я не в шелку,
Под бурей долго я стоял,
Меня тиранила пужда,

Гпела любовь, гпела вражда;
Мне граф Орлов мораль читал
И цензор слог мой исправлял,
Но не от этих общих бед
Я слаб и хрупок, как скелет.
Ты знаешь, я — «любимец муз»,
А невозможно рассказать,
Во что сбходится союз
С иною музой; благодать
Тому, чья муза не бойка:
Горит он редко и слегка.
Но горе, ежели сна
Славолюбива и страстна.
С железной грудью надо быть,
Чтоб этим ласкам отвечать,
Объятъя эти выносить,
Кипеть, гореть — и погасать
И вновь гореть — и снова стыть.
Довольно! разве досказать,
Удобный случай благо есть,
Что я, когда начну писать —
Перестаю и спать, и есть...

Не то, чтоб ощутил я страх,
Когда уселись на местах
И судьи и народ честной,
Интересующийся мной,
И приготовился читать
Тот, чье призванье — обвинять;
Но живо вспомнил я тогда
Счастливой юности года,
Когда придешь, бывало, в класс
И знаешь: сечь начнут сейчас!

Толпа затихла, начался
Доклад — и длился два часа...

Я в деле собственном моем,
Конечно, не судья; но в том,

Что обвинитель мой читал,
Своей статьи я не узнал.
Так пахарь был бы удивлен,
Когда бы рожь посеял он,
А уродилось бы зерно
Ни рожь, ни греча, ни пшено,
Ячмень колючий — и притом
На половину с дурманом!
О, прокурор! ты не статью,
Ты душу вывернул мою!
Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внимал,
А ты так ясно доказал,
Что я законы нарушал!

Но где жь не грозен прокурор?..
Смягченный властью судей,
Не так был грозен приговор:
Без поэтических затей,
Не на утесе вековом,
Где море пенится кругом
И бьется жадною волной
О стены башни крепостной, —
На гауптвахте городской,
Под вечным смрадом тютюна,
Я месяц высидел сполна...
Там было сыро; по углам
Белела плесень; по стенам
Клопы гуляли; в щели рам
Дул ветер, порошил снежок.
Сиди-посиживай, дружок!
Я спать здоров, но сон был плох,
По милости проклятых блох.
Другая, горшая беда:
В мой скромный угол иногда
Являлся гость: дебош ночной
Свершив, гвардейский офицер
Любезной, статной, молодой

И либеральный выше мер
День-два беседовал со мной.
Уйдет один, другой придет
И те же басенки плетет...

Блоха — бессонница — тютюн —
Усатый офицер болтун —
Тютюн — бессонница — блоха, —
Все это мелочь, чепуха!
Но веришь ли, читатель мой!
Так иногда с блохами бой
Был тошен; смрадом тютюна
Так жизнь была отравлена,
Так больно клоп меня кусал
И так жестоко донимал
Что́ день, то новый либерал,
Что я закаялся писать...
Бог весть, увидимся ль опять!

ЭПИЛОГ

Зимой поэт молчал упорно,
Зимой писать охоты нет,
Но вот дохнула благотворно
Весна — не выдержал поэт!
Вновь пишет он, призыванью верен.
Пиши, но будь благонамерен!
И не рискуй опять попасть
На гауптвахту или в часть!

139

ЭЙ, ИВАН!

ТИП ПЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Вот он весь, как памалеван,
Верный твой Иван:
Не умыт, угрюм, оплеван,
Вечно полупьян;

На желудке мало пищи,
Чуть живой на взгляд.
Не прикрыты, голенищи
Рыжие торчат;
Вечно теплая шапчонка
Вся в пуху на нем,
Туго стянут сертучонко
Узким ремешком;
Из кармана кончик трубки
Виден, да кисет.
Разве повесьские зубки
Выйдут — старых нет...

Род его тысячелетний
Не имел угла —
На запятках и в передней
Жизнь вскаки шла.
Ремесла Иван не знает,
Делай, что дают:
Шьет, кует, варит, строгают,
Не потрафил — бьют!
«Заживет!» Грубит, ворует,
Божится и врет,
И за рюмочку далует
Ручки у господ.
Выпить может сто стаканов —
Только подноси...
Мало ли таких Иванов
На святой Руси?..

«Эй, Иван! иди-ка стряпать!
Эй, Иван! чеши собак!»
Удалось Ивану сцапать
Где-то четвертак,
Поминай теперь, как звали!
Шапку на бекрень
И пропал! Напрасно ждали
Вашку целый день:

Гитарист и соблазнитель
Деревенских дур,
(Он же тайный похититель
Индюков и кур),
У корчемника Игнатки
Приютился плут,
Две пригожие солдатки
Так к нему и льнут.
«Эй вы, павы, павы, павы!
Шевелись живей!»
В Ваньке пляшут все суставы
С ног и до ушей.
Пляшут поздри, пляшет в ухе
Белая ссрыга.
Вапшка весел, Вапшка в духе —
Жизнь педорога!

Утром с баринном расправа:
«Где ты пропал?»
— Я... нигде-с... ей-богу... право..
У ворот стоял! —
«Весь-то день?» ... Ответы грубы,
Ложь глупа, пагла;
Были зубы — били в зубы,
Нет — трещит скула.
— Виноват! порядком струся,
Говорит Иван.
«Жарь к обеду с кашей гуся,
Щи вари, болвац!»

Вапшка снова лямку тяплет,
А потом опять
Что-нибудь у двора стянест...
«Неужли плошать?
«Если плохо положили,
«Стало, не запрет!»
Господа давно решили,
Что души в нем нет.

Неизвестно — есть ли, нет ли,
Но с ним случай был:
Чуть живого сняли с петли,
Перед тем грустил.
Господам конфузно было:
— Что с тобой, Иван? —
«Так, под сердце подступило»,
И глядят: не пьян!
Говорит: «Вы потеряли
Верного слугу,
Всё равно — помру с печали,
Жить я не могу!
А всего бы лучше с глотки
Петли не снимать...»
Сам помещик выслап водки
Скуку разогнать.
Пил детина с рофеич,
Плакал да кричал:
«Хоть бы раз Иван Мосенч
Кто меня назвал! . . .»

Как мертвецки накатили,
В город тем же днем:
«Лишь бы лоб ему забрили —
Вешайся потом!»

Понадеялись на дружбу,
Да не та пора:
Сдать беззубого на службу
Не пришлось. «Ура!»
Ванька снова водворился
У своих господ,
И совсем от рук отбился,
Без просыпу пьст.
Хоть бы в каторгу уroda —
Лишь бы с рук долой!
К счастью, тут пришла свобода:
«С богом, милый мой!»

И, затерянный в пароде,
Вдруг исчез Иван...
Как живешь ты на свободе?
Где ты?.. Эй, Иван!

140

С РАБОТЫ

— Здравствуй, хозяйшюк! Здравствуйте, детки!
Выпить бы. Эки стоят холода!
«Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с десятником?»
— Ну, не беда!

И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобрался сена.

— Эк я умаялся!.. что, обрядила?
Дай-ка горяченьких щед.
«Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровед!»

— Ну, и без щей поснедаю я, грешный.
Ты овседа бы савраске дала, —
В лето один он управил сердечный
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
Портится путь... Ин и хлебушка нет?..
«Вышел, родной... У соседей просила,
Завтра сулили чем свет!»

— Ну, и без хлеба улягусь я, грешный,
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный.
Триста четыре бревна...

Зачем меня на части рвете,
 Клеймите именем раба?..
 Я от костей твоих и плоти,
 Остервенелая толпа!
 Где логика? Отцы — злодеи,
 Пизкопоклонники, лакеи,
 А в детях видя подмазков,
 И негодуют и дивятся,
 Как будто от таких отцов
 Герои где-нибудь родятся?
 Блажен, кто в юности слепой
 Погорячится и с размаху
 Положит голову на плаху...
 Но кто, пощаженный судьбой,
 Узнает жизнь, тому дороги
 И к честной смерти не найти.
 Стоять он будет на пути
 В недоумении, тревоге
 И думать: глупо умирать,
 Чтоб им яснее доказать,
 Что прочен только путь неправой;
 Глупей трагедией кровавой
 Без всякой пользы тешить их!
 Когда являлся сумасшедший,
 Навстречу смерти гордо шедший,
 Что было в помыслах твоих,
 О родина! одну падею
 Твоя вмещала голова:
 «Посмотрим, как он сломит шею!»
 Но жизнь не так же дешева!
 Не оправданий я ищу,
 Я только суд твой отвергаю.
 Я жить в позоре не хочу,
 Но умереть за что — не знаю.

24 июля. Карабиха.

ЕЩЕ ТРОЙКА

1

Ямщик лпхой, лпхая тройка
 И колокольчик под дугой,
 И дождь, и грязь, по конш бойко
 Телсгу мчат. В телеге той
 Спят с осанкою победной
 Жандарм с усищами в аршши,
 И рядом с ним какой-то бледный
 Лет в девятнадцать господни.
 Все кони взмылены с патуги,
 Весь ад осенней русской выюги
 На встречу; не видать небес,
 Нигде жилья не попадет,
 Всё лес кругом, угрюмый лес...
 Куда же тройка поспешает?
 Куда Макар телят гошяет.

2

Какое ты свершил деянье,
 Кто ты, преступник молодой?
 Быть может, ты имел свиданье
 В глухую ночь с чужой женой?
 Но подстерег супруг ревнивый
 И длань занес — и оскорбил,
 А ты, безумец горделивый,
 Его на месте положил?
 Ответа нет. Бушует выюга,
 Завидев кабачок, как друга,
 Жандарм командует: стоять!
 Девятый шкалик выпивает...
 Чу! тройка тронулась опять!
 Гремит, звенит — и улсает
 Куда Макар телят гошяет.

3

Иль погубил тебя презренный,
 Но соблазнительный металл?
 Дитя корысти современной
 Добра чужого ты взалкал,
 И в доме издавна знакомом,
 Когда все погрузились в сон,
 Ты совершил грабеж со взломом
 И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
 Обняв преступника, как друга,
 Жандарм напившийся храпит;
 Ямщик то свищет, то зевает,
 Поет... А тройка всё гремит,
 Гремит, звенит — и улетает
 Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
 Ты не был, друг? и просто мы
 Теперь столкнулись с нигилистом,
 Сим кровожадным чадом тьмы?
 Какое жь адское коварство
 Ты помышлял осуществить?
 Разрушить думал государство,
 Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга,
 Вся тройка в сторону с испуга
 Шарахнулась. Озясь, кнутом
 Ямщик по всем по трем стегает;
 Телега скрылась за холмом,
 Мелькнула вновь — и улетает
 Куда Макар телят гоняет!..

1868

143

МАТЬ

Она была исполнена печали,
И между тем, как шумны и резвы
Три отрока вокруг нее играли,
Ее уста задумчиво шептали:
«Несчастные! зачем родились вы?
Пойдете вы дорогою прямою
И вам судьбы своей не избежать!»
Не омрачай веселья их тоскою,
Не плачь над ними, мученица-мать!
Но говори им с молодости ранней:
Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее — тернового венка...

144

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,

Стаповись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколько пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодною крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава — враги.

Русский гений издавна вепчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает...»

[Июль]

145

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!
Грянь над пучиною моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенного горя
Всю расплещи!..

ДОМА — ЛУЧШЕ!

В Европе удобно, по родине ласки
 Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
 В телегу спешу пересесть из коляски
 И марш на охоту! Денек не дурной,

Под солнцем осенним родная картина
 Отвыкшему глазу нова...
 О, матушка Русь! ты приветствуешь сына
 Так нежно, что кругом идет голова!

Твои мужики на меня выгоняли
 Зверей из лесов целый день,
 А ночью возвратный мой путь освещали
 Пожары твоих деревень.

Наконец, не горит уже лес,
 Снег прикрыл почернелые пеня,
 Но помещик душой не воскрес,
 Потеряв половину имения.

Приуныл и мужик. — Чем я буду топить?
 Говорит он, лицо свое хмуря.
 «Ты не будешь топить — будешь пить»
 Завывает в ответ ему буря...

1870

148

ДЕДУШКА

(посвящается З-н-и-е)

I

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это?» спрашивал Саша,
«Кто?»... — Это дедушка твой. —
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
«То-то... ты скажешь, смотри!..»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?»
 Матери сын говорит.
 «Знаю», — и за руку Саша
 Маму к портрету тащит,
 Мама идет против воли.
 «Ты мне скажи про него,
 Мама! не добрый он, что ли,
 Что я не вижу его?
 Ну, дорогая! ну, сделай
 Милость, скажи что-нибудь!»
 — Нет, он и добрый и смелый,
 Только несчастный. — На грудь
 Голову скрыла мамаша,
 Тяжко вздыхает, дрожит —
 И зарыдала... А Саша
 Зорко на деда глядит:
 «Что же ты, мама, рыдасшь,
 Слова не хочешь сказать!»
 — Выростешь, Саша, узнаешь.
 Лучше пойдем-ка гулять...

III

В доме тревога большая.
 Счастливы, светлы лицом,
 Запово дом убирая,
 Шепчутся мама с отцом.
 Как весела их беседа!
 Сын подмечает, молчит.
 — Скоро увидишь ты дела!
 Саше отец говорит...
 Дедушкой только и бредит
 Саша, — не может уснуть:
 «Что же он долго не едет?..»
 — Друг мой! Далеко ему путь!
 Саша тоскливо вздыхает,
 Думает: «Что за ответ!»
 Вот, наконец, приезжает
 Этот таинственный дед.

IV

Все, ужь давно поджидал,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
«Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!»...
Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
— Экой красавчик какой!
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал, — вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке вшук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— Выростешь, Саша, узнаешь.
Ну, подалуй старика!..

V

Повеселел, оживился,
Радостью дышет весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.

Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди пив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски-просто,
Ровно всегда говорит...

VI

Выйдут на берег покатою
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватой,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бичевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладою дует
С медленных, дремлющих вод...
Дедушка землю цалует,
Плачет — и тихо пост...
«Дедушка! что ты роилень
Крупные слезы, как град?..»
— Выростешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

VII

— Рад я, что вижу картину
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских

Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: «подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!»
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь-ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих, —
Будет и в песне отрада,
Вместо унынья и мук.
Надо-ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни-же, внук!..

VIII

Озими пышному восходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX

— Скоро дадут им свободу,
Внуку старик замечал:
— Только и нужно народу.

Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол,
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — ужь деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Ужь запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:
Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричат, порослята
Тычут в корыто носы...

Х

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё приилось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на пей душегрейка —
Из соболей воротник!

XI

Дети до возраста в пеге,
Конь хоть сейчас на завод,
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну, ужь за то и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
Только ты им не мешай.
«Где-жь та деревня?» — Далеко,
Имя ей: *Тарбагитай*,
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

XII

— Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмой,
С темным, убитым лицом:
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; сдв
Тянет косулю ключонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
— «Эй! отдохни-ко, сердечный!
Я за тебя потружусь!»
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;

Сапа за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— Выростешь, Сапа, узнаешь,
Как я работником стал!

XIII

— Зрелище бедствий народных
Невышосимо, мой друг;
Счастье умов благородных
Видеть довольство вокруг.
Ныпче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...
Ну, а как в наши-то дни!
.....
Словно, как омут, усальбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
«Кто им позволил жениться?
«Стой!» и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?..

XIV

— Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,

Сок из народа давила
Подлых подъячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и парод!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Труссы тащили тайком.
Непроницаемой почт
Мрак над страной висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стопы рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

XV

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грядет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушие и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего, —
Красноречивым воззваьем
Не разогрешь рабов,
Не озаришь понимаьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенной
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!

Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло крехтя...

XVI

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцаловавши, как брата,
Ласково с ним говорил:
«Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну, а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
«Есть в маршировке старанье,
Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...»
Слышишь ли?.. дышут зачем!

XVII

А не доволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее придет
Остервенившийся волк:
«Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!»
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...

Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Выростешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи!..

XVIII

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть.
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иглой
Что-нибудь бойко тачал,
Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была!..

XIX

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданьи
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влияньи
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской

Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— Выростешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...
«Ну! приучусь я к терпению!»
Саша уныло сказал...

XX

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом
Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил. —
«Где жь пропадал ты так долго?»
Саша несмело спросил.
— Был я далеко, далеко...
«Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что жь, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:
— Лучше не спрашивай, милой!
(Голос у деда дрожит):
— Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,

Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...
«Что жь ты там, дедушка, жил?..»
— Выростешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронил...

XXI

«Господи! слушать наскучит.
Выростешь! мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
Выростешь — тоже твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..»
(Стал на скамеечку чолна)
«Лучше теперь говори!..»
Дада цалует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Все непременно узнать!»
Дедушка, внука цалуя,
Шепчет: — тебе не понять.
Надо учиться, мой милой!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже. —
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится. —
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!»
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —

Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых непавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро ужь, скоро узнает
Саша печальную быль...

[30 июля — 8 августа]

149

СТРАШНЫЙ ГОД

Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы в конец измучили меня!

О, любовь! — где все твои усилия?
Разум! — где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков!

Этот год готовит и для впуков
Семена раздора и войны.
В мире нет святых и кротких звуков,
Нет любви, свободы, тишины!

Где вражда, где трусость роковая,
Мстят — купаются в крови,
Стон стоит над миром не смолкая;
Только ты, поэзия святая,

Ты молчишь, дочь счастья и любви!
Голос твой, увы, бессилен ныне!
Сгибнет он, ненужный никому,
Как цветок, потерянный в пустыне,
Как звезда, упавшая во тьму.

Прочь, о, прочь! — сомненья роковые,
Как прийти могли вы на уста?
Верю, есть еще сердца живые,
Для кого поэзия свята.

Но гремел, когда они родились,
Тот же гром, ручьями кровь лила;
Эти души кроткие смутились,
И, как птицы в бурю, притаплись
В ожиданьи света и тепла.

150

СТИХОТВОРЕНИЯ,

посвященные русским детям

I

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

1

В августе, около «Малых Вежей»,
С старым Мазасем я был дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазай.
Каждое лето домой приезжал,

Я по неделе гошу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов оп, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему шипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов набираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухаст; сыч разлетается к почп,
Рожки точены, рисованы очп.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень ужь тихо в лесу по почам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и пà-крепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрепит,
Словно старула во сне проворчит... »

Для не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделить.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпаит дедушка, — зацц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой ксробок,

Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к заправке приложит — и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимой, л зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголочками руки погрею,
Да ужь потом и палю по злодею!

Вот так охотник! — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; ужь под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!

Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косал,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то!» сказал я: «не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на сне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рапо ужь было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя и стоя, и лежа пластом,
Зайцов с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! лобуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Попли зайчишки.
А я им: «у-ух!»
Живей, зверишки!
Смотри, косой,

Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклат — и домой приволок,
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стрелка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весной, ни летом,
Шкура плохая, — лижет косой»...

II СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

«Сейчас бурёнку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рожицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

«Там их, что в кузове груздей
— Да не мешай же мне, праздникник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

«По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девуцы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

«А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

«И хорошо и любо всем...
Да только — (Клим, не трогай Сашу!) —
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

«Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугались сетей,
Да мимо нас и прокатили!

«Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща, как немая,
Стоит — гостей заметных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

«Уж вот и праздник наступил
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

«И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков во век не ставить.

«И по пемпогу соловьи
Опять привыкли к роще нашей
И пьньче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

«Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-на-строго запрет
От деда к внуку переходит.

«За то веспой весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибует...
Под песни их деревья спит,
Их песня нас по утру будит...»

«Запомнить надобно и вам,
Избави бог, тут ставить сети!
Ведь надо жь бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Средний сын kota дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед псею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рожицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

«А еслиб были для людей
Такие рожи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестышки...»

1871

151

НЕДАВНЕЕ ВРЕМЯ

А. Н. Ер[ако]ву

I

Ныпче скромн наш клуб именитый,
Редки в нем и не громки пиры.
Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры?
Воротили бы, еслиб могли мы,
Но, увы! не воротишься ты!
Прежде были легко уловимы
Характерные клуба черты:
В молодом поколении — фатство,
В стариках, если смею сказать,
Застарелой тоски тупеядства,
Самодурства и лени печать.
А теперь элемент старо-барской
Вытесняется быстро: в швейцарской
Ужь лакеи не спят по стенам;
Изменились и люди, и нравы,
Только старые наши уставы
Неизменны, на зло временам.

Да Крылов роковым переменам
Не подвергся (во время онò
Старый дедушка был у нас членом,
Бюст его завели мы давно).. .

Прежде всякая новость отсюда
Разносились в другие кружки,
Мы не знали, что думать, покуда
Не заявят тузы-старики,
Как смотреть на такое-то дело,
На такую-то меру; ключом
Самобытная жизнь здесь кипела,
Клуб снабжал всю Россию умом.. .

Не у нас ли впервые раздался
Слух (то было в тридцатых годах),
Что в Совете вопрос обсуждался:
Есть ли польза в железных путях?
— Что-жь, признали? до новостей лаком,
Я спросил у туза-старика:
«Остается покрытая лаком
Резолюция в тайне пока...»

Крепко в душу запавшее слово
Также здесь услышал я впервой:
«Привезли из Москвы Полевова...»
Возвращаясь в тот вечер домой,
Думал я невеселые думы
И за труд неохотно я сел.
Тучи на небе были угрюмы,
Ветер что-то насмешливо пел.
Напевал он тогда, без сомненья:
«Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом»,
Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне се пояснили потом...»

Получив роковую повестку,
Сбрил усы и пошел я туда.

Спяв с седой головы своей феску
И почтительно стоя, тогда
Князь Орлов прочитал мне бумагу...
Я в ответ занкнулся сказать:
— Еслиб даже имел я отвагу
Столько дерзких вещей написать,
То цензура... — «К чему оправданья?
Император помиловал вас,
Но смотрите!! Какого вы званья?»
— Дворянин. — «Пробежал я сейчас
Вашу книгу: свободы крестьянства
Вы хотите? На что же тогда
Пригодится вам ваше дворянство?...
Завираетесь вы, господа!
За опасное дело беретесь,
Бросьте! бросьте!.. Ну, бог вас прости!
Только знайте: еще попадетесь,
Я не в силах вас буду спасти...»

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло,
Поседали иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что всё жь
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь.

А война? До дая не скорее
Доходили известья о ней:
Где урон отзывался сильнее?
Кто победу справлял веселей?
Прискакавшего прямо из боя
Здесь не раз мы видали героя
В дни, как буря кипела в Крыму.

Помню, как мы внимали ему:
Мы к рассказику густо теснились
И героев войны имена
В нашу память глубоко ложились,
Впрочем, нам изменила она!
Замечательно странное свойство
В нас суровый наш климат развил —
Забываем явивших геройство,
Помним тех, кто себя посрамил:
Кто нагрел свои гнусные руки,
У солдат убавляя паяк,
Кто, внимая предсмертные муки,
Прятал русскую корпию впрок
И потом продавал англичанам, —
Всех и мелких, и крупных воров,
Отдыхающих с полным карманом,
Не забудем во веки веков!

Все, кем славилась наша столица,
Здесь бывали: куда ни взгляни —
Именитые, важные лица.
Здесь, я помню, в парадные дни
Страпач был среди знати высокой
Человек без звезды на груди.
Гость-помещик из глуши далской
Только рот разевай да гляди:
Здесь посланники всех государей,
Здесь банкиры с тугим кошельком,
Цвет и соль министерств, канцелярий,
Откупные тузы, — и притом
Симметрия рассчитана строго:
Много здесь и померкнувших звезд,
Говоря прозаичнее: много
Генералов, лишившихся мест...

Зажигались сотнями свечи,
Накрывались пышно столы,
Говорились парадные речи...
Говорили министры, послы,
Наши Фоксы и Роберты Пили

Здесь за благо отечества пили,
Здесь бывали интимны они...

Есть и пылче парадные дни,
Но пропала их важность и сила.
Время нашего клуба прошло,
Жизнь течение свое изменила,
Как река изменяет русло...

II

Очень жаль, что тогдашних обедов
Не могу я достойно воспеть,
Тут бы пужен второй Грибоедов...
Впрочем, Муза! не будем робеть!
Начинаю.

— Москва. День субботний.
(Петербург не лишен слогов,
Но в Москве грандиозней, животней
Этот тип). Среди полных столов
Вот рядом старики объедалы:
В пятером им четыреста лет,
Вид их важен, чины их не малы,
Толщиною же равных им нет.
Раздражаясь из каждой безделки,
Порицают неловкость слуги,
И от жадности, вместо тарелки,
На салфетку валят пироги;
Шевелясь как осенние мухи,
Льют, рошлют, — беспамятны, глухи;
Взор их медлен, бесцветен и туп.
Скушав суп, старина засыпает
И, проснувшись, слугу вопрошает:
«Человек! подавал ты мне суп?..»
Впрочем, честь их чужда укоризны:
Добывали места для родни
И в сенате на пользу отчизны
Подавали свой голос они.
Жаль, ужь их потеряла Россия
И оплакал москвич от души:

Подкосила их «ликантропия»,
Их заели подкожные вши...

— ПЕТЕРБУРГ. Вот питух престарелый,
Я так живо припомнил его!
Окружен батареею целой
Разных вип, он не пьет ничего.
Пить любил он; я думаю, море
Выпил в долгую жизнь; но давно
Пить ему запретили (о, горе!..)
Старый грешник играет в вино:
Наслажденье его роковое
Нюхать, чмокать, к свече подносить
И раз двадцать вино дорогое
Из стакана в стакан перелить.
Перельет — и воды подмешает,
Поглядит — и опять перельет,
Кто послушает, как он вздыхает,
Тот мучения старца поймет.
«Вышить, что ли?» — Опаснее яда
Вам вино! закричал ему врач...
«Ну, не буду! не буду, палач!»
Это сцена из Дантова «Ада»...

Рядом юноша стройный, красивый,
Схожий в профиль с великим Петром,
Наблюдает с усмешкой ленивой
За соседом своим чудачком.
Этот юноша сам возбуждает
Много мыслей: он так еще млад,
Что в приемах большим подражает:
Приправляет кайеном салат,
Портер пьет, объедается мясом;
Наливая с эффектом вино,
Замечает искусственным басом, —
Отчего перегрето оно?

Очень мил этот юноша свежий!
Мсток на слово, в деле удал,

Он ужь был па охоте медвежьей
И медведь ему ребра помил,
Но Сережа осилил медведя.
Кстати тут он узнал и друзей:
Убежали и Миша и Федя,
Не бежал только егерь — Корпей.
Это в нем скептицизм породило:
«Люди — свиньи!» Сережа решил
И по своему метко и мило
Всех знакомых своих окрестил.

Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской!
(Говорят, миллион у него).
Признак русской широкой природы —
Жажду выдвинуть личность свою
Насыщает он в юные годы
Удальством в рукопашном бою,
Гомерической, дикой попойкой,
Приводящей в смятенье трактир,
Да игрой, да отчаянной тройкой.
Он своей молодежи кумир,
С ним хорошее общество дружно
И он счастлив, доволен собой,
Полагая, что больше не пужно
Ничего человеку. Друг мой!
Маловато прочесть два романа
Да поэму «Монго» изучить
(Эту шалость поэта-улана),
Чтоб разумно и доблестно жить!
Недостаточно ухарски править,
Мчась на бешеной тройке стремглав,
Двадцать тысяч на карту поставить
И глазком не моргнуть проиграв —
Есть иное величие в мире
И не торный ведет к нему путь,
Человеку прекрасней и шире
Можно силы свои развернуть!

Если гордость, похвальное свойство,
Ты насытишь рутинным путем,
И недремлющий дух беспокойства
Разрешится одним кутежом;
Если с жизни получишь ты мало,
Не судьба тому будет виной:
Ты другого не знал идеала,
Не провидел ты цели иной!

Впрочем, быть генерал-адъютантом,
Украшенья носить на груди
С меньшим званием, с меньшим талантом
Можно... Светел твой путь впереди!
Не одно, делых три состоянья
На своем ты веку проживешь:
Как не хватит отцов достоянья,
Ты жену с миллионом возьмешь;
А потом ты повысишься чином —
Подоспест казенный оклад.
По таким-то разумным причинам
Твоему я бездействию рад!

Жаль одно: на пустые приманки,
Милый юноша! ловишься ты,
Отвратительны эти цыганки,
А друзья твои — точно скоты.
Ты, чей образ в порыве желанья
Ловит женщина страстной мечтой,
Ищешь ты покупного лобзанья,
Ты бежишь за продажной красой!
Ты у старцев, чьи икры на вате,
У кого разжижение в крови,
Отбиваешь с оркестром кровати!
Ты — не знаешь блаженства любви?..

Очень милы балетные феи,
Но не стоят хороших цветов,
Украшать скаковые трофеи

Годны только твоих кучеров.
Те же деньги и то же здоровье
Мог бы ты поумнее убить,
Не хочу я впадать в пустословье
И о честном труде говорить.
Не ленив человек современный,
Но на что расточается труд?
Чем работать для цели презренной,
Лучше пусть эти баловни пьют...
.....

Знал я юношу: в нем сочетались
Дарованье, ученость и ум,
Сочиненья его покупались,
А одно даже сделало шум.
Но, к несчастью, был он помешан
На комфорте — столичный недуг, —
Каждый час его жизни был взвешен,
Вечно было ему недосуг:
Чтоб приставить кушетку к камину,
Чтоб друзей угощать за столом,
Он по месяцу сгорбивши спину
Изнывал за постылым трудом.
Знаю сам, говорил он частенько,
Что на лучшее дело гожусь,
Но устроюсь сперва хорошенько,
А потом и серьезно займусь.
Суетился, спешил, торопился,
В день по несколько лекций читал;
Секретарствовал где-то, учился
В то же время; статьи писал...
Так трудясь неразборчиво, жадно,
Раздробившись на тысячу дел,
Ничего он не сделал изрядно,
Да и сам-то пожить не успел,
Не потешил ни бога, ни чорта,
Не увлекся ничем никогда,
И бессмысленной жертвой комфорта
Пал — под игом пустого труда!

Знал я мужа: командой пожарной
И больницею он заправлял,
К дыму, к пламени в бане угарной
Он нарочно солдат приучал.
Вечно ревностный, вечно не спящий,
Столько делал фальшивых тревог,
Что случится пожар настоящий —
Смотришь, лошади, люди без ног!
«Смирно! кутай башку в одеяло!»
В лазарете кричат фельдшера:
Настежь форточки — ждут генерала, —
Вся больница в тревоге с утра.
Генерал на минуту придет,
Смотришь: к вечеру в этот денек
Десять новых горячечных бредит,
А иной и умрет под шумок...

Знал я старца: в душе его бедной
Поселился панический страх,
Что погубит нас Запад зловредный.
Бледный, худенький, в синих очках,
Он недавно еще попадался
В книжных лавках, в кофейных домах,
На журналы, на книги бросался,
С карандашиком вечно в руках:
Поясенья, заметки, запросы
Составлял трудолюбец-старик,
Он на вывески даже доносы
Сочинял, если не было книг.
Все его инстинктивно дичились,
Был он грязен, жил в крайней нужде,
И зловещие слухи носились
Об его бескорыстном труде.

Взволновался Париж беспокойный,
Наступили февральские дни,
Сам ты знаешь, читатель достойный,
Как у нас отразились они.
Подоспело удобное время

И в комиссию мрачный донос
На погибшее блудное племя
В три приема доносчик принес.
И вещал он властям предержащим:
«Многолетний сей труд рассмотри
И мечем правосудья разящим
Буесловия гидру сотри!..»
Суд отказом его не обидел,
Но старик уже слишком наврал:
Демагога в Българине видел,
Робеспьером Сенковского звал.
Возвратили!.. В тоске безысходной
Старец скорбные очи смежил
И Линяев, сатирик холодный,
Эпитафию старцу сложил:

*«Здесь обрел даровую квартиру
Муж злокачествен, подл и плешив,
И оставил в наследие миру
Образцовых доносов архив».*
Так погиб бесполезно, бесследно
Труд почтенный; неправда-ли, жаль?

«Иногда и лениться не вредно»,
Такова этих притчей мораль...

III

Время в клуб воротиться, к обеду...
Нет, ужь поздно! Обед при конце,
Слишком мы протянули беседу
О Сереже, лихом молодце.
Стариков полусонная стая
С мест своих тяжело поднялась,
Животами друг друга толкая,
До диванов кой-как доплелась.
Закурив дорогие сигары,
Неиграющий люд на кружки
Разделился; пошли тары-бары...
(Козыряют давно игроки).

Нынче множество тем для витийства,
Утром только газеты взгляни —
Интересные кражи, убийства,
Но газеты молчали в те дни.
Никаких «современных вопросов»,
Слухов, толков, живых новостей,
Исключенье одно: для доносов
Допускалось. Доносчик Авдей
Представлялся пещадием ада
В добродушные те времена,
Вообще же, в стенах Петрограда,
По газетам, была тишина.
В остальной несобъятной России
И подавно! Своим чередом
Шли дожди, бунтовали стихии,
А народ... мы не знали о нем.
Правда, дикие, смутные вести
Долетали до нас иногда
О мужицкой расправе, о мести,
Но не верилось как-то тогда
Мрачным слухам. Покой нарушался
Только голодом, мором, войной,
Да случайно в просак попадался
Колоссальный ворище порой —
Тут молва создавала поэмы,
Оживало всё общество вдруг...
А затем, обиходные темы
Сокращали наш мирный досуг.

Две бутылки бордо уничтожа,
Не касаясь общественных дел,
О борзых, о лоретках Сергея
Говорить бесподобно умел:
Берты, Мины и прочие... дуры
В живописном рассказе его
Соблазнительней самой натуры
Выходили. Но лучше всего
Он дразнил петербургских актеров
И жеманных французских актрис.

Темой самых живых разговоров
Были скачки, парад, бенефис.
В офицерском кругу говорили
О тугом производстве своем
И о том, чьи полки победили
На маневрах под Красным Селом:
— Верно явится завтра в приказе
Благодарность войскам, господа:
Сам фельдмаршал воскликнул в экстазе:
«Подавайте Европу сюда!..»
Тут же шли бесконечные споры
О дуэли в таком-то полку
Из-за Клари, Арманс, или Лоры,
Да шептались стихи в уголку
На игривые, милые темы...
(Может быть, вам знакомы они?..)

Интересами личными все мы
Занимались больше в те дни.
Впрочем, были у нас руссофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
До-Петровский порядок вещей,
Но живя за границей, владели
Очень плохо родным языком.
И понятия они не имели
О славянском призвании своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:
— «Я, душа моя, славянофил».
— А религия ваша?— «Католик».

Не задеты ничем за живое,
Всякий спор мы бросали легко,
Вот за картамн,— дело другое!—

Волновались мы тут глубоко.
Чу! какой-то игрок крутоправный,
Проклиная несчастье, гремит,
Чу! наш друг, путешественник славный,
Монотонно и дерзко ворчит:
Дух какой-то враждой непонятной
За игрой омрачается в нем;
Человек он весьма деликатной
С добрым сердцем, с развитым умом,
Несомненным талантом владеет,
Он прославился книгой своей,
Он из Африки негра-лакея
Вывез (очень хороший лакей,
Впрочем, смысла в подобных затеях
Я не вижу: по воле судеб
Петербург недостатка в лакеях
Никогда не имел)... Но свиреп
Он в игре, как гисна: осадок
От сибирских лихих непогод,
От египетских злых лихорадок
И от всяких житейских невзгод
Он бросает в лицо партнера
Так язвительно, тонко и зло,
Что игра прекращается скоро,
Как бы жертве его ни везло...

Генерал с поврежденной рукою
Также здесь налицо; до сих пор
От него еще дышет войною,
Пахнет дымом Федюхиных гор.
В нем героя война отличила,
Но игрок навсегда пострадал:
Пуля пальцы ему откусила...
Праздно бродит седой генерал!

В теспоте, доходящей до давки,
Весь в камнях, подрумянен, завит,
Принимающий всякие ставки
За столом миллионщик сидит:

Тут идут смертоносные схватки.
От падменных игорных тузов
До копеечных трех игроков
(Называемых: *терц от девятки*)
Все участвуют в этом бою,
Горячась и волнуясь не мало...
(Тут и я, мой читатель, стою
И пытаю фортуны, бывало)...
При счастливой игре не хорош,
Жаден, дерзок, богач-старичишка
Придирается, спорит за грош,
Рад удаче своей, как мальчишка,
Но за то при несчастьи он мил!
Он, бывало, нас много сменил...
При несчастьи вздыхал он первически,
Потирал покрасневший нос
И пелал про себя иронически:
«Веселись, храбрый Росс!..»

Бой окончен, старик удаляется,
Взяв добычи порядочный пук...
За три комнаты слышно: стук! стук!
То не каменный гость приближается...
Стук! стук! стук! равномерно стучит,
Словно ступа, нога деревянная:
Входит старый, седой инвалид,
Тоже личность престрашная...

.....
Муза! ты отступасшь от плана!
Общий очерк затеяли мы,
Так не тронь же, мой друг, ни Ивана,
Ни Луки, ни Фомы, ни Кузьмы!
Дорисуй впечатление — и мирно
Удались, не задев единиц!
Да, играли и кушали жирно,
Много было типических лиц, —
Но приспевшие дружно реформы
Дали обществу новые формы...

IV

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.
По шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская).
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко випилась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем, как народ неразвитый
Ел кору и молчал, *как убитый*,
Мы сердечно болели о нем,
Мы зывали: «даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трусы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...

Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша-геней тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
«В настоящее время, когда...»

Дело двинулось... волею власти...
И тогда-то во всей наготе
Обнаружились личные страсти
И слышались речи — не те:
«Это яд, ужь давно отравлявший
«Наше общество, силу забрал!»
Восклицал, словно с неба упавший,
Суясь всюду, сморчок-генерал
(Как цветы, что в ночи распускаются,
Эти люди в чинах повышаются
В строгой тайне, — и в жизни потом
С непонятым апломбом являются
В роковом ореоле своем).
«Со времен Петрашевского строго
«За развитием его я следил,
«Я наметил поборников много,
«Но... напрасно я труд погубил!
«Горе! горе! Имею сынишку,
«Тяжкой службой, бессонным трудом
«Приобрел я себе деревнишку...
«Что-жь... пойду я теперь нагишом?...
«Любо вам рисоваться, мальчишки!
«А со мной-то что сделали вы?..»

Еслиб только такие людишки
Порицали реформу... увы!
Радикалы вчерашние тоже
Восклицали: «что будет?... о, боже!...»
Уступать не хотели земли...
(Впрочем, — надо заметить, — не много,
Разбирая прошедшее строго,

**Мы бы явных протестов пачли:
По обычаю мудрых холопов,
Мы держались больше подкопов
Или рабски за временем шли)...**

**Некто, слывший по службе за генля,
Генерал Фердинанд фон-дер-Шпехт
(Об отводе лесов для сечення
Подававший обширный проэкт),
Нам предсказывал бунты народные
«Что, не прав я?..» потом он кричал).
— Всё они! всё мальчишки негодные!
Негодующий хор повторял.**

**Та вражда к молодым поколениям
Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем
В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,
Брань такую: «мальчишки! щенки!..»
(Там действительно люди засели
С средним чином, без лент и без звезд,
А иные тузы полетели
В то же время с насиженных мест).
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов,
За усмешку, за резкое слово
Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье — скаканьем и пеньем:
«Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут на стену, корчат Катанов,
Посевают идеи Прудонов,
А пугни — присмирееет любой,
Станет петь превосходство неволи...»**

**Правда, правда! народ молодой
Брал под час непосильные роли.**

Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решешем вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои родятся?..

Клубу нашему тоже на долю
Неприятностей выпало вволю.
Чуть тронулся крестьянский вопрос
И порядок нарушился деревний,
Стали «плохо писать из деревни».
— Не сыграть ли в картишки? «На что-с?»
Отвечал вопрошаемый грубо:
«Своротили вы, сударь, с-ума!..»
Члены мирно дремавшего клуба
Разделились; пошла кутерьма:
Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонной
Говорил, говорил, говорил. . .

Сам себе с наслажденьем внимая,
Формируя парламентский слог,
Всем недугам родимого края
Подводил он жестокий итог;
Человеком идей прогрессивных
Не без цели стараясь прослыть,
Убеждал старикашек наивных
Встрепенуться и Русь полюбить!
Все отдать для отчизны священной,
Умереть, если так суждено!..
Ты не пой, соловей современный!
Эту песню мы знаем давно!
Осуждаешь ты старое смело,
Недоволен и новым слегка,
Ты способен и доброе дело
Между фразами сделать пока;
Ты теперь еще шуткою дерзкой
Иногда подлеца оборвешь,

Но получишь ты ключ камергерской
И уста им навеки закрешь!
Пусть тех «гуртовых» генералов,
Над которыми ныне остришь,
Станешь ты нажимать либералов,
С ними всякую связь прекратишь, —
Этим ты стариков успокоишь
И помогут тебе старики.
Ловко ты свое здание строишь,
Мастерски расставляешь силки!..

Словом, мирные дни миновали,
Много выбыло членов тогда,
А иные ходить перестали,
Остальных разделяла вражда.
Хор согласный — стал дик и нестроен,
Ни игры, ни богатых широв!
Лишь один оставался спокоен
Это дедушка медный Крылов:
Не бездушным глядел истуканом,
Он лукавым сатиром глядел,
Игрокам, бюрократам, дворянам
Он, казалось, насмешливо пел:

«Полю вам — благо сами вы целы —
О наделах своих толковать,
Смерть придет уравниет наделы!
Если вам мудроно уравнять...»

«Полю вам враждовать межь собою
За чины, за места, за кресты —
Смерть придет и отнимет без бою
И чины, и места, и кресты!..»

«Пусть вас минус в игре не смущает,
Игроки! пусть не радует плюс,
Смерть придет — все итоги сравняет:
Будет, будет у каждого плюс!..»

Губернаторы места лишенные,
Земледельцы-дворяне стесненные,
Откупные тузы разоренные,

Игроки, прогоревшие в прах, —
Генерал, проигравший сражение,
Адмирал, потерпевший крушение —
Находили ли вы утешение

В этих кратких и мудрых словах?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С плеч упало тяжелое бремя,
Написал я четыре главы.
«Почему же не новое время,
А недавнее выбрали вы?»
Замечает читатель, живущий
Где-нибудь в захолустной дали:
«Сцены, очерки жизни текущей
Мы бы с большей охотой прочли.
Ваши книги расходятся худо!
А зачем же вчерашнее блюдо,
Вместо свежего, ставить на стол?
Чем в прошедшем упорно копать,
Не гораздо ли лучше касаться
Новых язв, народившихся зол?»

Для людей, в захолустьи живущих,
Мы действительно страшны, смешны,
Но, читатель! в вопросах текущих
Права голоса мы лишены,
Прикасаюсь к ним робко, песмело,
Значит пуще запутывать их,
Шить на мертвых не трудное дело,
Нам желательнее шить на живых.
Устарелое вымерло племя,
Вообще устоялись умы,
Потому-то недавнее время,
Государь мой! и тронули мы
(Да и то с подобающим тактом)...
Погоди, если мы поживем,

Дав назад отодвинуться фактам,
И вперед мы рассказ поведем, —
Мы коснемся столичных пожаров
И волнений в среде молодой,
Понесенных прогрессом ударов
И печальных потерь... Да и той
Злополучной поры не забудем,
Что прогресс повернула вверх-дном,
И всегда по возможности будем
Верны истине — *задним числом*...

1 июля. Карабиха.

152

ДЕКАБРИСТКИ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

ПОЭМА

(1826 год)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покоен, прочен и легок
На-диво слажешый возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в поги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
 Друг другу, но, родной,
 Скажи, что-жь больше делать нам?
 Поможешь ли тоской!
 Один, кто мог бы нам помочь
 Теперь... Прости, прости!
 Благослови родную дочь
 И с миром отпусти!

II

«Бог весть, увидимся ли вновь,
 Увы! надежды нет.
 Прости и знай: твою любовь,
 Последний твой завет
 Я буду помнить глубоко
 В далекой стороне...
 Не плачу я, но не легко
 С тобой расстаться мне!

III

«О, видит бог!.. Но долг другой
 И выше и трудней
 Меня зовет... Прости, родной!
 Напрасных слез не лей!
 Далек мой путь, тяжел мой путь,
 Страшна судьба моя,
 Но сталью я одела грудь...
 Гордись — я дочь твоя!

IV

«Прости и ты, мой край родной,
 Прости, несчастный край!
 И ты... о город роковой,
 Гнездо царей... прощай!
 Кто видел Лондон и Париж,
 Венецию и Рим,
 Того ты блеском не прельстишь,
 Но был ты мной любим —

V

«Счастлива молодость моя
 Прошла в стенах твоих,
 Твои балы любила я,
 Катанья с гор крутых,
 Любила плеск Невы твоей
 В вечерней тишине,
 И эту площадь перед ней
 С героем на коне...

VI

«Мне не забыть... Потом, потом
 Расскажут нашу быль...
 А ты, будь проклят, мрачный дом,
 Где первую кадрили
 Я танцевала... Та рука
 Досель мне руку жжет...
 Ликуй . . . . .
 . . . . .

. . .

Покоем, прочен и легок,
 Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
 Книгиня сдет в нем одна,

А секретарь отца, — (в крестах,
 Чтоб наводить дорогой страх),

С прислугой скачет впереди...
 Свища бичом, крича: «пади!»

Ямщик столицу миновал...
 Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима...
 На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Еписей»

Сказал княгине секретарь:
«Не ездит так и государь!..»

* * *

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога все трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! пыньче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды припесли
Невиданной красы.
Пришел папаша, — ссд, румян, —
К гостям ее зовет.
«Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!»
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней

Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблучки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Пропосится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...
Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сапожки, послы,
Весь модный свет у них...

«О милый! что ты так угрюм?
Что на-сердце твоём?»
Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем! —

И вот укакала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей,
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас пужды, над нами прав
Ни у кого... Сам друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;

Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
За то как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную, как смоль,
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,

Порфир и яшма под ногой
И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неузнатенный, бодрый ум
Работает межь тем...

До солища горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышется легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
Зонтообразных пинн...

Княгине памятливы те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых сю слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забывтой богом стороны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!

Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...

Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тснн нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов!
Короткий бы ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандалный звон!
— Эй, кучер, погоди!
То ссыльных партия идет,
Больней запыла грудь,
Клягня денги им даст,
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их выюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

* * *

Мороз сильней, пустышней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Часк от скуки пьют.
Прошел солдат, просхал воз,
Куранты где-то бьют.

Замерзли окпа... огонек
В одном чуть-чуть мелькнул...
Сбор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево темный лес...

Кипит больной, усталый ум
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то дружесіи,
То мрачную тюрьму
И тут же думается ей —
Бог знает почему,
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Отгиснутый кружок...

Пропали горы; пачалась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого дерева.
«А вот и тундра!» говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..

Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

* * *

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разношники, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шолк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...

Народ галдел, народ звал,
Едва-ли сотый понимал
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуя взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,

Влетев в каре, грозиться стал —
С коня спесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!»
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
Покайтесь, братия! гласит,
Падите пред царем!
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
«Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет...»

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: па-ли!..
.....

Княгиня, память потеряв,
Упала с высоты стремглав.

Пред нею длинный и сырой
Подземный корридор,
У каждой двери часовой
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старей и седой,
Усатый инвалид —
«Иди, печальница, за мной!»
Ей тихо говорит:

«Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец,
Дверь визгнула, — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — «Не ходи,
Не тронешь палача!»
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— Наивен твой вопрос. —

— «Пора! пробил урочный час!»
Тот «третий» произнес...

* * *

Княгиня вздрогнула, — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! На встречу ни души,
Ямщик на козлах спал,

Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На страшном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык,
И пуше сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестершим,
Упали силы; ей не в мочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не попукал коней,
Передней тройки не слышать,
«Эй! жив-ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык...

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины большой
Мгновенно покорил,
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком, —
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:

«Да, это — юг! да, это — юг!»
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито, — на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «да — это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдаль,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот вьючный мул идет шагком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: добрый путь!
И засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь,
Цветок... да! это юг!

Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На-диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгини спутник так устал,
Что под Иркутском захворал,

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.

Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.

Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

княгиня (входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывать скорей!

ГУБЕРНАТОР

Пришел я — встретить вас.

КНЯГИНЯ

Велите-жь дать мне лошадей!

ГУБЕРНАТОР

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам пужно отдохнуть...

КНЯГИНЯ

Благодарю вас! Я сильна...
Ужь не далек мой путь...

ГУБЕРНАТОР

Всё-жь будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова пужно вам сказать
По службе, — и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек,
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе на век
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

КНЯГИНЯ

Но мне непужно ничего!
(отворяя дверь в сени)
Готов-ли экипаж?

ГУБЕРНАТОР

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

КНЯГИНЯ

Так прикажите-жь! Я прошу...

ГУБЕРНАТОР

Но есть записка тут:
С последней почтой прислапа
Бумага...

КНЯГИНЯ

Что-же в ней:
Ужь не вернуться-ль я должна?

ГУБЕРНАТОР

Да-с, было бы верней.

КНЯГИНЯ

Да кто-жь прислал вам и о чем
Бумагу? что-же — там
Шутили, что-ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

ГУБЕРНАТОР

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

КНЯГИНЯ

Так что-же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

ГУБЕРНАТОР

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По добrote свсей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

КНЯГИНЯ

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой
И выше и святей
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

ГУБЕРНАТОР

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо-ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете-ли вы?
Там люди редки без клейма
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз-на-глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!

Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и мой
Нерадостней его!

губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары
Непресыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь.
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

княгиня

Живут-же люди в том краю,
Привыкну я, шутя...

губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,

Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовою.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

КНЯГИНЯ

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

ГУБЕРНАТОР

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

КНЯГИНЯ

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всею вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим налачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

ГУБЕРНАТОР

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Пужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишит...

КНЯГИНЯ

Молчите!.. Боже мой!..

ГУБЕРНАТОР

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

КНЯГИНЯ

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А ныне этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там пайду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А ныне же ши торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё прости?

ГУБЕРНАТОР

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

• КНЯГИНЯ

Молчите, генерал!

ГУБЕРНАТОР

Когда-б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что́ станется с женой,
Увлекся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что-жь?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

КНЯГИНЯ

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буда ей верна!
О, еслиб он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало-б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И еслиб пужно было, вновь
Ему простила-б я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
— Ну, что-жь? Велите, генерал,
Готовить мой возок?
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потем в раздумьи произнес:
«До завтра» — и ушел...

На завтра тот же разговор.
 Просил и убеждал.
 Но получила опять отпор
 Почтенный генерал.
 Все убежденья истощив
 И выбившись из сил.
 Он долго важен, молчалив,
 По комнате ходил
 И, наконец, сказал: «Быть так!
 Вас не спасешь, увы!..
 Но знайте: сделав этот шаг,
 Всего лишитесь вы!..»

— Да что же мне еще терять?

«За мужем поскакав,
 Вы отречение подписать
 Должны от ваших прав!»

Старик эффектно замолчал,
 От этих страшных слов
 Он очевидно пользы ждал.
 Но был ответ таков:
 «У вас седая голова,
 А вы еще дитя!
 Вам наши кажутся права
 Правами — не шутя.
 Нет! ими я не дорожу,
 Возьмите их скорей!
 Где отречение? Подпишу!
 И живо --- лошадей!..»

Г У Б Е Р Н А Т О Р

Бумагу эту подписать!
 Да что вы?.. Боже мой!
 Ведь это значит нищей стать
 И женщиной простой!

Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

* * *

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных пропью.
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
На вряд версты четыре в час
Закованный идет;
По середине дня — привал,
С закатом дня — почлег,

А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

КНЯГНЯ

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

ГУБЕРНАТОР

Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Труднеек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до перчинских рудников
И трети не дойдет!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

КНЯГНЯ

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Ужь шла бы я давно...
Велите жь партию собирать —
Иду! мне всё равно!..

«Нет! вы поедте!..» вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза:
«Как я вас мучил... Боже мой!..»
(Из под руки на ус седой
Скатилась слеза).
«Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед судом душа моя
Чиста, свидетель бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью в занерти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(отворяя дверь, кричит)
Эй! запрягать, сейчас!..

[23 июня. Карабиха]

1872

153

ДЕКАБРИСТЫ

КНЯГНЯ М. И. ВОЛКОНСКАЯ

(БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ)

(1826—27 г.)

ГЛАВА I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки оиать воротились:
«Нам, бабушка, скучно! В несчастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..» По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успесте слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глуны: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я всё рассказала доступное вам
По вашим реблческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них и портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры-Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...
Пушкой берегут его свято:
В подарок жене, его выковал дед
Из собственной цени когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но плуце отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Твори чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим 12-м годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не запемним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненый, с пульей в груди,
Он вновь через сутки сражался,

Так летопись жизни его говорит: ¹
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витни
Отца моего осыпали хвалою,
Бессмертным его называл;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевае. ² Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинской.

Войной озабочен, в семействе своем
Отца ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом, подгородном доме.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал. ³ Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отца его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пирь задавал; насзжали к отцу
Седы, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Межь тем молодежь танцовала.

Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан.
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
«Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотре... и у нас он бывал,
По парку с тобой всё шатался!»
— Да, помню! Высокий такой генерал...
«Он самый!» Старик засмеялся...
— Отец! он так мало со мной говорил!
Заметила я, покраснела...
«Ты будешь с ним счастлива!» круто решил
Старик, — возражать я не смела...

Прошло две недели, — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Немного я знала его женихом,
Немного и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я, между тем, расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето кушалась;

Зимой он приехал за мною туда,
С педолою я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедem сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

ГЛАВА II

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали.
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
«Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,

Не плачь! Ты походы делала со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценной
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная:
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..»

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлею родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую пияню узнала.
Спросила о муже. — Еще не бывал!
«Писал ли?» — И писем нет даже.
«А где мой отец?» — В Петербург ускакал.
«А брат мой?» — Уехал туда же.

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали»,
Сказала я матушке: «Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась утешивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» отца я спросила.

— В Молдавию муж твой ушел воевать.
«Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели, — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удваивал горе...
Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они на стороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...
«Ужели?..» в уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые:
К отцу побежала, — с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал? —
Подумав, и то я простила:

«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда жь он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся!»
Так думала я. — «Пусть беда велика,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтала о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула, — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру, — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»
Подробиостей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доньше о мщеньи они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз,
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,

За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела,
В угрюмой камерке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом
Он весь задрожал, оживился:
— Жена!.. Корридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

— Вот он! громогласно сказал генерал,
И я увидела Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостью вдруг заблестали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, прижав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
«Здесь есть посторонние люди».
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
«Поздравь меня, Маша, с обновкой»
И тихо прибавил: *«пойми и прости»* —
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде»,

И тихо шепнула: я всё поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде...
«Что делать? И в каторге буду я жить»
(Покуда мне жизнь не наскучит).
— Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить:
(Ведь каторга нас не разлучит?)

«Так вот ты какая!» Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что-жь было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня посадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Цалуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
«Мой друг, ты свободна... Пойми — не пеняй!
«Душевно я бодр и — желаю
«Жену мою видеть такой же. Прощай!
«Малютке поклон посылаю...»

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «что ты мучишься, дочь?
Я все испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась

И время приспело: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас слышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душой казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи се не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
«На что ты решилась?» — Я еду!
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец, — я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
«За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу!»
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и цалуя...
«Я сам виноват! Я тебя погубил!»
Воскликнул он вдруг, негодуя:

«Где был мой рассудок? Где были глаза!
Ужь знала вся армия наша...»
И рвал он седые свои волоса:
«Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..» И снова молил горячо...
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
— «Поеду!» я тихо сказала...

«Посмотрим!..» И вдруг распрявился старик,
Глаза его гневом сверкали:
«Одно повторяет твой глупый язык:
Поеду! Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...»

Ушел он грозный и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

ГЛАВА III

«Подумай!..» Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию мать на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решил,
И жизнь наша мирно летела?

Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я

В парадных гостинных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет печально пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцать лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много невдомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.

Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу большую палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала... но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.

Старик говорил: «Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же?» — Я долг исполняю, отец!
— «За что ты себя обрекаешь
На муку?» — Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Всё буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткой.
Куда ни пойду я, — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шопоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Межь мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставляю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матью будет.

Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
«Зачем не пошла ты за бедным отцом?..»
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишит утешенья
И в будущем сына презренья навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на горлом копе,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...

Позднее, я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бесшестно стоит предо мною,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь не земная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: «Сумасшедшая дочь!»
И вышел; молчали ушло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла

В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалел,
Что долгу покорный, не мог поддаться
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволение;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...

Волнение

Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!...»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Все ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один
Несчастный! Ты мать потеряешь!»

И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...

С рассветом

Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводил,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...

Я вмиг собралась.

Сестру заклинала я спова
Быть матерью сыну... Сестра повлялась...
Кибитка была ужь готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое
Терю... нет счета печальных потерь!...»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль поцуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуρο.
Последние вещи в кибитку спесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!»
Сказала я, братьев цалуя.
Отцу подражая, молчали они...

Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили злоешие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И руки с угрозой подняе чадо мной
Чуть слышно сказал (я дрожала):
«Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..»
Я упала...

ГЛАВА IV

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась,
И мчалась без отдыха слишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде. ⁴ Мила и умна
Была молодая княгиня,
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новел, ⁵
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах пришегла».. ⁶
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, — житье
Им было у Зины в гостинной;

Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! все будет во вкусе твоём,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыиграем любимые пьесы...»

И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Внимание Москвы занимали:
Едва огласилось решение суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна Ростовчинская шутка:
«В Европе — сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что-ль, захотела?...»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, дугом кареты
Гревели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам
Явились былые тузы-старички,
С отменно-учтивым приветом;
Старушки статс-дамы бывшего двора
В объятья меня заключали:

«Какое геройство!.. Какая пора!..»
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил
Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе⁷ он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной, длинной косой,
Полуденным солнцем палима,

Я к морю летела, — и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добежала,
Когда же прилив возвращался опять.
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что и
Ботишки мои промочила:
«Молчите! идет гувернантка моя!»
Сказала я строго... (Я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.⁸
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далёки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва-ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт на верху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,

Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевести иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятия, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставлял его часто рассвет,
Он с ним уезжая прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей — повествует народ —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовёт
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,

Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...
Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпением богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистной!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пыжкую правду объемлет...

«Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

«Да, верю! не долго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...

Но если придется в степи умереть,
Помлнут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу,
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

«Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за-полночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.

«Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..

.....

«Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне дарь «Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Посду весной, поскорей захвачу
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»

Поэт паписал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела, — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..

Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер, — не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменной,
И взор, что казалось на веки потух,
Светился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни...
О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!»
Прощаясь со мной со слезами...

ГЛАВА V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Почтовая тройка, фигура купца
На груди перин и подушек;
Казенная фура! с десяток подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкой, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики,
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!»
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкуются.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажень покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,

Танцуют, смеются!.. а мне не звать
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслий таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубедкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволение со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. — Готов ли ямщик?
«Княгиня, вам лучше дожидаться
Рассвета» — заметил смотритель старик:
«Мятель начала подыматься!»
— Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..

Звонит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядями.
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув дышовку, гляжу я вперед —
Попрежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!

Своя у меня роковая тоска
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко»,
Сказал он: «рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы часом. Пора на покой!
Мятель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, починик погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
— Зачем? «Одолели медведи!»

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселье были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, задравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не падо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы, по мере пути,

И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою
И темно, и страшная скука,
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когданибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет,
И путь мой заносят мятели,
А все-таки, я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, услышав какой-то содом,
Цыновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты — и целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки»,
Сказал мой ямщик: «мы увидим ее,
Она, чай, идет недалеко»...

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь»...
В харчевне сижу, ожидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо, —
Черты были злы и суровы, —

* Обоз с серебром

И выпустив изо рта дыму кольцо,
Сказал: «несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..»
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал,
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
«Здоровы!» сказал он: «я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..»
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Не даром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольной,
Тихонько в убогую дерковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебн служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прояс об изгнанниках бога...
Убогой, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе необходимо...

(Отца Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубещкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива, ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути,
К несчастью мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они,
Да греются чаем кирпичным
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
За то под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тароватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник, как мертвая, весь проспала
В гостинной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, — Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— *Они в Благодатске!* — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей
И Катя со мной Трубецкая!

ГЛАВА VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне нежданно друга,
Тот пашу взаимную радость поймет...
— Устала, устала я, Маша!
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твоё счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об-руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Немного!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранных богов!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилит терпением.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной,
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..»

Чиста наша жертва, — мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясной, морозной и тихой.
Снега под Нерчинском явились опять,
В сапях покатали мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
«На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, сменили друг дружку;
На завтрак ватрунку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрунку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
— Возьми, парсенок, пригодится...»

Волтая, он живо в село прилетел,
«Ну, барыни! где становиться?»
— Вези нас к начальнику прямо в острог.
«Эй, други, не дайте в обиду!»

Начальник был тучен и кажется строг,
Спросил: — по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там!
«Вот конья, нам ее дали...»
— Что конья? с ней попадешься в просак!
«Вот царское вам позволение!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, — смех и мученье!
— Вы видите подпись дья: Николай?
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Посхать за ней я хотела,

Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
— Да точно-ли?... «Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!..»

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С окопцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случилось с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...

Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие-жь, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
— Не здесь ли преступники? «Здесь, да ушли».
— Куда? — «На работу вестимо!»
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
— Вы видите их? я спросила детей.
«Да, видим! — Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!..» Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — на голо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!

Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнании, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несл
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...
«Вас в каторге самый закон не спасет!»
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из поля
Картофель колodник клейменный:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печоный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила! —

Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила,
И долго спускалась все ниже; потом
Пошла я глухим корридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами к низу стекала.
Я слыпала шорох; земля иногда
Комками со стен упала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие-жь дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
В потьмах наугад побежала...
Господь коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберет во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенья:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!»—Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад!—говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

— Волконская! вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялась стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенской...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моеї дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участия...
Но где же Сергей мой? «За ним ужь пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончат урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют—я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене
Утешила я Трубецкого;

Все письма по счастью были при мне,
С приветом из края родного;
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!»... (Но никто не подставил ее)...
«Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что-жь вы?..» По мы
Всё в глубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь вперед,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни — работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я «тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: идет он! идет!
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед —
Канавка была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели,

Сказал Трубедкой, чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть—у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Чтоб было, когда-б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!)
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
На встречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я подбежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике рсковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал и умел он страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени,— и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копы, — в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастье встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печалью,
Какой-то торжественной думы полна.—

«Да где же вы все запропали?»
Вдруг снизу доносился неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите!» сказал со слезами старик:
«Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забрают!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Мама — в остроге!..»

17 июля. Карабиха

154

КУЗНЕЦ

ПАМЯТИ И. А. МИЛЮТИНА

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.

Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.

В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал — исправят потом.
Грубо ковал ты, по руку умелую
Видно до ныне во всем.

С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

1873

155

ДЕТСТВО

НЕОКОНЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

I

В первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещались,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходились,
Храм окружали подпорками
И продолжалось служение.
В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные, —
Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.

В ней причащались, вепчались,
В ней отпевали покойников...

Синее небо видпелосл
В трещины старого купола,
Дождь иногда в эти трещины
Падал: по лицам молящихся
И по иконам угодников
Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали... Боялась я,—
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые,
С мрачными, строгими лицами...

То растворялось печально
Ветром окошко непрочное,
И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня вторгалася,
Полная горя житейского —
Песня сурового пахаря!..

Помню я службу последнюю:
Гром загремел неожиданно,
Всё сотрясенное здание
Долго дрожало, готовое
Рухнуть: лампы горящие,
Паникадилы качались,
С звоном упали тяжелые
Ризы с иконы спасителя,
И растворилась безвременно
Дверь алтаря. Православные
В ужасе ниц преклонилися —
Божьего ждали решения!..

II

Ближе к дороге красивая,
Новая дерковь кирпичная
Гордо теперь возвышается
И заслоняет развалины
Старой. Из ветхого здания
Взяли убранство убогое,
Выпесли утварь церковную,
Но до остатков строения
Руки мвяряи не коснулись.
Словно больной, от которого
Врач отказался, оставлено
Времени старое здание.
Ласточки там поселились —
То вылетали оттудова,
То возвращались стремительно,
Громко приветствуя птенчиков
Звонким своим щебетанием...

В землю врослая медлительно,
Эти остатки убогие
Преобразились в развалины
Странные, чудно красивые;
Дверь завалилась, обрушился
Купол; оторваны бурею,
Ветхие рамы попадали;
Травами густо проросшие
В зелени стены терялись,
И простирали в раскрытые
Окна — березы соседние
Ветви свои многолистые...

Их семена, занесенные
Ветром на крышу неровную,
Дали отростки: любила я
Эту березку кудрявую,
Что возвышалась там, стройная,
С бледно-зелеными листьями.
Точно вчера только ставшая

На ноги резвая девочка,
Что уж сегодня вскарабкалась
На высоту, — и бестрепетно
Смотрит оттуда, с смущением,
Смелым и ласковым личиком...

Птицы попились там стаями,
Там стрекотали кузнечики,
Да деревенские мальчики
И русокудрые девочки
Живя там жили: по тропочкам
Между высокими травами
Бегали, звонко аукались,
Пели веселые песенки.
Там мое детство беспечное
Мирно летело... Играла я,
Помню, однажды с подругами
И набежала печально
На полусгнившее дерево.
Пылью обдав меня, дерево
Вдруг подо мною рассыпалось:
Я провалилась в развалины,
Внутрь запустелого здания,
Где не бывала со времени
Службы последней...

Объятая

Трепетом, я огляделась:
Гнездышек ряд под карнизами,
Ласточки смотрят из гнездышек,
Словно кивают головками;
А по стенам молчаливые,
Строгие лица угольников...
Перекрестилась невольно я, —
Жутко мне было! дрожала я,
А уходить не хотелось.
Чудилось мне: наполняется
Церковь опять прихожанами;
Голос отда престарелого,
Пение гимнов божественных,

Вздохи и шопот молитвенный
Слышались мне, — простояла-бы
Долго я тут неподвижная,
Если бы вдруг не услышала
Криков: «Параша! да где-же ты?..»
Я отозвалась; нахлынули
Дети гурьбой, — и наполнились
Звуками жизни развалины,
Где столько лет уж не слышались
Голос и шаг человеческий...

[19 марта]

156

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ
РУССКИМ ДЕТЯМ

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревцами,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Малляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузицы —
Кто их не узнаст?
Они молодцы

И петь, и ругаться,
Да — день не такой!
Идет кривоногой
Гуляка-портной:

В одном сертучинке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти в краски
Несет за плечом,
И словно ландгарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют,
И словно солдаты
Все в погу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути;
В родные деревни
Скорее придти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой,
И встретить святую
С веселой душой...

III

Стемпсло. Болтал
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом,

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечерною мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горячей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко
Горели костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горячей
Соломы, — толпы...
У божьего храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

20 марта

157

ТРИ ЭЛЕГИИ

(А. Н. Плещееву)

I

Ах! что изгнание, заточенье!
Захочет — выручит судьба!
Что враг! — возможно примиренье,
Возможна равная борьба;

Как гнев его ни беспределен,
Он промахнется в добрый час...

Но той руки удар смертелеп,
Которая ласкала нас!..

Одип, один!.. А ту, кем полны
Мои ревнивые мечты,
Умчали роковые волны
Пустой и милой суеты.

В ней сердце жаждет жизни новой,
Не сносит горестей оно
И доли трудной и суровой
Со мной не делит ужь давно...

И тайна всё: печаль и мұку
Она сокрыла глубоко?
Или решилась на разлуку
Благоразумно и легко?

Кто скажет мне?.. Молчу, скрываю
Мою ревнивую печаль,
И столько счастья ей желаю,
Чтоб было прошлого не жаль!

Что жь, если сбудется желанье?..
О, нет! живет в душе моей
Неотразимое сознанье,
Что без меня нет счастья ей!

Всё, чем мы в жизни дорожили,
Что было лучшего у нас —
Мы на один алтарь сложили —
И этот пламень не угас!

У берегов чужого моря,
Вблизи, вдали он ей блеснет
В минуту сиротства и горя,
И — верю я — она придет!

Придет... и как всегда, стыдлива,
Нестерпелива и горда,

Потушит очи молчаливо.
Тогда... Что я скажу тогда?..

Безумец! для чего тревожишь
Ты сердце бедное свое?
Простить не можешь ты ее —
И не любить ее не можешь!..

II

Бьется сердце беспокойное,
Отуманились глаза.
Дуновенье страсти знойное
Налетело, как гроза.

Вспоминаю очи ясные
Дальней страпницы моей,
Повторяю стансы страстные,
Что сложил когда-то ей.

Я зову ее, желанную:
Улетим с тобою вновь
В ту страну обетованную,
Где венчала нас любовь!

Розы там цветут душистее,
Там лазурней небеса,
Соловьи там голосистее,
Густолиственней леса...

III

Разбиты все привязанности, разум
Давно вступил в суровые права,
Гляжу на жизнь неверующим глазом...
Всё кончено! Седеет голова.

Вопрос решен: трудись, пока годишься,
И смерти жди! Она недалеко...
Зачем же ты, о сердце! не мирисься
С своей судьбой?.. О чем твоя тоска?..

Непрочно всё, что нами здесь любимо,
Что день — сдаем могиле мертвеца,
Зачем же ты в душе неистребима
Мечта любви, не знающей конца?..

Усни... умри!..

1874

158

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю — здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама за-одно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища; пивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо... Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам — железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с калапчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли — там ужь ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:
Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводнение столице грозит...
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит — попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел — кто-то покончил с собой...

159

НАД ЧЕМ МЫ СМЕЕМСЯ...

Раз сказал я за пирушкой:
«До свидания, друзья!
Вечер с матушкой старушкой
Проведу сегодня я:
Нездорова — ей не спится,
Надо бедную занять»...
С той поры, когда случится
Мне с друзьями пировать,
Как запас вестей иссякнет

И настанет тишина,
Кто-нибудь наверно брякнет:
«Человек! давай вина!
Выпьем мы еще по чаше
И — *туда...* живей, холоп!
Ну... а ты — иди к мамаше!
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!

Водовоз воды боченок
В гололедицу ташил;
Стар и слаб, как щепка тонок,
Бедный выбился из сил.
Я усталому салазки
На бугор помог ввезти.
На беду, в своей коляске
Мчался Митя по пути —
Как всегда, румян и светел,
Он рукою мне послал
Подалуй — он всё заметил
И друзьям пересказал.
С той поры мне нет проходу:
Филантроп да филантроп!
«Что? возил сегодня воду?..
Ха! ха! ха!..» Хоть пулю в лоб!

160

УНЫНИЕ

I

Сгорело ты, гнездо моих отцов!
Мой сад заглох, мой дом бесследно сгинул,
Но я реки любимой не покинул.
Вблизи ее песчаных берегов
Я и теперь на лето укрываюсь
И, отдохнув, в столицу возвращаюсь
С запасом сил и ворохом стихов.
Мой черный копь, с Кавказа приведший,

Умен и смел, — как вихорь он летит,
Еще отцом к охоте приученный,
Как вкопанный при выстреле стоит.
Когда «Кадо»* бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку остановив «Черкеса»,**
Спущу курок — и птица упадет.

II

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер ищв
Сметает сор, навевный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...
Не чувствовать над мыслью молотка
Я не могу, как сильно ни желаю,
Но если он приподнят хоть слегка,
Но если я о нем позабываю
На полчаса — и тем я дорожу:
Я сам себя, читатель, нахожу,
А это всё, что нужно для поэта.
Так шли дела; по нынешнее лето
Не задалось: не заряжал ружья
И не писал еще ни строчки я.

III

Мне совестно признаться: я томлюсь,
Читатель мой, мучительным недугом.
Чтоб от него отделаться, делюсь
Я им с тобой: ты быть умеешь другом,
Довериться тебе я не боюсь.
Недуг не пов (но сила вся в размере),
Его зовут ушньем; в старину
Я храбро с ним выдерживал войну,
Иль хоть смягчал трудом по крайней мере,
А пшьче с ним не оберусь хлопот.

* Собака.

** Лошадь.

Быть может, есть причина в атмосфере,
А может быть, мне знать себя дает,
Друзья мои, пятидесятый год.

IV

Да, он настал — и требует отчета!
Когда зима нам кудри убелит,
Приходит к нам неожиданная забота
Свести итог... О, юноши! грозит
Она и вам, судьба не пощадит:
Наступит час рассчитывать строго
За каждый шаг, за целой жизни труд
И мстящего, зовущего на суд
В душе своей вы ощутите бога.
Бог старости — немолчимый бог.
(От юности готовьте ваш итог!)

V

Приходит он к прожившему полвека
И говорит: «оглянемся назад,
Поищем дел достойных человека...»
Увы! их нет! одних ошибок ряд!
Жестокый бог! Он дал двойное зренье
Моим очам; пытливое волнение
Родил в уме, душою овладел.
— «Я даром жил, забвенья мой удел» —
Я говорю, с ним жизнь мою читая:
Прости меня, страна моя родная:
Бесплоден труд, напрасен голос мой!
И вижу я, поверженный в смятенье,
В случайности несчастной — преступленье,
Предательство в ошибке роковой...

VI

Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагоприятной
Мои вины желаю объяснить,
Гоню врага, хочу его забыть,
Он тут как тут! В любимый труд, в забаву

Мешает он во всё свою отраву
И снова мы идем рука с рукой.
Куда? увы! опять я проверляю
Всю жизнь мою, — найти итог желаю, —
Угодно ли последовать за мной?

VII

Идем! Пути утопанные гладко
Я пренебрег, я шел своим путем,
Со стороны блюстителей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.
И рядом с ним — такая есть возможность! —
Я знал другой недружелюбный суд,
Где трусостью зовется осторожность,
Где подлостью умеренность зовут.
То юношества суд неумолчный.
Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
Решить вопрос предоставляю вам.

VIII

Враги мои респат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья — читатель-гражданин.
Лишь в суд его храпо слепую веру.
Суди же ты, кем взыскал я не в меру!
Еще мой труд тобою не забыт
И знаешь ты: во мне нет сил героя, —
Тот не герой, кто лавром не увит
Иль на щите не вынесен из боя, —
Я рядовой (теперь уж инвалид)...

IX

Суди, решай! А ты, мечта большая,
Воспрянь, и мир бесстрашно облетай,
Мой ум к труду, к покою возврати!
Чтоб отдохнуть душою несвободной,
Иду к реке — кормилице народной...

С младенчества на этом мне пути
Знакомо всё... Знакомой грусти полны
Ленивые, медлительные волны...
О чем их грусть?.. Бывало, каждый день
Я здесь бродил в раздумьи молчаливом
И слышал я в их роноте тоскливом
Тоску и скорбь спопутных деревень

Х

Под берегом, где вечная прохлада
От старых пв, нависших над рекой,
Стоит в воде понуренное стадо,
Над ним шмелей неутомимый рой.
Лишь овцы рвут траву береговую,
Как рекруты острижены вплотную.
Не весел вид реки и берегов.
Свистит кулик, кружится рыбовод,
Добычу карауля как разбойник;
Таинственно спасаями шевеля
Проходит барка; виден у руля
Высокий крест: на барке есть покойник...

ХІ

Чу! копь заржал. Трава кругом на славу,
Но лошадям не весело пришлось
И, позабыв зеленую атаву,
Под дым костра, спасающий от ос,
Сошлись они, поникли головами
И машут в такт широкими хвостами.
Лишь там, вдали, остался серый конь.
Он не бежит проворно на огонь,
Хоть и над ним кружится рой докучной,
Серко стоит понур и недвижим.
Несчастный конь, пенатурально-тучной,
Ты поражен недугом роковым.

ХІІ

Я подошел: аела бугорками
По всей спине, усыпанной шмелями,

Густая кровь... струилась из поздрей...
Я наблюдал жестокий пир шмелей,
А конь дышал всё реже, всё слабей.
Как вкопанный, стоял он час — и боле
И вдруг упал. Лежит недвижим в поле...
Над трупом солнца раскаленный шар
Да степь кругом. Вот с вышины спустился
Степной орел; над жертвой окружился
И царственно уселся на стожар.
В досаде я послал ему удар,
Спугнул его, но он вернется к почпе
И выклюет ей острым клювом очи...

XIII

Иду на шелест пивы золотой.
Печальные, убогие равнины!
Недавние и страшные картины,
Стесняя грудь, проходят предо мной.
Ужели бог не сжадется над нами,
Сожженных пив дождем не оживит,
И мельница с недвижными крылами
И этот год без дела простоят?

XIV

Ужель опять наградой будет плугу
Голодный год?.. Чу! женщина пост!
Как будто в гроб кладет она подругу.
Душа болит, уныние растет.
Народ! народ! Мне не дано геройства
Служить тебе, — плохой я гражданин,
Но жгучее, святое беспокойство
За жребий твой донес я до седли!
Люблю тебя, пою твои страданья,
Но где герой, кто выведет из тьмы
Тебя на свет?.. На смену колебанья
Твоих судеб чегождемся мы?.

XV

День свечерел. Томим тоскою влялой,
То по лесам, то по лугу брожу.

Упыние в душе моей усталой,
Уныние — куда ни погляжу.
Вот дождь пошел и гром готов ужь грянуть.
Косцы бегут проворно под шатры,
А я дождем спасаюсь от хандры,
Но, видно, мне и нынче не воспрянуть!
Упала почь, заглясь в лугах костры,
Иду домой, тескуя и волнуясь,
Беру перо, привычке повинуюсь,
Пишу стихи и — недовольный, жгу.
Мой стих ушы, как ропот на несчастье,
Как плеск волны в осеннее ненастье,
На северном пустынном берегу...

[6—18 июля. Лука]

161

... Но первые шаги не в нашей власти!
Отец мой был охотник — и игрок.
И от него в наследство эти страсти
Я получил, — они пошли мне в прок.

Не зол, но крут, детей в суровой школе
Держал старик, растил, как дикарей.
Мы жили с ним в лесу, да в чистом поле,
Травя волков, стреляя глухарей.

В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух испытан,
Но грамоту весьма нетвердо знал.

И я таким остался до седины
(Мне грамота потом далась, однако),
Мой лучший друг — лягавая собака,
Да острый нож, да меткий карабин.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

(из «записной книжки»)

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А ужь какая их тьма по Руси!
Скоро ужь там не останется клочка...
Ехать в деревню? Теперь-то? Merci!

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

— Как у вас хлебушко? «Нет ни ковриги!»
— Где у вас скот? «От заразы подохи!»
А зайкнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. — «Помилуй нас бог!

Книг нам не надо — песн их к жапдару!
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А потерпелись на тыщу рублей!»

Думает немец: «ужь я не оглох ли?
К школе привешен тяжелый замок,
Пивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?»
В грусти барон сам с собой говорит...
Дай ты им гривну, да хлеба коврижку,
И наблюдай, кемчуря, ашпетит...

[13 июля]

НОЧЛЕГИ

I

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вступили кони под навес,
 Время бесчеловечно.
 Усталый, я с телеги слез,
 Почлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; залорный лай
 Наполнил всю деревню,
 Впустил нас дворник Николай
 В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
 Сидел уж там прохожий
 В пальто с господского плеча:
 «Снознились, сударь, тоже?»

Он, пизко клапяясь, сказал.
 — Да, ныньче дни коротки.
 Уселся я, а он стоял.
 — Садитесь! выпьем водки!

Прохожий выпил рюмки две
 И разболтался сразу:
 «Иду домой... а жил в Москве...
 До царского указу

«Быи крепостной: отец и дед
 Помещикам служили.
 Мне было двадцать восемь лет,
 Как волю объявили;

«Наш барин стал куда как лих,
 Сердился, придирался.
 А перед самымсроком стих,
 С рабами попрощался,

«Сказал нам: — «Вольны вы теперь»,
И очи помутнились:
— «Идите с богом!» Верь, не верь,
Мы тоже прослезилась,

«И потянулись кто куда...
Пришел я в городишко,
А там ужь деляя орда
Таких же — нет местишка!

«Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову.
Не барин — клад попался!

«Сначала, правда, злился оп,
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит воп...
За что?.. Не понимаю!

«Да с ним, — как я смекнул позднее, —
Знать надо было штучку:
Сплюшал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

«Не то рассердишь: — «Ермолай!
Опомись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

— «Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том — велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

— «Я раболепства не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случиться может: сам вспылю —
И мне не подавайся!..»

«Работы мало да и той
Сам половину правил;
Я захворал — всю ночь со мной
Сидел — пивки ставил;

«За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил —
И вдруг пошло всё прахом!

«Однажды он сердитый встал,
Порезался как брился,
Всё не по нем! весь день ворчал,
И вдруг совсем озлился.

«Кастит!.. — Потихе, господин!
Сказал я, вспыхнув тоже.
— «Как! что?.. Зазнался, хамов сын!»
И хлоп меня по роже!

«По старой памяти, я прочь,
А он за мной — бедовый!..
— Так вот, продумал я всю почь,
Каков он — барин новый!

«Такие речи поведет,
Что слушать любо-милу,
А кончит тем же, что прибусть!
Нет, прежде проще было!

«Обидно! Я его считал
Не барином, а братом...
Пастало утро — не позвал;
Свернувшись под халатом,

«Стонал как раненый весь день,
Не выпил чашки чаю...
А ночью барин словно тень
Прокрался к Ермолаю:

«Вперед уставился лицом:
— «Ударь меня скорее!
Мне легче будет!..» (Мертвецом
Глядел он, был белее

«Своей рубахи): — «Мы равны,
Да я сплюшал... я знаю...
Как быть? сквитаться мы должны...
Ударь!.. Я позволяю.

— «Не так ли, друг? Скорее хлоп
И снова правы, святы...»
— Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден, вы богаты!

«(Сказал я). — Должен я служить,
Пока стаёт терпенья,
И я служить готов... а бить
Не буду... с позволенья!..

«Он всё свое, а я свое,
Спор долго продолжался,
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

«Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста...
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?..»

II

НА ПОГОРЕЛОМ МЕСТЕ

Славу богу, хоть почь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.
Мы устали, промокли до тла,
А кругом деревешки не видно.

Накопец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом * туда побежали.

«Горевали, а вот и почлег!»
— Табор, что ли, цыганский там? «Пету!
Не видать ни коней, ни телег.
Незаметно и красного цвету.

«У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!
— Косари? «Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина села».

— Пастухи ли огонь развели?..
Через них погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стап.
К нам на встречу ребята бежали:
«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да прснали!»

— Не видали!.. Весь табор притих...
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы пьичат младенцев грудных,
Утешает ребят старушонка:

— Воля божья: усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги... Глядите-ба, сколько!

— Где ты, баушка, денег взяла?
«У оконца, на месячном свете,

* Проводник.

В почи зимние пряху пряха...»
Побренчали казной ее дети...

Старый дед, словно царь Соломон,
Раздал им кой-какую одёжу.
Патриархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу:

Величавая строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых плечах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:
— Здравствуй, дедко! «Живите здоровы!»
— Погорели? А хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?..

«Хлебу было сгореть мудроно»,
Отвечал патриарх неохотно:
«Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

«А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — овалит волосенки.
Уцелел — из двенадцати — конь,
Из семнадцати — три коровенки».

— Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали!
«Ссблзняли они мужиков,
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, ссторожно поставил.
Я сказал: — Госпошадней огня
Нет врага — ничего не оставил!

«Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без дерева-то в мире
И оставила нам на гроба
Эти сосны... (Их было четыре)...»

[20—21 июля]

III У ТРОФИМА

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей;
Кони бережно ступают,
Рски палило с дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчит Трофим,

Он сказал мне: «месяц в себе
Словно сайка на столе»—
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем... едем... Тучи выются
И бегут... конца им нет!
Если разом все прольются —
Поминай, как звали свет!

Вот и наша деревенька!
Встрепенулся спутник мой:
«Есть тут валенки, падежь-ка!»
— Чаю! рому!.. Всё долой!..

Вот погашена лучина,
Ночь, но сба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

— Что ты охаеть, Степаныч?
«Страшно, барин! мочи нет.
Вспомнил то, чего бы на-почь
Вспоминать совсем не след!

«И откуда чорт приводит
Эти мысли? Берошо,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

«Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея, веришь ли? трещит!

«Только стапу забываться,
Голос барина: Трофим!
Педоимку! Кувыркаться
Начинаю перед ним...»

— Страшно, видно, воротиться
К недалекй старине?
«Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

«И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник палетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит — и укатит!

«И теперь в кваппе солома
Перемешана с мукой,
Да за то покойно дома,
А бывало — волком вой!

«Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

«Как томили! Как пороли!
Сыну сказывать начну —
Сын не верит. А давно ли?..
Дочку барином пугну —

«Девка прыснет, захохочет:
— Шутись, батька!» — Погоди!

Если только бог захочет,
То ли будет впереди!

— Есть у вас в округе пиколы?
«Есть». — Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы стали поумней.

— Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ...
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед.

[18 июля]

164

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже в полголоса мы не певали,
Мы — горемыки-певцы!
Под берегами мы ведро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость приходит — недуги да горе!
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла,

Прямо и смело направить бы лодку.
Сунься-ка!.. Сделаешь шаг,

А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)!

Я не дивлюсь, что стчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть.
Жить для все — надо силу железную,
Волю железную — сгнуть.

23 июля

165

НА ПОКОСЕ

(из «записной книжки»)

Сын с отцом косили в поле,
Дед траву сушил.
«Десять лет, как вы на воле,
Что же, братцы, хорошо ли?»
Я у них спросил.

— Заживили поляницы,
Отвечал отец.
«Кабы больше нам землицы»,
Молвил молодец:
«Я работал бы прилежно
И поменьше пил».
«Неужно, да улежно» *
Дедушка решил...

5 августа

166

ПРОРОК

Не говори: «Забыл оп осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!...»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

* Пословица (Ярославской губернии), которую можно истолковывать так: не сытно, да покойно.

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он — и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

Его еще покамест не распяли,
Но час придет — он будет на кресте;
Его послал бог гнева и печали
Царям земли напомнить о Христе.

В избе лесника на 125 версте
М. ж. д., ночь 8 августа

167

ГОРЕ СТАРОГО НАУМА

(ВОЛЖСКАЯ БЫЛЬ)

I

Науму паточный завод
И дворик постоялый
Дают порядочный доход.
Наум — не глупый малый:

Задаром сняв клочек земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —

Так обраден нагой пустырь
В картофельное поле...
Вблизи — «Бабайский» монастырь,
Село «Большие Соли»,

Недалеко и Кострома.
Наум живет — не тужит,

И Волга-матушка сама
Его карману служит.

Питейный дом его стоит
На самом «перекате»;
Как лето Волгу обмелит,
К пустынной этой хате

Трона знакома бурлакам:
Выходит много «чарки»...
Здесь ходу нет большим судам;
Здесь «паузятся» барки.

Купцы бегут: «помогу даи!»
Наум купцов встречает,
Мигнет народу: не плонай!
И сам не оплошает...

Кипит работа до утра:
Всё весело, довольно.
Итак, нет худа без добра!
Подумаешь невольню,

Что ты, жалея бедняка,
Мелешь год от года,
Благословенная река,
Кормилица народа!

II

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,
И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги

Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво,

А месяц медленно плывет,
А Волга чуть лепечет.
Чу! резко свиснул пароход;
Бежит и искры мечет,

Ущелья темных берегов
Стогласым эхом полны...
Не всё же песням бурлаков
Внимают эти волны.

Я слушал жадно иногда
И тот напев унылый,
Но гул довольного труда
Мне слаще слышать было.

Увы! я дожил до седни,
Но изменился мало.
Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

III

Мечты!.. Я верую в народ,
Хоть знаю: эта вера

К добру покамест не ведет.
Я мог бы для примера

Напомнить лица, имена,
Но это будет смело,
А смелость в наши времена —
Рискованное дело!

Пока над нами не висит
Ни тучки, солнце блещет,
Толпа трусливого клеймит,
Отважным рукоплещет,

Но поднял бурю смелый шаг, —
Она же рада шикать,
Друзья попрячутся, а враг
Спешит беду накликать...

О, Русь! . . . . .
. . . . .
Живая кровь в твоей груди
Иль только гной тлетворный?

IV

Науму с лишком пятьдесят,
А ни детей, ни жонки.
Наум был сердцем суховат,
Любил одни деньжонки.

Он говорил: «жениться — взять
Обузу! а «сударки»
Еще тошней: и время трать,
И деньги на подарки».

Опровергать его речей
Тогда не приходилось,
Хоть, может быть, в груди моей
Иное сердце билось,

Хотя у нас, как лед и зной,
Причины были розны:
«Над одинокой головой
Не так и тучи грозны,

«Шускай лентяи и рабы
Идут путем обычным,
Я должен быть своей судьбы
Царем единоличным!»

Я думал гордо. Кто не рад
Оставить миру племя?
Но я родился невпопад —
Лихое было время!

Забыло солнышко светить,
Погас и месяц ясной,
И трудно было отличить
От ночи день ненастной.

Гром непрестанно грохотал
И вихорь был ужасен,
И человек под ним стоял
Испуган и безгласен.

Был краткий миг: заря зажгла
Роскошный край лазури,
И буря новая пришла,
На смену старой бури.

И новым силам новый бой
Готовился... Усталый,
Поник я буйной головой.
Погибли идеалы,

Ушло и время... Места нет
Желанному союзу.
Умру — и мой исчезнет след!
Надежда вся на музу!

V

Стреляя серых куликов
 На отмели песчаной,
 Заслышу говор бубенцов
 И свист, и топот рьяной,

На кручу выбегу скорей:
 Знакомая тележка,
 Нарядны гривы у копей,
 У седока — усмешка...

Лихая пара! На шлеях
 И бляхи, и чешуйки.
 В личных, высоких сапогах,
 В солидной, синей чуйке,

В московском, новом картузе,
 Сам правя пристяжною,
 Наум катит во всей красе.
 Увидит — рад душою!

Кричит: «Довольно вам палить,
 Пора чайку покушать!..»
 Наум любил поговорить,
 А я любил послушать.

Закуску, водку, самовар
 Вносили по порядку
 И Волги драгоценный дар —
 Яптарную стерлядку.

Наум усердно предлагал
 Рябиновку, вишневку,
 А, расходившись, обивал
 «Смоленую головку».

— Ну, как делишки? «В барыше»,
 С улыбкой отвечает.
 Разговорившись по душе,
 Подробно исчисляет,

Что дало в год ему вино
И сколько от завода.
«Накопчено, насолено —
Чай хватит на три года!

«Всё лето занято трудом,
Хлопот по самый ворот.
Придет зима — лежу сурком,
Не то послу в город.

«Начальство — други-кумовья,
Стрясись беда — поправят;
Работы много — свисну я:
Соседи не оставят;

«Округа вся в горсти моей,
Казна — надежней цени:
Ужь нет помещичьих крепей,
Мои остались крепии.

«Судью за денежки куплю,
Умилюстивлю бога»...
(Русак природный — во хмелю
Он был хвастлив немного)...

VI

Полвека прожил так Паум
И не тужил ни мало,
Работал в нем житейский ум,
А сердце мирно спало.

Встречаясь с ним, я вспоминал
Невольню дуб красивый
В моем саду: там сети ткал
Паук трудолюбивый.

С утра спускался он не раз
По тонкой паутинке,
Как по кашату водолаз,
К какой-нибудь личинке,

То комара подстерегал
И жадно влек в объятия,
А, пообедав, продолжал
Обычные занятия.

И вывел, точно на показ,
Паук мой паутину.
Какая ткапь! Какой запас
На черпую годину!

Там мошек делье стада
Пашли себе могилы,
Попали бабочки туда —
Летушки пестрокрылы;

Его сосед, другой паук,
Качался там, замучен,
А мой — отъелся воп из рук!
Доволен, гладок, тучен,

То мирно дремлет в уголку,
То мухою закусит...
Живется славно пауку:
Не тужит и не трусит!

С Наумом я давпо знаком;
Еще как был моложе,
Наума с этим пауком
Я сравнивал... И что же?

Ужь округлился капитал,
В купцы бы надо вскоре,
А человек затосковал!
Пришло к Науму горе...

VII

Сидел он поздно у ворот,
В расчеты погруженный;
Последний свиснул пароход
На Волге полусонной,

И потянулись на покой
И человек, и птица.
Зашли к Науму той порой
Молодчик да девица:

У Тани русая коса
И голубые очи,
У Вани выются волоса.
«Укрой от темной ночи!»

— А самоварчик надо греть?
«Пожалуй»... Ни минутки
Не могут гости посидеть:
У них и смех, и шутки,

Задеть друг дружку норовят
Ногой, рукой, плечами,
И так глядят... и так шалят,
Чуть отвернишь, губами!

То вспыхнет личико у пей,
То белое, как сливки...
Посли гости калачей,
Отвели наливки:

«Теперь уснем мы до утра,
У вас покой, приволье!»
— А кто вы? — «Братец и сестра,
Идем на богомолье».

Он думал: — Врет! поди сманил
Купеческую дочку!
Да что мне? лишь бы заплатил!
Пускай почуют ночку.

Он им подушек пару дал:
— Уснете на диване.
И доброй ночи пожелал
И молодцу и Тане.

В своей коморке на часах
Поддернул кверху гири
И утонул в пуховиках...
Проснулся: бьет четыре,

Еще темно; во рту горит.
Кваску ему желалось,
Да квас-то в горнице стоит,
Где парочка осталась.

«Жаль! не пришло вчера на ум!
Да я пройду тихонько,
Добуду! (думает Наум)
Чай спят они крепонько,

«Не скоро их бы разбудил
Теперь и конский топот...»
Но только дверь приотворил,
Услышал тихий попот:

«Покурим, Ваня!» говорит
Молодчику девида.
И спичка чиркнула — горит...
Увидел он их лица:

Красиво Ванино лицо,
Красивее у Тани!
Рука согнутая в кольцо
Лежит на шее Вани,

Нагая, полная рука!
У Тани грудь открыта,
Как жар горит одна щека,
Косой другая скрыта.

Еще он видел на лету,
Как встретились их очя.
И вновь на юную чету
Спустился полог ночи.

Назад тихонько он ушел,
И с той поры Наума
Не узнают: он вечно зол,
Сидит один угрюмо,

Или пойдет бродить окрест,
И к ночи лишь вернется,
Соленых рыжиков не ест,
И чай ему не пьется.

Забыл наливки настоять
Душистой поленикой.
Хозяйство стало упадать —
Грозит урон великий!

На счетах спутался не раз,
Хоть счетчик был отменный...
Две пары глаз, блаженных глаз,
Горят пред ним бессменно!

«Я сладко шил, я сладко ел»,
Он думает уныло:
«А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...

7—10 августа. Лука

168

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е[рако]ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая — «страдания народа»,
И что поэзия забыть ее должна, —
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее смогли состарить годы!
Прощел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по выжженным лугам,

Оплакивать их рок, служить им будет муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил — и сердцем я спокоен...
Пусть паносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба...
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленьи...
«Довольно ликовать в наивном увлеченьи»,
Шепнула муза мне: «Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «в последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долготу пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Ужь вечер настает. Волнуемый мечтам,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полу-тьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,

И песнь моя громка!.. Ей вторят доли, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзвуки,
И лес откликнулся... Природа внимлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта —
Увы! не внимлет он — и не дает ответа...

15—17 августа

169

ПОЭТУ

(ПАМЯТИ ШИЛЛЕРА)

Где вы — певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача...

Толпа гласит: «певцы не нужны веку!»
И нет певцов... Замолкло божество...
О, кто жь теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венды с предательских голов,
Увлечших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усилиями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

1875

170

М. Е. САЛТЫКОВУ

ПРИ ОТЪЕЗДЕ ЗА ГРАНИЦУ

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь
И возвратись, собравшись с силой,
На оный путь — журнальный путь...

На путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхожденье купим
Трудом у мыслящих людей.

Трудом — и бескорыстной целью...
Да! будем лучше рисковать,
Чем безопасному безделью
Остаток жизни отдавать.

[12 апреля]

СОВРЕМЕННОКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О, друг-читатель мой?..

Конечно, нет! Конечно, нет!
Клевещет наш зоил.
Лакей принес пучек газет;
Я жадно их раскрыл,

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийд,
Встречаю слово: «юбиляр»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!
Стипендия... медаль...
Аренда... памятник... обед...
Обед... обед... О, враль!

Протри глаза!.. Иду к друзьям:
Готовит спич один,
Другой десяток телеграмм —
В Москву, в Рязань, в Тульчин.

Пошел я с ним «на телеграф».
Лакей, кучера,
Депеши кверху приподняв,
Толпились там с утра.

Мелькают крушные слова:
«Герою много лет...»
«Лякуй, Орел!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привет...»

Не мало тут «друзей добра»,
«Отцов» не перечесать,
А вот листок: одно — «ура!..»
Пора, однако, есть.

Я пришел в трактир и тоже
Счет терлю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
Ты укор послала нам?..

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.

Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.

Заказав бульон и дичи,
Корридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи,
На пирующих гляжу:

Люди заняты в трактирах,
Не мешают... я и рад...

Зала № 1

В первой зале, все в мундирах,
В белых галстуках, стоят.
Юбиляр-администратор,
Древси, весь шпьем залит,

Две звезды... Ему оратор,
Тоже старец, говорит:
«Ты отец! До населенья
Добр и милостив ты был,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты герой — до кассы частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и... ура!..»

Вдруг курьер вошел, сияя,
Засиял и юбиляр.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик...
Я сделал шаг... открылась
Другая дверь — на миг,
И тут героя чтили,
Кричали много лет!
Герою подносили
Магницкого портрет:
Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей!

Исчезла сцена славы —
Захлопнула дверь лакей...

№ 3

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших нет.
Две бриллиантовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды...
Чудо!.. Несколько ребят
С упоением невесты

На сокровища глядят.
(Были тут и лицеисты,
И пажи, и юнкера,
И незрелые юристы,
И кунцы... et cætera...)

— Чудо! дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летами удрученный,
Упадает на диван...

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.
По устройству верхней губы,
Он — бульдог; с оскалом зубы,
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало,
Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
Льет в себя вино.
Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водевиль посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его
Был шутком Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.
Презирает аксельбанты,
Не охотник до чинов.
Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С лязгом своим проворным,
С дерзким смехом, в век ишой
Был бы он шутком придворным,
А теперь он — шут простой.

«Да! дары такие редки!»
Восклицает князь Иван:
«Надо sprыснуть... sprыснуть, детки!..
Наливай полней стакан!..
Нет, стой! В начале пира
Совершим один обряд:
Перед нами пет кумира,
Но... и камни говорят!
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно преклониться
Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван;
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, во след за командиром,
Приложились юнцы
К бриллиантам и сафирам...

— «На колени, молодцы!
Гимн!..»

Глядит умилым взором
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

Мадонны лик,
Взор херувима...
Мадам Жюдик
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Заехать в Буфф —
Одна утѣха.

Восторга крик,
Порыв блаженства...
Мадам Жюдик
Верх совершенства!

№ 4

«...Первоприсутствуя в сенате,
Радел ли ты о меньшем брате?
Всегда ли ты служил добру?
Всегда ли к истине стремился?..»

— «Позвольте-с!»

Я посторонился
И дал дорогу осетру...

№ 5

Большая зала... шума нет...
Ученое собрание,
Агрономический обед,
Вернее — заседание.
Встает известный агроном,
Член общества — Коленов
(Докладчик пасмурен лицом,
Печальны лица членов.)
Он говорит: «Я посвятил
Досуг мой скотоводству,
Я восемь лет в Тироле жил,
Поверив превосходству
Швейцарских, английских пород,
В отечестве любезном
Старался я улучшить скот
И думал быть полезным.
Увы! напрасная мечта!
Убил я даром годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
В крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
«Работать много, мало есть» —

Основа всковал!
Печальный вид: голодный конь
На почве истощенной,
С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальней что-нибудь
Получится в итоге...
Покинул я опасный путь,
Увы! на полдороге...
Трудитесь дальше без меня...»

— «Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закреть собрания наши!»
Сказал ученый президент
(Толстяк, зашлывший жиром):
— «Разделим скромный дивиденд
И разойдемся с миром!
Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу...»

«Закреть! закрыть, хотя и жаль!»
Решило всё собрание:
И дать Коленову медаль:
«За ревность и старанье».
«Ура!.. Подписку!»... Увлеклись —
Не скупно подписали, —
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 6

Шаг вперед — и снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принес на подвиг свой,

Но пошел ко дну, как камень,
Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов...
Были б чудо-результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья!..
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей...
Ты поклялся, как заразы,
Новых опытов бежать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступил...»
Лакей суровый
Дверь захлопнул, как на зло.

№ 7

Я вперед... Из зала повой
Мертвечиной понесло...
Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господин Ветхозаветный
Говорит:
«Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте —
Новость, повесть, господи!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы... Наконец,
Отозвался и Тяпушкин,
Скромный труженик-певец:
Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгаш.

Грязный синенький листочек,
А какие перлы в нем!..»

— Прочитай-ка хоть кусочек!
Закричали...

«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец:
Где иной считал бы звезды,
Он...» — Читай же! — Начал отец:

Отрывок из путевых заметок юноши тяпушкина,
веденных им во время разъездов его по России
по делам отца

(Найден случайно между оберточной бумагой в лавке
купца С. С. Подтекина; подлинник — собственность
Зосима Терентьевича Ветхозаветного).

На реке на Свири
Рыба, как в Сибири.
Окуни, лини
Средней долины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колени
Отморозил обе,
А прибыв в Ирбит,
Дядей был прибит...

— Превосходно! поэтично!..
Каждый в лупу смотрит лист.
«И притом характерично»,
Замечает журналист:
«То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!»
И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.
Приложил — и к делу рьяный

Примечание строчит:
«Отморозил ноги — пьяный
И — за пьянство был побит;
Чужды нравственности узкой,
Не решаемся мы скрыть
Этот знак натуры русской...
Да! «веселье Руси — пить»!..

Прим. ред.

«Ужь знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу...»

— Не снабдите ли портретом?

«Дорогонько... погляжу...
Случай редкий! Мы России
Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двосточпе над і;
Можно будет в духе «Миши»
Предисловье написать:
*Поцадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..*
Позавидует Бартенев
И Ефремов зашипит,
Но заметку сам Тургенев
В «Петербургских» поместит...»

— Верно! дарь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецам:
Все живые интересы
Уступают поле нам...

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы

В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!
Дарованием богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..

Вместо влаги искрометной,
Пили за-просто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:

«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорей!..

№ 8

«Получай же по проценту!»
Говорит седой банкир
Полицейскому агенту:
«В честь твою сегодня пир!»
Рад банкир, как сумасшедший;
Все довольны; сыщик пьян;
От детей сюда зашедший,
По знакомству, князь Иван
Держит свич:

— «Свои законы
Есть у века, господа!
Как пропали миллионы,
Я подумал: не беда!
Верьте, нет глупей несчастья:
Потерять последний грош —
Ни прощай, ни участь,
Хоть повесься, не найдешь!
А украдут у банкира

Из десятка миллион —
Растревожится полмира...
«Миллион!..» Со всех сторон
Сожаленья раздадутся,
Все правительства снесутся,
Телеграммами в набат
Приударят! Все газеты
Похитителя приметы
Многократно возвестят,
Обозначат каждый прыщик...
И глядишь: напелся вор!
На два дня банкир и сыщик —
Самый модный разговор!
Им улыбки, им поклоны,
Поздравленья добрых душ...
Ужь терять — так миллионы,
Царь вселенной — куш!..»

№ 9

Чу! пенье! Я туда скорей,
То пела светская плеяда
Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальной зале...

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
У Марьи Львовны
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
«Народный праздник».
Купил корову
Один проказник:

«— Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

С народом нужны
Иные шансы...»
В саду корова
Поет романсы,

В саду толпится
Народ наивный,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу...
Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду...
Ее призванье —
Служить народу!

№ 10

Слышен голос — и знакомый —
«Ананас — не огурец!»
Возложили гастрономы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:
Над какою-то сосиской
Произносят приговор.
Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,
Тычут градусник в бокалы...
«Как! четыре — ветчине?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду повую сосиску
Каждый день изобретать,
Буду миссии без риску
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюся, как верблюд,
И засну на веки мирно
Между двух изящных блюд...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

ТРАГИ-КОМЕДИЯ

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
Кто жь они — с моим чуланом
Рядом — пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Всё тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит...

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,

В группе директоров Шкурин сидит
(Синяя чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы —
Савва Антихристов — спич говорит.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак).

— «Да, господа! самородок-русак
Стоит немецких философов пары!
Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

«Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиней
В младости дергал щетину.

«Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

«Стал я теперь богачем;
Дом у меня, как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свиная щетинка!..»

«Великорусская, меткая речь!..
С детства умел он добыть и сберечь.
Сняли мы линию; много заботы:
Надо сдавать земляные работы.
Еду я раз по делам в Перекоп,
Вижу, с артелью идет землекоп.
— Кто ты? «Я — Федор Никифоров Шкурин».

(Обращается к Шкурину)

Чокнемся! Выпьем, христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют)

«Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки, с одним «газомером»,
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!
Земли кругом тут дворянские были —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый «кустарь»,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданию из пеньев смолу,
Брали морошку, оленки солили
И говорили: «нейдем в кабалу!»
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут «рабочего».
Как же создашь его? Шкурин не спит:
Земли, озера, болота, графит —

Всё откупил у помещика,
«Всё — до последнего лещика!»

(Как энергически сам говорит).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Как из под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
Разом понизился труд!..

«Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в стени безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделяя с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды,
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель.
И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
С находчивым «янки». А я, между тем,
Покамест здоровье подрядчика пили,
Успел присмотреться ко всем:
Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палате, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,

Они посвящают досуг интересам
 Коммерческих фирм на паях.
 Тут были плебеи, пз праха и пыли
 Достигшие денег, крестов,
 И рядом вельможи тут русские были,
 Погрязшие в тине долгов
 (То имя, что деды в безумной отваге
 Прославили — гордость страны —
 Они за пай подмахнут на бумаге,
 Не стоящей трети цены)...
 Сидели тут важно, в сознании силы
 «Зацепя» и «Савва» — столпы-воротилы
 (Зацепя был мрачен, а Савва сиял).
 Тут были банкиры, дельцы биржевые,
 И земская сила — дворяне степные —
 Тут было с десятков менял.
 Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
 Остзейские, русские, прусские немцы,
 Евреи и греки и много других —
 В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
 Банкирские фирмы у них —
 На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
 Копчаются прозвища их.
 Зацепя — красивый старик белокудрый,
 Наживший богатство политикой мудрой —
 Был сборища главным вождем.
 Профессор, юрист, адвокат знаменитый
 И два инженера — с ученым значком —
 Его окружали почетною свитой.
 Григорий Аркадьич Зацепин стяжал
 В коммерческом мире великую славу
 И львиную долю себе выделял
 Из каждого крупного дела по праву.
 Сей старец находчив, умен, даровит,
 В нем чудная тайна успеха таится,
 Не даром он в каждом правлении сидит...
 Придет вам охота в аферы пуститься,
 Старайтесь его к предприятью привлечь —
 Пойдет как по маслу!..

Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор,
Меняло — писклива была его речь:

«Мм. гт.

«Времена наступают тревожные,
Кризис близится: мало дают
Предприятия железно-дорожные,
Банки тоже не бойко идут:
«Половину закрыть не мешало бы!»
Слышен в публике хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выдти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
Всё обдуманно — дело готовое,
Стоит только устав сочинить.

*(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает
с одушевлением)*

Мысль — «Центрального Дома Терпимости»
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский делковыми вымости,
И на то я согласие дам!
Вам порукою наше серьезное
Отношение к делам вообще,
Что развитие ей грандиозное
Мы надеемся дать не вотще:
Лишь бы нам разрешили концессию...
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию,
Двинем дело на всех парусах!
Нет сомненья, что цель учреждения
Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все, кутящие ныне в разброд!
Предприятия с точки вещественной
Невозможно вернее желать,
Равным образом, с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.

Без пазора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы найдем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.
Будет много у нас подражателей,
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде...»

— В тихом омуте водятся черти!
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затей менял
И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Перешительным, сдержанным гулом,
Ждали мисья Зацепы-столпа.

«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
Ново... странно... до дерзости смело...
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пролагатели новых путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...»

«Браво!» Залп громоподобный...
На арену вышел Грош
И проекту спич надгробный

Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!»
Он язвительно сказал.
Пренья были долги, страстны,
Впрочем, я их не слышал,
Я заснул...

Мне спились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощупав мой карман,
Я проснулся...

Шумно... В уши
Словно бьют колокола,
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,
Долго мне понять мешал
Этот крик и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
Вижу жжонку недопитую,
Землянику, виноград.
К англичанину с объятьями
Лезет русский человек.
— Выпьем, Борух! Будем братьями!
Говорит еврею грек.
Кто-то низко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобил... Всё пьяно!..

Я попял: кончили дела
И на распашку закутили.
Одни сидели у стола,
Другие парами ходили.
Сюда пришел и князь Иван
И, на диване отдыхая,
Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.
Старик с друзьями продолжал
Пить вдохновляющую жжонгу
И мимо шедшим посылая
Свои любезности в догонку.
Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
— С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен?
«Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду...»
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись до упаду,
Другие хмурились... Журча,
Лился поток суждений, споров...
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа...

1-й голос

Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Примах,
Знай наладил: Цах да Цах!
Образец непроходимых
Государственных перях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на мель в море
И на суше не топил.

2-й голос (*князя Ивана*)

Чу! как орут: «Казань!..», «Ветлуга!..»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов...
Одно тут каждый понимает,
Что на пути до рудников
Постлать соломки не мешает!

3-й голос

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны, как тать, проникал,
У сонных сосчитывал поги,
Чтоб видеть: придется или нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и пог
Считать ничего он не мог!..

голос князя ивана (*кому-то навстречу*)

Сотню рублей серебра
В день получаю...
Сорок четыре ребра
В сутки ломаю...
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайпой.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность...
(Так! господин инженер!
Благодарим за любезность).
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и поги:
Надо врачей пасагать
На протяженьи дороги,
С правого боку возвесть
Раненым пужно жилища,
А для убитых отвесть

С левого боку кладбища.
Так-с! Выражался точней,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей...
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,
Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:
Вместо того, чтоб зевать,
В наших пустынях унылых —
Вперед до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

а в о е (4-й и 5-й) (проходя мимо двери, не громко)

— Вам дадут пай строители,
Я готов держать пари
На тыщенку! Не хотите ли?
— «В чем же дело, говори!»
— Это — путь из самых прибыльных,
Но, ведь, это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных...
Понимаете теперь?
— «Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить!»

голос князя и вапа (кому-то в догонку)

Пестрый галстук с черным фраком,
Ряд печищенных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан

Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!
И на нем дух века виден,
Он по трусости — скупец,
По невежеству — бесстыден,
И по глупости — подлец!

6-й голос

За что швырнул в меня он карточкой своей
И завтра обещал прислать мне секунданта?
Ведь, я не отрицал у Душкиной таланта,
Я только говорил, что Радина милей!
Военный человек, не спорю я, прекрасен,
Но дальше от него держаться должны нам.
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.

ГОЛОС КНЯЗЯ ИВАНА (*кому-то навстречу*)

Тысяч восемьдесят в банках
Получает этот франт,
Он живет бессменно в санках —
В этом весь его талант.
Есть другой счастливец в мире,
Полу-немец, полу-грек,
Получает *сто четыре*...
Заурядный человек!
Дай мне легонькие сапки
И рысистого коня,
Я и сам все наши банки
Облечу в теченье дня!

7-й голос

Человека накачали
И забыли... Как тут быть?
Если нет дыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — *до протокола*,
Середины не люблю!

ГОЛОС КНЯЗЯ ИВАНА

На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.
Экой ратоборец!
Железнодорожник,
И гостиниодворец,
И во всем — художник!

8-й голос

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Межь собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло! я отстал.

ГОЛОС КНЯЗЯ ИВАНА (*кому-то в догонку*)

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклошники в нем видели мессию;
Попал на министерский стул
И — наглушил на всю Россию!

9-й голос

... Говорю: помиритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Литейной такое есть здание,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие —
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, посевший во блески,
Так копался в моем поведении,

Что с натуги в истерику впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Восклидал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»

Невеселое вышло решение.
Без лишения прав заключение.
Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10-й голос

Печать? У пей строитель — вор!
Железные дороги — душегубки!
Суды?.. По платью приговор!
А им любезны только полушубки.

Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званию...

Как? под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11-й голос

Не щадят ни заслуги, ни звания!
Адвокатам одним только рай:
За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

голос князя ивана (*кому-то в догонку*)

Не люблю австрийца!

Думается мне:

Вот — сыноубийца!

Чу! призыв к войне!

Брошены парады,

Дети в бой идут,

А отцы подрады

На войска берут...

Юные герои
Гибнут в каждом бое,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим прусак?
Дети! вас надули
Ваши старики:
Глиняные пули
Ставили в полки!

Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.
Вот подходят к самой двери,
Продолжая рассуждать:
— Мне «товарища на вере»
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты один.
Выручай! ты — безупречный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
«О процентах» заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблену кумом был.
Ты — художник по натуре...
— «Не желательно прослыть
Подставным в литературе...»
— Вот нашел о чем тужить!
Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спроса нет на них.
Погляди: моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже

И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Генкель, есть же Гопше...
Ты бы ярче их сил!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся! —

Еврей

Отвечает, убежденно
Начиная уступать:
— «Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
Я готов, но — бог свидетель —
Я от грамоты отвык...»
— Тут нужна лишь добродетель!
Восклицает биржевик...

— Дай еще им пять бутылок!
Испустил внезапный крик
Некто — стриженный затылок,
Голова «à la мужик».
Рост высокий, стан не гибкой,
А лицо... странней всего,
Как не высекли ошибкой
По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тароватому затылку
Лестью выпалил в упор:
— Сколько вы божьих храмов построили!
— Сколько выдали замуж невест!
— Сколько вдов и сирот успокоили!
— Сколько роздали пенсий и мест!
— «А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков!»

Поправляя очки свои синие,
Заключил запеваю льстецов:
— «На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам.
Были люди в Европе, Америке,
А таких не встречалось и там!»

— Будто? Вот как! Скажите! Неужели?
Воскликнул осовевший герой;
— Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...

И всючили «орлы» его верные.
И героя домой повели...

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее владимирский крест).
С телеграммами, свичами, звонами
Колокольными — ездит и ест
Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львиными
Наделяется... Чем не герой?..
Есть, однако, и мненья противное:
Говорят у него никаких
Дарований, богатство фиктивное;
Говорят: он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре искусных дельца
В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.

Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смиренные,
Обрывают их с него,
И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...

Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрот!

ГОЛОС КНЯЗЯ ИВАНА (*навстречу вновь вошедшему*)

А! Авраам изыскатель!
Мимо прошел: не узнал,
Чем возгордился, приятель?
Я пастухом тебя знал...

Лота отца попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает
И, возвратясь, говорит:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сын!
Дети! купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделася в шубку,
Янкель за шапкой бежит,
Едут смотреть на покунку —
Лошадь с натуги хрипит,

Местность всё ниже и ниже,
Множество кочек и ям,
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трупил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подъехав к крыльцу:
«Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» снова сказал.

Янксль и Лота не рады,
Думают: глупость опять!
«Взял я большие подряды!»
Берка пустился плясать.

«Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля... без гроша...
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка — давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятип!..

Чу! песня! Полные вином,
Два инженера ликовали
И пели песенку о том,
Как «непретонного» сломали:

Я проект мой излагал
Ясно, непреложно —
Сухо молвил генерал:
«Это невозможно!»

Я протекцию съискал,
Всё обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
«Это очень трудно!»

В третий раз понять я дал:
Будет — гривна со ста,
И воскликнул генерал:
«Это — очень просто!»

ГОЛОС КНЯЗЯ ИВАНА

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине ни по чем.
Добиваясь генеральства,
Мнит высоко о себе.
«Плутоватость и нахальство» —
Два слова в его гербе.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет...
Всё равно, что резать сошных —
Обирать народ!

Слышны толки: «леность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спрос на водку и барду»,
А у местного вопросы
«Всесословные» в ходу,
Граф Давыдов, князь Лобанов
В центре этого кружка
Изагают пользу планов,
Неудавшихся пока.

«Вся беда России
В недостатке власти!»

Говорят витии
По сословной части.

— «Мало толку в словопреньи,
Грянул некто Хватунов, —
Лучше петь об орошеньи
(Была ужь он давно «готов»).

ПЕСНЯ ОБ ОРОШЕНИИ.

Комитету «Поощренья
Земледельческих Трудов»
Сделать опыт орошенья
Наших пашень и лугов

Предложил я: спарядили
Две комиссии в наш край
И потом благословили,
Дали денег: «Орошай!»

Я поехал за-границу,
Пожурировал; затем,
Начал сеять свекловицу.
Время мчалось, между тем,

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею, что ни год.
Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение идет?»

— «При ближайшем наблюденьи»,
Отвечаю в комитет:
«Нахожу, что в орошеньи
В нашем крае — нужды нет,

— «Труд притом безмерно дорог...»
Согласился: Нет нужды!
А задаток — тысяч сорок —
За поспельные труды

Комитет — не без участия
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я оросил!..

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...

Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он пел иные песни,
Искандер был друг его,
Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под опалой в опы годы
Находился демократ,
Друг парода и свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот!..

Вот другой — слывет за чудо:
Говорун и остролов,
(«Леонид» — ему покуда
Кличка у тузов).
Он машинным красноречьем
Плутократию дивит;
Никаким противоречьем
Не смущаясь, говорит
В интересах господина.
Заплати да тэму дай,
Говорильная машина
Загудит: поднимет лай,
Будет плакать и смеяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовского ссылаться,
Марксом тону задавать.
Предпочтя ученой славе
Соблазнительный металл,
Леонид сперва при Савве
На посытках состоял,
Подавал ему «индейки»
(И сигары — иногда),
Знал к редакторам лазейки,
К представителям суда,
Составлял «записки», «мнешья»,
Сплетни прессы отражал,
И в директоры правленья,
Наконец, попал!
Тут ужь торная дорога:
Нахватав десяток мест,
Как за пазухой у бога,
Он живет; по барски ест,
На балы к копцесьюнерам
Возит куколку-жену
И поет акционерам
Вечно песенку одну;
Смысл известный: «дивидендов
Нет покамест — ожидай!
И не медля шесть процентов

Нам в награду отчисляй!»
Кризис: дело не спорится,
Денег нет, должны кругом,
В дверь правления стучится
С исполнительным листом
Пристав: кассу запирает,
Мебель штемцелем клеймит.
Леонид не унывает
И цинически острит:
«Мат, конечно, предприятию,
А правленью — не беда!
Стул с казенною печатью
Так же мягок, господа!..»

Нынче счету нет артистам,
Что таким путем пошли,
И на помощь аферистам
Силу знания принесли.
Всякий план, в основе шаткой,
Как на сваях утвердят:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят!
Дело их — стоять на страже
«Государственных идей».
Нет еще идеи даже,
Есть один намёк о пей,
Уж бегут они к патронам,
Выговаривают пай.
Начинают скромным тоном:
«Нужный банк»... «Забытый край»...
Дальше — громче прозаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернув до дна,
Чудо сделают из крад,
Этнографией блеснут,
И статистика такая...
Где они ее берут?

Аргумент экономический,
Аргумент патриотический,
И важнейший, наконец,
С точки зрения стратегической
Аргумент — всему венец!..

Из пяти одна затея
Удалась — набит карман!
А гуманная идея
Отошла на дальний план.

Новый туз-богач — в итоге,
И сказались барыши
Лишней гривною в налоге
С податной души...

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу, и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!
Предприимчивостью чудной
Преисполнились сердца,
Нет теперь задачи трудной,
Каждый план найдет дельца.
Запрудят Неву, каналы
По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия
Тайну жизни, наконец:
Тайна жизни — гарантия,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
Автокольский! извай!

*Гарантию и субсидию,
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый, и герой;
Пусть идут израильтяпе
И другие пришледы,
И российские дворяне,
И моршанские скопцы...*

Беседа кипит, не смолкая,
И льется рекою вином,
Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепил в ударе, как воду,
Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вистует ему и лисит.
Из оперы новые лица
Явились; затеялся спор:
Которая выше певица,
Который пошлее актёр.
Веселый толстяк, краспорожий,
Хочет Иванушка шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут.
«Да-с, наша трона не без терний!
Энергия — свойство мое,
Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее?..»

Но был один — он общества чуждался;
Построивши дорогу в восемь верст,
На собственном величьи помешался
Остзейский туз — барон фон-Клоппенгорст.
Он вынуждал к невольному респекту —
Торжественность в осанке и в лице;

Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется он — в тоге и венце.
Он не сгибал своей баронской выи
Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России
И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картинно, грандиозно
И шумный пир эффектно оттенял.
Он пил один, пасунив брови грозно,
По слову в час медлительно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать... глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
Что долг других давать ему простор.
Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»...

Остроумная случайность!
На соседа не похож,
Представлял другую крайность
Эдуард Иванович Грош —
Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его пискливый
Раздается там и тут,
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте,
Слышит — кто-то говорит:
— Нужно завтра акций двести...
«На наличность? на кредит?..»
По рукам в минуту хлопнул
И бежит туда бегом,

Где услышал слово: лопнул.
«Кто? Какой торговый дом?..»
— Лопнул — шар!..

Зимою в санках

Вечно встретите его;
Он на бирже, в думе, в банках,
Нет собранья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему песут,
Как револьвер шестиствольный,
Он заряжен! С виду шут,
Он не-спроста бьет баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!
Что вам нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, дом,
Капитал?... Рекомендую:
Не ударит в грязь лицом!
Честолюбье-ль вас тревожит?
Он карьере даст толчок,
Даже выхлопотать может
Португальский орденюк!
По руке пригнать перчатку —
Дело Гроша! Всюду вхож,
Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели из мрака
Случай, ловкость и родня,
Не выходит он из фрака,
Пробудясь, кричит: коня!
В девять рыщет по трущобам,
Идет нужного дельца,
В десять — шествует за гробом
Сановитого лица;

До двенадцати — в передних
У влиятельных господ,
В час — в приюте малолетних,
Где молебни и отчет.
В два — за завтраком с кокоткой
(Он — кокоток первый друг),
С трех — на бирже... День короткой —
Победать недосуг!
Вечер: два, три комитета,
Оперетка и балет
И у дамы полусвета
За рулеткой — дня рассвет!

Тише!.. новый гость явился;
Все вскочили, сам барон
Клоппенгорст пред ним склонился,
Подав руку... Кто же он?

Кто он? Действуя практически,
Я обязан умолчать,
Но могу аллегорически
Петухом его назвать.
Нет вернее аттестации:
Золото клюет —
Возвращает... ассигнации!
Плавно он идет

С видом скромного достоинства:
Словно пред вождем
Дрессированное воинство,
Смогло всё кругом...

Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдвинул,
Пошутил с Эдуардом Ивановичем:
«У! как бледен! Опять пошалил?»

— «Испугался проекта Дерницына:
Об общественной пользе поет,

А в душе — идеалы Плотицьпа!
Зазевайся — . . . . . »

А затем, неизвестность полнейшая!
К сожаленью, беседа дальнейшая
Шла вполголоса... «Время на бал!»
Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
На минуту сел,
И тогда четыре слова
Я поймать успел.
«Нужно выждать две недели»,
Савве он сказал:
«Нужно выждать: не созрели...»
И, допив бокал,
Вышел...

Экс-писатель бледнолицый
Появился Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов
И друзьям поклон собрата
Из Италии привез.
Вожделений плутократа,
Так сказать, апофеоз
Совмещал в себе фон-Руге:
Ухватив громадный куш,
Он ушел — на светлом юге
Отдыхать. «Великий муж!»
Говорят ему вигни:
«Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
На такие высоты
Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»
Не без чувства и азарта,
Устремляя очи в даль,

Рассказал турист свиданье
С удалившимся дельдом;
Было общее молчанье,
Пел рассказик соловьем:

Я посетил отшельника Севилья,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть;
Пред ней поэт преклонится — в бессильи
Вообразить прекрасней что-нибудь!

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,
И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа;
Его девиз: я не делюсь ни с кем!

Он этим был глубоко опечален
И, наконец, соседа победил:
Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;
Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему...
Кругом цветы... искусственные воды...
Его оркестр обходится ему

В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал,
И, так сказать, оркестру внемлет solo,
Вот жизнь его... вот жизни идеал!..

«По такому идеалу
Может только жить — кретин!»
Вдруг сказал вошедший в залу
Незадолго господин.
(Съумасшедший или гений?
Возникал в уме вопрос,
После кратких наблюдений
Над вошедшим): «Он унес
Из России миллионы
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ
Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!
Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!
У него в груди есть рана,
Напесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он
С императором французским,
За серебряный миллион
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...
Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!
И теперь о том герое
(Не забавный ли пассаж?)
В целом мире плачут трое —
Сын, жена... да Руге наш!
Пожалей честная публика!
Где купить высокий сар?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
На продажу... а Германия?...
Он и так — немецкий фон...
Таковы его страдания...

Где же счастье?.. Дурень он!

Дайте мне его мильоны,
Я бы им протер глаза!
Не всякие балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замышлял;
Здесь в великом человеке
Гений видимо дремал,
Но и в малом человечке
Он не дремлет иногда:
Нужен порт... *на Чорной речке!*
Вот идея, господа!
Все другие планы к чорту!
Составляйте капитал:
Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!
Подойдут вагон и барка
И корабль... Славай, грузи!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я ужь рельсы дал дорогам,
Я войскам оружие дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
С деньгами, с гением
Чудным движением

Русь оживим.
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!

Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.
Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
Но беспоплиным железом

Не хочу я торговать.
Металлических заводов
С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!

*(Уходит быстро и с эффектом,
еще в комнате надев шляпу)*

ГОЛОС КНЯЗЯ ИВАНА

Появился метеором,
Метеором — и пропал!
Никогда он не был вором,
А людей с сумой пускал.
У него своя контора:
«Переписки векселей»,
Нужно штат удвоить скоро.
В день до тысячи рублей
Платит он одних процентов.
То-то жизнь! топи камин
Грудой старых документов,
Да на новых ставь: *Ладьян*.
А в стяжании не грешен,
Сам последнее отдаст... .

ЧЬЕ-ТО ЗАМЕЧАНИЕ

Но зато, ведь, он помешан?

ГОЛОС КНЯЗЯ ИВАНА

Нет, большой энтузпаст!
Занимая всюду деньги
И пристроить их спеша,
Ищет он по *шанке Сеньки*...
Идеальная душа!..

В летний день, у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждет...
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали зашли бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
На подбор красавцы-мужики,
«В шелковых рубахах!» шепчут бабы.
— «Глянь: и Савва!» гаркнула толпа.
С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бичевою
Тянет барку... К пристани приплы...
Отслужив молебен чередою,
Пировать в палатку побрели.
В торжестве открытия канала
Сам министр участие принимал,
Но не струсил Саввушка ни мало —
Речь его сиятельству сказал!
Бы тогда вельможа этот в силе,
Затевал громадные дела...
Эта речь «в народном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.
Ныньче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи вписать;
Савву бог сподобил даром слова
На Руси богатство приобрести!

Но, начав карьеру бичевою,
Любит он простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на капале...
Выпив тост за «братьев мужиков»,
Он запел... что было русских в зале
Подожли — и стройный хор готов:

В ГОРУ

(БУРЛАДКАЯ ПЕСНЯ)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Кама поем
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напред!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денёк!
Эка жара!

Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не довелили?

Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напред!..
Кости трещат!
На печь бы лечь
Зиму проспять,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денёк!
Эка жара!

Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!

Нет те конца!..
Эдак бы вирячь
В лямку куца —
Лег бы богач!..
Экой песок!
Эка гора!
Экой денёк!
Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пенне душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За сердце звуки берут.
Что жь это, господи! Всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Вест лесамп, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

ЭПИЛОГ

«Я — вор!» вдруг громко прозвучал
Какой-то голос иступленный.
По зале шопот пробежал
И смолк. Глубоко-удивленный,
Плотнее к двери я припик:
Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик...
Ужель Зацепа гениальный?
Да, верно! Бледен, как мертвец,
В очах глубокое страданье...

Чу! новый вошь! И, наконец —
Неудержимое рыданье!

КНЯЗЬ ИВАН

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Постороннему — обидно,
А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь нас уйти!

Ушел Эфруси, важный грек,
Кивнув собранью величаво...
«Куда же вы?» воскликнул Савга:
«Зацепин — умный человек,
Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то пафос покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра жь — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!
Как под дождем цветы растут
Сильней — прибавил он к свреям —
Так эти бури придают
На-утро блеск его идеям!..»

ЗАЦЕПИН

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой

Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или конническая пуля!

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жиды вскочили... стали рядом...
«Куда? Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздух душен стал...
Зацепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал...

князь иван

На миллион согреша,
На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Зацепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацалай паличность,

Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и бородка:
«Американский прием»,
«Великорусская сметка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготее сердцежно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни понаю — тащат,
«Наш идеал» — говорят —
«За-атлантический брат:
Бог его — тоже, ведь, доллар!..»

Правда! по разнице в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

ЗАЦЕПИИ

К религии наклонность я питал,
Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...
(Рыдает)

КНЯЗЬ ИВАН

Ты книги подчистил? И только!
Уйми щекотливую честь!
Ах! еслиб все вышили столько,
Не то услышали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,
Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознание,
Что шатко общественный крест

Ты нес, получая даиные
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
Таятся подход к грабежу.
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял,
И, плутни других обнаружа,
Копеечки сам не украд?

Гонитель воров беспощадный,
Блстающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...
Утешься! *Блаженство паденья* —
Конечная цель мудреца!..

Редела дружная семья,
Поочередно подходили
К Задепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или язвительное слово!

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участием
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,

Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
    Богадельный дом.
Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
    Масло паливай!»

Подошел и Федор Шкурин.
— Прочь! не подходи!
Вместо сердца, грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Из живых людей!

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» пробормотал...
Князь Иван один был весел,
«Браво!» он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
Укротить порыв свирепой
В свой черед хотел...

КНЯЗЬ ИВАН

Ты Шиллера, должно быть, читался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал... и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле... по неволе?...
Припомним-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Учсный Швабс с энергией внушал
Любовь к труду, презрение к процентам,

Громя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы...
А ныне он — директор ссудной кассы...

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принцип — прощенье и любовь!»
Говаривал Володя Перелешин:
«Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора...»
А ныне он — товарищ прокурора...

Князь Трубецкой... ужь он ли над Россией,
Над мужичком голодным не грустил?
А кончил тем, что с земской гарантией
По пустырям дорогу проложил
И с помощью ненужной той дороги
Отяготил крестьянские налоги...

ЗАДЕШИИ *(внезапно вскакивает)*

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько ужь лет
Каме поем
Горе свое!

КНЯЗЬ ПЬАИ

Эх, ты! не кстатя перервал!
Шумит, как угли в самоваре!
А я бы верно перебрал
Весь Петербург: я бы в ударе!

ЗАДЕШИИ

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,

У дворянского рубля
Плутократ, как караульной,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульной
И — случится крррах!

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Не уходившие жида
Его почти не понимали;

Они подумали, что он
Свершил в России преступленья,
Украва казенный миллион,
И — предложили наставленья.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте пая,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К нашей финансовой матери.
Денежки — добрый товар —
Вы поселитесь на жительство
Где не достанет правительство,
И поживайте, как — *царр!*..

* Англия.

ЗАЦЕПИИ

Прочь! гнушаюсь ваших уз!..
Проклинаю процветающий,
Всё-берущий, всё-хватаящий,
Всё-ворующий союз!..

Ушли, полны негодованья,
Жида-банкиры... Леонид
С последним словом увещанья
Перед Зацепиным стоит.

ЛЕОНИД

Явленье — строго говоря —
Не ново с русскими великими умами:
С Ивана Грозного царя
До переписки Гоголя с друзьями,
Самобичующий протест —
Российских граждан достоянье!
Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознание;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна...
Мы искалечены безбожно
И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза)

Русской души не понять иноверцу...
Пусть он бичует себя, господи!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нет в покаянии стыда.
Что за нелепость — крестьянин не сеченый?
Нечем тут хвастать, а лучше молчать:
Темные пятна души изувеченной
Русскому глупо скрывать,

Ненасчислимы орудья клеймящие!
Если кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящие,
Это — уроды! Куда ни взгляни,
Всё под гребенку подстрижено,
Сбито с прямого пути,
Неотразимо обижено...
Где же спасенье найти?
Где? «В миллионах!» так жизнь подсказала,
Гений достигнуть помог...
Горе одно: он убить идеала
В сердце прекрасном не мог...
О, роковая судеб неизбежность!
В практике — строгий делец,
Голубь в душе — благородство и нежность!..
Вот его драма... Уснул, наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном)

Ужь лучше бить, чем битым быть,
Ужь лучше есть арбузы, чем солому...
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить!
Знай свой шесток и дань плати культуре!
На Западе — Мишле, Эдгар Кинс,
Овсянников — в родной твоей стране
Явленья — верные натуре!
И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...
О, господи! удвой желудок мой!
Утрой гортань! учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобрести,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом —
Вот русская незывлемая честь!

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают).

КНЯЗЬ П В А Н

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!
Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее...
Миллионы наживет!

С А В В А

(хлопоча, между тем, около Зацепы, говорит вполголоса)

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь,
Не хорошо! уйди домой
И там беснуйся сколько хочешь.
Или ты выгодным пашел
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын...
Усыпшит...

З А Ц Е П И Н

У меня нет сына...

(Бросает Савве телеграмму)

С А В В А *(читает)*

«Сегодня умер Константин».
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
Угрюм и зол, в хандре глубокой,
Недаром так безумно пил...
Удар, действительно, жестокий!..

Гриша — бражник широких натур —
С молодю в крайности дерзко бросался,
То миллионов желал самодур,
То в монастырь запереться сбирался.
И богомолец, и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства,
Стал он со временем туз откупной —
Эксплуататор народного пьянства.
Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале
И провалился — по новости дел...
Многие так провалились в начале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,
Дерзко на бирже съиграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы... Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепы скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,
Мысль озарила — неси к нему план,
А без Зацепы не смей и соваться...

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли?» «Правда ли?» юноша смею
Сыплет вопросы — и нет им конца;
Вспыхнула ссора. Зацепы взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он оканчивал курс, голодал,
Письма и деньги отцу возвращая.

В тайне Зацепа о нем тосковал...
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«Вором отца обозвали при нем»...
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел
И разыгралась во-очию драма...

Князь острил, бурлил Зацепа,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирепо,
Да с азартом соду пил.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядем в горку!» вдруг сказал.
Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
И Зацепин к ним подстал.

[9 июля. Карабиха]

172

„ИЗ СОВРЕМЕННОКОВ“

1

[ЛИТЕРАТОР]

Заглянул я в залу эту
И прижался у дверей.
Седовласому поэту
Здесь справляли юбилей.
Семь речей ему сказали,
Все заслуги перечли,

И к Шекспиру приравняли
И Гомером нарекли...
Что же вышло? Друг искусства
Как-то холодно внимал:
«Ваши речи полны чувства,
Полны искренних похвал,
Их довольно, чтоб прославить
Мой художественный дар,
Но... позвольте мне прибавить...»
Скромно молвил юбиляр
И затем себе восьмую
Речь сказал любимец муз
С жаром, с чувством... да такую,
Что льстецы пришли в конфуз!
Пошлость их речей бездарных
Стала каждому ясна:
Вместо фраз высокопарных
Речь его была полна
Поэтических сравнений,
Поэтических картин,
Блеск и сила!.. Точно: гений,
Да притом — и века сын:
Что за радость быть педантом,
Скромность вечную хранить?
Всем служить своим талантом,
А себе не послужить?..

2

[НОВЫЙ ГУБЕРНАТОР]

«...С богом, с богом! торопитесь!
Там скучненько, говорят.
Что же делать? Потрудитесь!
Рано вам еще в Сенат.
Прокатиться можно в зимку,
Далеко ль от вас Москва?..
Недоимку! недоимку!
Остальное — трясина!..»

[ВОЕННЫЙ СПОР]

Военный пвр... военный спор...
 Не знаю, кто тут триумфатор.
 «Аничков — вор! Мордвинов — вор!»
 Кричит зарвавшийся оратор:
 «Милютин ваш — не патриот,
 А просто карбонарий ярой.
 Куда он армию ведет?..
 Нет! лучше был порядок старый!
 Солдата в палки ставь, — и знай,
 Что только палка бьет пороки!
 Читай историю, читай!
 Благие в ней найдешь уроки:
 Где страх начальства, там и честь.
 А страх без палки — скоротечен.
 Пусть целый день не мог присесть
 Солдат, порядочно посечен,
 Пускай он ночью оставлял
 Кровавый след на жестком ложе,
 Не он ли в битвах доказал,
 Что бит не битого дороже?»...

[ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КАЗЕННОЙ ПАЛАТЫ]

Председатель Казенной Палаты, —
 Представительный тучный старик,
 И Директор. Я слышал дебаты,
 Но о чем? хорошенько не вник.
 «Мы вас вызвали... ваши способности...»
 — Нет-с! вернее: решительность мер.
 «Не вхожу ни в какие подробности,
 Вы — губерниям прочим пример,
 Господин Председатель Пасьянсов!»
 — Гран-Пасьянсов! поправил старик.
 «Были бы рай в министерстве финансов,
 Если б всюду платил так мужик!..

«Очень трудны теперь обстоятельства...
Если б меры такие жь принять...»
— Не советую, ваше сиятельство,
Всё погубите, смею сказать!

— Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик.
«Но — пример ваш, почтенный Пасьянсов?..»
— Гран-Пасьянсов! поправил старик...

5

[ВОИНЫ]

Путь, отечеству любезной,
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед бездной,
Ты...
Татарин нелюбезной
Двери круто затворил.

Несмотря на все старанья
Речь дослушать я не мог.
Слышны только лобызанья
Да: «ура...» да: «с нами бог!..»

6

Послушайте — не много ль
Такое погребенье?
Не Пушкин же, не Гоголь,
Леонтьев!..
«Ваше мнение
Есть плод лицепрятья!
Не будьте слишком строги.
В Москве — свои понятия,
Свои герои, боги.

«Московского Зевеса
Я там увидел снова:

Поверьте, наша пресса
Клеветает на Каткова.

«Ужель у патриота
В основе убежденья
Тупая жажда гнета
И похоть истребления?»

7

[НАПУТСТВИЕ]

«Были вы вчера студенты,
Нынче — граждане!» гласит
Дослужившийся до ленты
Старичок: — «Да сохранит
Вас судьба в житейской битве,
На прощанье повторю:
Путь спасения — в молитве
И в покорности царю!
Будьте, юноши! степенней,
Ретрограднее отцов!
Есть ли в мире что презренней
Агитаторов-глупцов?
Ваши сестры, ваши братья,
А нередко и отцы —
Распростерли им объятия,
Уготовали венцы!
Всюду — страшно молвить даже! —
Им поддержка, им почет...
Стань же, юноша! на страже!
Будь отечества оплот!
Будь семьи руководитель,
Злу не дай торжествовать,
Заблуждается родитель —
И родителя поцять...
Блага жизни вам дадутся,
Лишь не идите по стопам
Тех, что дерзко предаются
Анархическим мечтам!

Им готовит провиденье,
Вместо власти и венца,
Одиночество, забвенье
И — изгнание без конца...»

8

— Здравствуй, умная головка!
Ты давно ль из чуждых стран?
Кстати, что твоя «Поповка»,
Поплыла ли в океан? .

«Плохо! дело не спорится.
Опыт толку не даст:
Всё кружится да кружится,
Всё кружится... не плывет!»

— Это, брат, эмблема века,
Если толком разберешь.
Нет в России человека
С кем бы не было того жь!

Что-то каждому пеловко,
В чем-то где-то есть грешок.
Мы кружимся, как «Поповка»,
А вперед — ни на вершок!

9

— Да! провинция пустеет:
Города объаты сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом.

Кто не «высшего разбора»,
Убегай из наших мест,
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заест!

Кто теперь там толку сыщет?
Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

Выбивают недоимку,
Разоряют до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловит каждая душа!

Даже божию стихию
Ополчились на крестьян:
Повсеместно по России —
Вихри, штормы, ураган.

Гром жилища зажигает,
Ивы град господень бьет,
Деньги земство обирает,
Жадный волк уносит скот!

С мужиком одним случилось —
То-то он оторопел! —
Даже почва провалилась,
Отведенная в надел!

Не затем мы уступали
Наши древние права,
Чтоб на наше место стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бедных мужиков!..
Там — семейные преданья,
Там — любезный прах отцов!

Праха отцов — добыча тленья,
А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!» •

Так искатели концессий,
Потерпевшие наклад
От хозяйственных профессий,
Нашим земцам говорят.

— «Нет, а мы так не уходим!
Обновив с народом связь,
Мы народ облагородим», —
Говорит — по Гнейсту — князь:

«Мы судебнo-полицейской
Властью — пьянство укротим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.

Князь Иван закончил пренья
О вреде предоставленья
Мужику гражданских прав,
Неожиданно сказал:

«Пусть глас народа — божий глас,
Но все-таки мужик — скотина!
Плохая шутка: свинопас
И рядом правнук Гедимина.

Враги дворян избрали
Нарочно земское компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство».

Дворянин многоземельный
С тайпой думою своей
Дышит скукою смертельной.
Есть субъекты веселей:

Генеральный бой дворянской
Проиграв, они наплись

И войною партизанской
На досуге занялись,

Не рискуя головою,
Эти рыцари страны .
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны:

Взяв с подряда «разрежьешь»
Государственных лесов,
Произведешь опустошенье,
Подменить у мужиков

Земли — дело «партизана»:
Он — процентщик, он — торгаш,
Не уйдешь его капкана,
Неизбежно дань отдашь!..

10

Где, бывало, леса вековые
На огромных пространствах шумят,
Там теперь пустыри бесконечные
Пеленою могильной лежат.

11

Хоть трудись в ярме железном,
Хоть издохни ты в борьбе,
Нет у средства быть полезным
Ни народу, ни себе!

СО Д Е Р Ж А Н И Е *

КНИГА ПЕРВАЯ

В. Я. Кирпотин. — П. А. Некрасов VII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1861

100. Что ни год — уменьшаются силы	5	771
101. Крестьянские дети	—	772
102. Похороны	13	—
103. Слезы и нервы	15	775
104. Тургеневу («Мы вышли вместе...»)	17	775
105. Коробейники	19	777
106. Свобода	39	781
107. Дешевая покунка	40	—
108. Двадцатое ноября 1861 года	43	782

1862

109. Зеленый Шум	44	782
110. Литература, с трескучими фразами	46	783
111. Надрывается сердце от муки	—	—
112. Что думает старуха, когда ей не снится	47	784

1863

113. В полном разгаре страда деревенская	49	784
114. Кумушки	50	—
115. Калистрат	52	785
116. Пожарище	—	—
117. «Благодарение господу богу...»	53	—
118. Орина, мать солдатская	54	792

* Цифры, набранные обычным шрифтом, обозначают страницу текста стихотворений, набранные курсивом — страницу примечаний.

119. Мороз, красный нос	58	792
Часть первая. Смерть крестьянина	60	—
Часть вторая. Мороз, красный нос	74	—

1864

120. Памяти Добролюбова	94	795
121. Притча о Ермолае трудящемся	95	796
122. Железная дорога	96	—
123. Возвращение	101	799
124. Начало поэмы	—	—

1865

125. О погоде. Часть вторая.		
I. Крещенские морозы	103	800
II. Кому холодно, кому жарко!	107	801
126. Газетная	112	802
127. Песни о свободном слове	—	806
I. Рассыльный	121	—
II. Наборщики	123	—
III. Поэт	126	—
IV. Литераторы	127	—
V. Фельетонная букашка	—	—
VI. Публика	129	—
VII. Осторожность	134	—
VIII. Пропала книга	137	811

1866

128. Балет	139	812
129. Ликует враг, молчит в недоумении	150	816
130. Песни		
I. У людей-то в дому — чистота, лепота	151	—
II. Катерина	—	—
III. Молодые	152	—
IV. Сват и жених	153	817
V. Гимн	155	—

1867

131. Неизвестному другу, приславшему мне стихотворение «Не может быть»	156	817
132. Выбор	157	819
133. Медвежья охота	160	—
134. Песня («Отпусти меня, родная...»)	177	826
135. Песня о труде	178	827

136. Человек сороковых годов (Из «Записной книжки»)	179	827
137. Стихотворения, посвященные русским детям		
I. Дядюшка Яков	180	828
II. Пчелы	183	—
III. Генерал Топтыгин	185	829
138. Суд (Современная повесть)	188	—
139. Эй, Иван! (Тип недавнего прошлого)	199	851
140. С работы	203	—
141. Зачем меня на части рвете	204	—
142. Еще тройка	205	852

1868

143. Мать («Она была исполнена печали. . .»)	207	854
144. Не рыдай так безумно над ним	—	855
145. Душно! без счастья и воли	208	856
146. Дома — лучше!	209	—
147. Наконец, не горит уже лес	—	—

1870

148. Дедушка	210	857
149. Страшный год	223	840
150. Стихотворения, посвященные русским детям		
I. Дедушка Мазай и зайцы	224	841
II. Соловьи	229	842

1871

151. Недавнее время (А. Н. Еракову)	232	842
152. Декабристки. Княгиня Трубецкая	253	845

1872

153. Декабристки. Княгиня М. Н. Волконская	280	845
154. Кузнец	320	857

1873

155. Детство («В первые годы младенчества . . .»)	322	858
156. Накануне светлого праздника (Из стихотворений, посвященных русским детям)	326	—
157. Три элегии (А. Н. Плещееву)	329	—

1874

158. Утро	333	859
159. Над чем мы смеемся.	334	860
160. Уныние	335	862
161. . . . Но первые шаги не в нашей власти!	341	864
162. Путешественник (Из «Записной книжки»). . . .	342	865
163. Ночлеги		
I. На постоялом дворе	343	866
II. На погорелом месте	346	—
III. У Трофима.	349	867
164. Отъезжающему	351	—
165. На покосе (Из «Записной книжки»).	352	—
166. Пророк	—	868
167. Горе старого Наума (Волижская быль).	353	—
168. Элегия (А. Н. В[рако]ву.)	363	870
169. Поэту (Памяти Шиллера)	365	871

1875

170. М. Е. Салтыкову. При отъезде за границу . . .	366	873
171. Современники		
Часть первая. Юбиляры и триумфаторы. . . .	367	874
Часть вторая. Герои времени	381	877
Песня об «орошении».	400	—
В гору! (Бурлацкая песня)	415	—
Эпилог	416	—
Еврейская мелодия	423	—
172. Из «Современников»		
1. [Литератор]	428	899
2. [Новый губернатор].	429	—
3. [Военный спор].	430	900
4. [Председатель Казенной палаты]	—	—
5. [Воины].	431	901
6. Послушайте — не много ль	—	—
7. [Напутствие]	432	902
8. — Здравствуй, умная головка!	433	905
9. — Да! провинция пустеет.	—	904
10. Где, бывало, леса вековые.	436	905
11. Хоть трудись в ярме железном.	—	—

*Между стр. VI и VII помещен портрет
Н. А. Некрасова с фотографии 70-х годов*

Ред. **И. М. Рубановский**
Художественная редакция
М. П. Сокольников
Лит.-технич. наблюдение
В. В. Чешчина
Технический редактор
Н. П. Макиева
Наблюд. на производстве
Г. А. Батков

★

Подпис. к печати с матриц
16.II.1937. Вышла в свет
1V.1937. Тираж 15 300 экз.
Уполномоченный Главлита
№ Б-21350. Изд. № 241.
Индекс А.-О. Уч.-авт. л.
21,45. Печ. лист. 34,5.
Бумага 82 × 110¹/₃₂. Бум.
л. 7,9. Заказ № 3161.

★

Отпечатано во 2-й ти-
пографии ОГПЗ РСФСР
треста «Полиграфкино»
«Печатный двор» имени
А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинская, 26.

Цена Р. 5.—

Переплет Р. 3.—

